

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А.С. ПУШКИНА

ММ

ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Сборник научных работ по итогам
Международной научно-практической
конференции «XXVIII Пушкинские чтения»
(Москва, 17–19 октября 2018 г.)*

Москва
2019

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А. С. ПУШКИНА

ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник научных работ по итогам
Международной научно-практической
конференции «XXVIII Пушкинские чтения»
(Москва, 17–19 октября 2018 г.)

Москва
2019

УДК 821.161.1 + 378

ББК 84(2)

П 91

*Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.
Протокол № 4 от 24 января 2019 года*

Редакционная коллегия:

В. И. Аннушкин, доктор филол. наук, профессор

Э. М. Афанасьева, доктор филол. наук, доцент (научный ректор)

И. С. Леонов, кандидат филол. наук, доцент

Рецензенты:

М. Н. Дарвин, доктор филол. наук, профессор РГГУ

И. С. Юхнова, доктор филол. наук, профессор ННГУ им. Н. И. Лобачевского

Статьи публикуются в авторской редакции.

П 91 Пушкинские чтения : сборник научных работ по итогам Международной научно-практической конференции «XXVIII Пушкинские чтения» (Москва, 17–19 октября 2018 г.). – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. – 222 с.

ISBN 978-5-98269-206-1

«Пушкинские чтения» – сборник научных работ по итогам Международной научно-практической конференции «XXVIII Пушкинские чтения», состоявшейся 17–19 октября 2018 г. в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина. Статьи посвящены исследованию поэтики художественных текстов А. С. Пушкина, проблемным вопросам пушкинистики, истории и современному состоянию русского языка, методике преподавания художественного наследия писателя. Ряд публикаций освещает возможности изучения художественных текстов с помощью цифровых образовательных технологий. В финальный раздел сборника вошли работы молодых ученых, в том числе участников Пушкинского семинара Института Пушкина.

УДК 821.161.1 + 378

ББК 84(2)

ISBN 978-5-98269-206-1

© Государственный институт русского
языка им. А. С. Пушкина, 2019

Содержание

Пушкинские чтения в Институте Пушкина 9

ТВОРЧЕСТВО А. С. ПУШКИНА И ПУШКИНИСТИКА

Афанасьева Э. М.

Творчество А. С. Пушкина и пушкинистика
эпохи цифровых коммуникаций 10

Карасик В. И.

Концептуализация творчества в поэтическом идиолекте А. С. Пушкина . . . 17

Травников С. Н.

Образ русалки в литературе и фольклоре пушкинского времени 28

Ляшенко Т. М.

Инициация мертвой царевны: архетипическое содержание
«Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» 38

Гришаева Л. Н.

Прием отточий и мотив опустошения героя
в первой главе романа «Евгений Онегин» А. С. Пушкина 44

Июльская Е. Г., Петривняя Е. К., Соломонова А. А.

Диалектика мироздания и поведения человека
в повести А. С. Пушкина «Метель» 50

Якушева Г. В.

Пушкин о честном слове: злободневное в критике
и публицистике нашего гения 57

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ОТ ПУШКИНА ДО ЭПОХИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннушкин В. И.

Термины *язык – речь – слово*
в «словесных науках» первой половины XIX века 64

Иванчук И. А.

Влияние А. С. Пушкина на сложение норм литературно-разговорной
речи (культурно-речевой быт пушкинской среды). 70

Китанина Э. А., Харламова С. И.

Галлицизмы в творчестве А. С. Пушкина 76

Смирнова В. Г.

А. С. Пушкин и русская языковая картина мира 81

Щербаков А. В.

Стилистические трансформации в современном русском языке 86

Сатина Т. В.

О проблеме развития и сохранения норм
русского литературного языка 93

ТВОРЧЕСТВО А. С. ПУШКИНА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Шантурова Г. А.

Аспект «Домашнее чтение» в обучении РКИ стажеров-русистов 97

Трегубчик А. В.

Методические аспекты изучения произведений А. С. Пушкина
на занятиях по РКИ 101

Гусева А. Х.

Методика разработки интерактивного сценария урока по
произведениям А. С. Пушкина: модуль дополнительной
профессиональной программы. 107

Гусева А. Х.

Применение иллюстративных мультимедийных материалов
к сказкам А. С. Пушкина в преподавании переводческого чтения 113

Роговнева Ю. В., Степаненко В. Е.

Репродуктивная модель видения действительности
в эпоху цифровизации 119

Коренева А. В.

Многоаспектность культуры речи и ее влияние на содержательное
наполнение курса «Русский язык и культура речи». 122

Костренкова А. В.

Сенсорная география произведений А. С. Пушкина:
из опыта использования в коррекционной работе с детьми,
имеющими статус ОВЗ 130

ТВОРЧЕСТВО А. С. ПУШКИНА В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ МИРЕ

Савченко Т. К.

Пушкин в «русском» Китае..... 135

Кумахова З. М.

Пушкин в Америке: к вопросу об аутентичности,
адаптации и переводе пушкинских текстов 141

Сичинава Н. Г.

Лингвокультурологические и социально-исторические
лакунарные единицы в прозе А. С. Пушкина
и способы их элиминации в грузинском переводе 145

Туманов Д. В., Егорова Л. Г.

Пушкиниана 1937 года: формирование межкультурной коммуникации . . . 151

Закирова Н. Н., Чиговская-Назарова Я. А.

Пушкиниана в поликультурном пространстве Удмуртии 157

ДИАЛОГИ О ПУШКИНЕ

Мухаммад Л. П.

Антропологический принцип философии и пушкинский стих 163

Яроцкая Ю. А.

А. С. Пушкин и культура Приморья в конце XIX – начале XX вв..... 167

Заболоцкая И. К.

Тайна гениальности: А. С. Пушкин, О. Бальзак 173

Чичина М. О., Романчук Н. В.

Мировоззрение России, отраженное в творчестве А. С. Пушкина,
и читатели XX и XXI веков 182

Есырев О. В.

«Онегин» и любовь 190

РАБОТЫ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Гуськова М. Д.

Имя автора в предисловии к «Повестям Белкина» А. С. Пушкина 195

Зайцев Н. А.

Эпиграмма А. С. Пушкина «Сказали раз царю, что наконец...»
как проявление басенного начала в русской эпиграмматике 199

Шамова Н. Д.

Пушкин в современной музыке: трансформация образа 206

Яшин А. С.

«Незаменные три песни»: А. С. Пушкин и русская молодецкая лирика 211

Тимощенкова В. С.

Современные возможности изучения творчества А. С. Пушкина
(на примере использования сетевых ресурсов Интернета) 216

ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ В ИНСТИТУТЕ ПУШКИНА

В октябре 2018 года, после пятилетнего перерыва, в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина возобновилась работа Международной научно-практической конференции «Пушкинские чтения». Открывая конференцию, проректор по науке, доктор филологических наук М. А. Осадчий отметил, что сегодня в вузе, носящем имя Пушкина, пушкинистика заявлена как приоритетное научное направление.

Статьи, включенные в предлагаемый сборник, посвящены литературоведческим исследованиям поэтики пушкинских текстов, пушкинской традиции, современным вопросам пушкинистики, методике преподавания художественного наследия писателя, истории и современному состоянию русского языка. Ряд публикаций освещают возможности цифровой педагогики и вопросы использования современных образовательных технологий в педагогической практике. В сборник также вошли статьи, отражающие интерес к творчеству А. С. Пушкина на уровне так называемой любительской пушкинистики, характеризующей литературоцентризм, присущий российской интеллигенции. С 2018 г. в Институте Пушкина начал работу Пушкинский семинар под руководством доктора филологических наук Э. М. Афанасьевой. В финальный раздел сборника помещены статьи молодых ученых, в том числе участников этого семинара.

XXVIII Пушкинские чтения состоялись в преддверии 220-летия со дня рождения писателя. Научный диалог помог сформировать представление о характере взаимодействия разных подходов в исследовании и преподавании художественного и критического наследия Пушкина как в России, так и за рубежом.

ТВОРЧЕСТВО А. С. ПУШКИНА И ПУШКИНИСТИКА

Э. М. Афанасьева

EMAFanaseva@pushkin.institute

доктор филол. наук, главный научный сотрудник

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

ТВОРЧЕСТВО А. С. ПУШКИНА И ПУШКИНИСТИКА ЭПОХИ ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Аннотация. Пушкинистика – ключевое направление филологических исследований, служащее камертоном оценки тех процессов, которые претерпевает русский литературный язык, литературный процесс, литературоведение как наука. В статье ставится вопрос о том, что и творчество Пушкина, и история его исследования существуют по модели гипертекста. Код этого гипертекста заключается в эстетике Пушкина, который стремился преодолеть принципы линейного письма. Важной задачей современной пушкинистики является формирование качественного интернет-контента с учетом многослойной природы сформированного гипертекста и возможностей цифровых технологий.

Ключевые слова: А.С. Пушкин; пушкинистика; литературоведение; история литературы; цифровые технологии; нелинейное письмо.

К началу XXI в. наследие А.С. Пушкина вместе с научной пушкинистикой и творческой пушкинианой оформилось в особого рода гипертекст, знакомство с которым становится все более и более затруднительным в связи с неимоверным объемом источников. Тем более что на сегодняшний день мы имеем дело с массивом параллельно существующих текстов: рукописи (и их факсимильное воспроизведение в печатных версиях), журнально-книжные публикации, оцифровка опубликованных ранее материалов, интегрированных в цифровую среду, интернет-источники, появившиеся в последнее время. К этому массиву также относится музыкальная, театральная, балетная, кино-, фото-, живописная и др. пушкиниана, прочно интегрированная в российский и мировой культурный контекст.

Активное развитие академической пушкинистики связано с XX веком, когда был сформирован и описан пушкинский архив, выработана методика расшифровки и публикации первоисточников, велась активная работа над академическими изданиями собраний сочинений, составлением научной биографии, систематизировалась и публиковалась библиография [14, 3 и др.].

В советское время был определен круг авторитетных изданий, где публиковались результаты исследований о Пушкине, пушкинской эпохе, о творческой пушкиниане и т.д. Пальма первенства принадлежала специализированным изданиям ИМЛИ РАН и, в большей степени, ИРЛИ РАН («Пушкинский Дом»): «Пушкин и его современники», «Пушкин: Исследования и материалы», «Пушкин: Временник пушкинской комиссии», «Временник пушкинской комиссии», а также «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка». Параллельно развивалась пушкинистика, центрами которой становились вузы и научные школы при академических учреждениях, пушкинских музеях в Москве, Санкт-Петербурге, Болдино, Михайловском. Это способствовало публикации монографических исследований и изданию тематических сборников научных работ, например, «Болдинские чтения», «Пушкинские чтения» в Михайловском, «Пушкинские чтения в Тарту», «Сибирская пушкинистика», «Пушкинские сборники», издаваемые в Пскове, Риге и мн. др. [15, 17 и др.].

На сегодняшний день пушкинистика стала камертоном оценки тех процессов, которые претерпевает и русский литературный язык, и литературный процесс, и литературоведение как наука. А опыт научного исследования пушкинских тем, связанных с изучением рукописного наследия писателя и его окружения, эдиционной практикой, разработкой биографического метода исследования, историей и теорией анализа и интерпретации художественных, эпистолярных, критических и др. источников стал уникальным явлением, определившим развитие филологических, текстологических, культурологических, педагогических специальностей.

К началу XXI в. мы можем констатировать тот факт, что современная пушкинистика должна решать такие же вопросы, над которыми работали исследователи прошлого столетия. Ученые XX в. прошли путь расшифровки и описания рукописных источников, перевод их в печатную версию с учетом смены орфографии, изменений культурно-исторических и языковых реалий. Пушкинистика XXI в. находится в подобной ситуации решения актуальных вопросов. Развитие цифровых технологий связано с процессом интеграции литературной классики в виртуальное пространство. Теперь уже печатный текст подвергается адаптации для чтения с экрана компьютера, смартфона, электронной книги. А у современного читателя появляются новые возможности: интернет-серфинг позволяет познакомиться с разными типами ресурсов – от рукописных первоисточников и прижизненных публикаций писателей разных эпох до интернет-мемов и лайфхаков. Цифровизация рукописных и печатных источников XIX в. на сегодняшний день требует и сохранения накопленного научного опыта публикации, и интерпретации текстов, и актуализации научных комментариев, в том числе и с учетом восприятия текстов поколением Z.

Ещё в 1960-е гг. Ж. Деррида поставил вопрос о проблеме преодоления линейности письма, непосредственным образом связанный с выработкой новых навыков чтения: «начало нелинейного письма потребовало перечитать все прежде написанное – но уже в другой организации пространства. Проблема чтения – это сейчас передний край науки именно потому, что мы находимся сейчас в подвешенном состоянии (*suspens*) между двумя эпохами письма» [8, с. 222]. Сосуществование двух эпох письма – книжного и цифрового – актуализировалось в первой трети XXI века. По мнению Дерриды, этот процесс станет фактом разрушения линейного письма: «Вот уже более века мы наблюдаем это беспокойство философии, науки, литературы; все происходящее в них перевороты должны трактоваться как сотрясения, малопомалу разрушающие линейную модель. Или, иначе, эпическую модель. То, что нынче требует осмысления, уже не может быть линейной записью, внесенной в книгу: в противном случае мы уподобимся тем, кто преподает современную математику с помощью конторских счетов» [8, с. 223].

Эстетический код преодоления линейного письма и, соответственно, линейного принципа чтения, в какой-то степени заложен в художественной системе Пушкина и в сложившейся истории интерпретации творчества Пушкина. Приведем несколько примеров. Прием авторских комментариев, известный художественной системе Пушкина, основан на преодолении принципов последовательного чтения. Авторские комментарии сопровождают прижизненные публикации «Кавказского пленника», «Медного всадника», «Евгения Онегина», цикла «Песни западных славян» и др. произведений. В этой же парадигме можно рассмотреть жанр «опровержение на критику», который, с одной стороны, отсылает к художественному первоисточнику, с другой – ориентирован на дискуссии с литературными оппонентами. В академических изданиях «Опровержение на критику» публикуются как раз в линейной парадигме – как единый критический блок, помещенный в отдельном томе собрания сочинений. Цифровая среда позволяет напрямую соотносить художественный текст и прижизненный контекст: система гиперссылок позволяет, в частности, приблизить художественный первоисточник к парадигме критических баталий.

Вторым примером преодоления линейного письма и, соответственно, чтения, стала научная практика комментирования художественных текстов. Ключевым и самым востребованным в практике комментирования художественного текста стала история толкований «Евгения Онегина». Этот роман с момента публикации и до сегодняшнего дня существует по законам гипертекста, преодолевающего линейность восприятия с учетом целого спектра комментариев, начиная с примечаний самого А.С. Пушкина, истории научных комментариев, в т.ч. А. Вольского [7], позже Г. О. Винокура [6], В. В. Томашевского [20], специальных изданий Вл. Набокова, Ю.М. Лотмана и др.

[см., например: 18, 19], вплоть до двухтомника «Онегинская энциклопедия» [12] и интерпретации онегинского кода русской литературы в публикациях последнего времени (см., например, статью И.С. Юхновой [22]). И это лишь неполный список истории комментирования романа в стихах.

Применительно к сегодняшнему времени можно сказать, что процесс актуализации комментариев романа не завершен. Приведем пример из седьмой главы «Евгения Онегина», характеризующий смену читательских парадигм XXI в. в соотнесении с пушкинской эстетикой. В XXIII строфе описывается знакомство Татьяны с библиотекой Онегина и раскрывается ситуация «вторичного чтения», читательского погружения героини в тексты, уже прочитанные героем:

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей;
Глаза внимательной девицы
Устремлены на них живеи.
Татьяна видит с трепетаньем,
Какою мыслью, замечаньем
Бывал Онегин поражен,
В чем молча соглашался он.
На их полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя невольно выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

[13, с. 148–149]

Библиотека – неотъемлемая составляющая дворянской культуры, хорошо понимаемая и воспринимаемая читателями XX века, у которых был свой опыт диалога с домашними библиотеками, являющимися моделью мироустройства большинства семей советского времени. История читательских маргиналий с «отметкой резкою ногтей» у Пушкина – знак книжной культуры, которая стала объектом специального анализа пушкинистов [10]. Домашние библиотеки в настоящее время становятся большой редкостью, а книжные маргиналии постепенно сменяются читательскими активностями в цифровой среде. Тот тип читательской активности, который описан в романе Пушкина, сегодня существует параллельно с цифровыми практиками чтения, у которых также выработана своя система «заметок» и «закладок», особенно если речь идет об электронных книгах. Таков один из примеров, когда смена читательских парадигм потребует корректности нового комментария, в том числе и с учетом преодоления линейного характера письма и чтения.

Эпоха цифровых технологий сопряжена и с задачей формирования пушкинского контента в сети Интернет. Отметим несколько интернет-площа-

14 | док, систематизировавших материалы, связанных с жизнью и творчеством А.С. Пушкина: официальный сайт ИРЛИ РАН («Пушкинский Дом») [16], Фундаментальная электронная библиотека (ФЭБ) «Русская литература и фольклор» [21], антология пушкинистики, подготовленная кафедрой русской литературы Тартуского университета [25], электронное академическое издание А.С. Пушкина Pushkin Digital [23]. Благодаря этим ресурсам стали доступны уникальные архивы Пушкинского Дома, востребованные, прежде всего, в практике научных исследований. ФЭБ представила формат оцифровки печатных текстов и единообразного их размещения – с возможностью перевода любого источника в версию для печати с четким библиографическим описанием. Начальный этап реализации проекта Pushkin Digital ставит целью современное академическое издание с многоуровневым комментарием. Все проекты прошли путь адаптации в цифровой среде опыта работы с первоисточниками, выработанного академической пушкинистикой.

Ответом на запросы современной аудитории становятся и онлайн-курсы [2], в том числе и в формате МООК (массовые открытые онлайн-курсы). К специализированной цифровой площадке, размещающей материалы о жизни и творчестве А.С. Пушкина, относится портал «Образование на русском», где сформирована система МООК и интерактивных авторских курсов [24]. Одним из востребованных гуманитарных проектов с качественным контентом является проект Arzamas [1], посвященный истории литературы и культуры.

Интернет-пушкиника развивается активно и, в то же время, стихийно. Она включает в себя специализированные сайты, в т.ч. сайты музеев, библиотек, вузов, отдельные тематические ресурсы, а также блогосферу, соцсети, интернет-акции и мн. другое. Этот процесс сам по себе может стать объектом научного осмысления. Но не менее важная задача, стоящая перед пушкинистикой цифровой эпохи, – формирование качественного интернет-контента, продолжающего традиции одной из самых разработанных сфер литературоведения, с учетом природы сформированного гипертекста и запросов современных читателей.

Литература

1. Александр Пушкин / Arzamas. – URL: <https://arzamas.academy/special/ruslit/writers/pushkin>
2. Афанасьева Э. М. Массовые открытые онлайн-курсы в системе открытого образования: история и практика реализации // Русский язык за рубежом. № 1. 2018. С. 15–19.
3. Бодрова А. Краткая история пушкинистики. Как изучали Пушкина с середины XIX века и до наших дней. – URL: <https://gorky.media/context/kratkaya-istoriya-pushkinistiki/>
4. Бродский Н. Л. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 1932.

5. Бродский Н. Л. «Евгений Онегин»: Роман А. С. Пушкина: Пособие для учителей средней школы. 5-е изд. М., 1964.
6. Винокур Г. О. Слово и стих в «Евгении Онегине» // Пушкин: сборник статей. М., 1941. С. 168–169.
7. Вольский А. Объяснения и примечания к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 1877. С. IV–V.
8. Деррида Ж. О грамматологии. Paris: Editions de Minuit, 1967; М.: Издательство «Ad Marginem», 2000.
9. Лотман Ю.М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980; 2-е изд. 1983.
10. Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание // Пушкин и его современники: Материалы и исследования СПб.: тип. имп. АН, 1910. Вып. 9–10. XIX, 441 стр.
11. Набоков Вл. Комментарий к «Евгению Онегину» А.С. Пушкина. М.: Интелвак, 1999.
12. Онегинская энциклопедия: В 2 т. М.: Русский путь, 1999. 2004.
13. Пушкин А.С Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 6.
14. Пушкин: Итоги и проблемы изучения / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. М.; Л.: Наука, 1966. 663 с.
15. Пушкинские чтения в Тарту 2: Материалы международной научной конференции 18–20 сентября 1998 г. Тарту, 2000. – URL: <https://ruthenia.ru/document/342494.html>
16. Пушкинский кабинет / ИРЛИ РАН («Пушкинский Дом»). – URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?Tabid=10183>
17. Сибирская Пушкинистика сегодня. Новосибирск. 2000.
18. Сидяков Л. Из истории комментирования «Евгения Онегина». – URL: <https://ruthenia.ru/document/526614.html>
19. Степанов В. П., Дудочкин П. П., Фомичев С. А. Из комментария к «Евгению Онегину» // Временник Пушкинской комиссии, 1981 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. С. 159–168.
20. Томашевский Б. В. Десятая глава «Евгения Онегина»: История разгадки // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 411.
21. ЭНИ «Пушкин» / Фундаментальная электронная библиотека Русская литература и фольклор. – URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/default.asp>
22. Юхнова И.С. «Онегинский» сюжет, «онегинский» миф, «онегинский» код // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4–2. С. 181–185.
23. Pushkin Digital // <https://pushkin-digital.ru/>
24. Pushkininstitute.ru / портал «Образование на русском»
25. Ruthenia.ru/pushkin / Ruthenia, гуманитарный сайт

*E. M. Afanasyeva***THE WORK OF A. S. PUSHKIN AND PUSHKINISTICS OF THE ERA
OF DIGITAL COMMUNICATIONS**

Abstract. Pushkinistics is a key area of philological research, which serves as a tuning fork for assessing the processes that the Russian literary language, literary process, literary studies as a science undergoes. The article raises the question that both Pushkin's work and the history of his research exist as the model of hypertext. The code of this hypertext is in the aesthetics of Pushkin, who sought to overcome the principles of linear writing. An important task of modern pushkinistics is the formation of high-quality Internet content, taking into account the multilayer nature of the formed hypertext and the possibilities of digital technologies.

Keywords: A. S. Pushkin; pushkinistics; literature studies; history of literature; digital technologies; nonlinear writing.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ИДИОЛЕКТЕ А. С. ПУШКИНА

Аннотация. Рассматриваются индивидуально-авторские направления осмысления концепта «творчество» в поэзии А.С. Пушкина: 1) творчество как смысл бытия и высокое служение, 2) неподконтрольность вдохновения, 3) неизбежность творческих мук, 4) взыскательность поэта по отношению к себе и другим стихотворцам, 5) внутренняя свобода, естественность и верность своему призванию, 6) избранничество.

Ключевые слова: Пушкин; творчество; поэзия; идиолект; концепт.

Поэтический идиолект представляет собой индивидуально-авторское вербальное выражение отношения к миру в поэтических текстах. Предполагается, что такое осмысление реальности соотносится с коллективным этнокультурным миропониманием, но не полностью совпадает с ним. В данной работе рассматривается концепт «творчество» в идиолекте А.С. Пушкина. Этот квант переживаемого знания в значительной мере соответствует пониманию поэтом своей идентичности, миссии и судьбы. Справедливо считается, что А.С. Пушкину удалось создать основу русской поэтической картины мира. Концепт «творчество» в этом плане представляется одним из ключевых ментальных образований в произведениях поэта. Понимая концепт как сложное ментальное образование, в составе которого можно выделить понятийный, образный и ценностный компоненты, охарактеризуем общенародное осмысление творчества в русской лингвокультуре и те смысловые обертоны, которые данный концепт получает в поэтических произведениях А.С. Пушкина.

Индивидуально-авторское осмысление того или иного концепта есть его контекстуализация в широком смысле, т.е. включение в его содержание связанных с ним ситуативных и личностных смыслов. В семантической теории этот процесс обозначен как импликационал – совокупность семантических признаков, окружающих ядро значения [17, с. 25]. Применительно к концепту «творчество» возможны различные направления его осмысления в индивидуальном сознании: 1) высшее проявление сути человека, 2) диалог

как отклик на произведения предшественников и обращение к читателям, 3) миссия, возложенная на поэта, 4) испытание, 5) жертвоприношение и т.д.

Содержательный минимум понятия «творчество» отражен в дефинициях толковых и энциклопедических словарей: *творчество* – *деятельность человека, направленная на создание духовных или материальных ценностей* (БАС). *Творить* – *давать бытие, сотворять, созидать, создавать, производить, рождать* (Даль). В философском словаре это понятие уточняется следующим образом: деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее [5, с. 670]. Философское понимание творчества определяет этот феномен как волевой акт, вызывающий бытие из небытия, подчеркивается единство сознательной и бессознательной деятельности в художественном творчестве, при этом творчество противопоставляется конструированию, в котором имеет место лишь комбинирование старого. Психологическое понимание творчества выводит на первый план механизмы и этапы творческого процесса, включающего в качестве центрального момента озарение. Противопоставляются объективные и субъективные характеристики результатов творчества, в первом случае творчество есть удел немногих избранных людей, гениев и талантов, создавших великие художественные произведения или сделавших большие научные открытия, во втором случае – это любая деятельность, в результате которой возникают новые знания, решения, способы действия, материальные продукты [15, с. 649]. В культурологии подчеркивается статус творчества – вид мыслительной деятельности, представляющей собой высшее проявление человеческой духовности, при этом противопоставляются глубины творческого погружения в бессознательное: интуиция, озарение, просветление и откровение [10, с. 648].

Этимологически глагол «творить» восходит к и.-е. корню **tuer / tuor* – «хватать, схватывать» (Черных). Это слово синонимически связано с лексическими единицами «создавать», «созидать», «претворять», «производить», «формировать», «генерировать», «осуществлять», «рождать», которые уточняют исходную идею создания чего-либо – делать существующим (используя метаязык семантических примитивов, по А. Вежбицкой, – каузировать бытие). Уточнение осуществляется через сравнение с появлением живого существа на свет («рождать») и со строительством («создавать, созидать») либо характеризует идею воплощения мысли в реальность путем придания создаваемому объекту формы («формировать»).

Образы творческого процесса раскрываются в ситуации творения в виде субъекта, объекта, способа и обстоятельств этого явления. Творчество – это эмоционально насыщенный процесс, требующий вдохновения, внутренней свободы, в определенной мере – непредсказуемости и сочетающий в себе мучение и радость, соответственно образы творцов – это лица людей, увлеченных созданием чего-либо и не обращающих внимания на различные

помехи. Объектом творчества может быть любой предмет, который создаётся по воле творца, обычно речь идет о произведениях художественного творчества либо игры, которая приносит радость. Способ как внутреннее обстоятельство творчества относится к сфере деятельности: поэт или художник ищут и находят художественные образы, свободно перебирая варианты и стараясь найти наиболее точное новое воплощение некоторого исходного замысла. Внешние обстоятельства творческого процесса могут быть способствующими либо препятствующими ему.

Оценка творчества относится к его значимости для субъекта, к способностям и умениям этого субъекта, к качеству получившегося результата. Предполагается, что у субъекта есть потребность создать нечто (нельзя творить по принуждению), способности и умения субъекта могут быть высокими и низкими, отрицательно оценивается низкое качество творения и имитация творческого процесса. Различаются два типа оценки – внутренняя оценка субъекта по отношению к творчеству и внешняя оценка критиков по отношению к субъекту и результатам его деятельности.

Определив предварительно ориентиры осмысления творчества в коллективном сознании, обратимся к его интерпретации в идиолекте А.С. Пушкина. Изучению языка и стиля великого поэта посвящено множество исследований пушкинистов, перечисление которых составило бы солидный том. Приведу несколько названий фундаментальных отечественных исследований в области пушкинистики [2; 4; 6; 8; 9; 11–14; 16; 19–21].

Анализ опубликованных стихотворений А.С. Пушкина позволяет противопоставить его отношение к поэзии в разные периоды его жизни и творчества. Отметим, что отношение к поэту в разные эпохи менялось, его воспринимали и как «чудо-ребенка», и как «надменного аристократа», и как «невольника чести», и как «солнце русской поэзии» [7]. Можно выделить следующие характеристики творчества в произведениях юного Пушкина.

Поэзия – это дар свыше:

Ах! счастлив, счастлив тот, кто лиру в дар от Феба / во цвете лет возьмёт! (Городок).

По доброте души я верил в упоеньи / Волшебнице-Мечте, шепнувшей: ты поэт (К Шишкову).

Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел (К Жуковскому).

Такое отношение к творчеству соответствует классической античной орфической традиции, согласно которой поэт является медиумом между божественным посланием и его выражением для людей. Этот дар становится миссией, т.е. высшим долгом, определяющим смысл жизни.

Поэзия – трудное бремя, которое нелегко вынести:

Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса; / за лаврами спешишь опасною стезей / ... Арист, не тот поэт, кто рифмы плесть умеет / и, перьями скры-

20 | *ня, бумага не жалеет, / хорошие стихи не так легко писать / ... Счастлив, кто ко стихам не чувствуя охоты, проводит тихий век без горя, без заботы (К другу стихотворцу).*

Творчество суверенно, вдохновение посещает поэта внезапно и не поддается контролю:

... задумаюсь, взмахну руками, на рифмах вдруг заговорю (Моему Аристарху).

Или в минуту вдохновенья / Небрежно стансы намарать / И жечь потом свои творенья... (Послание к Юдину).

Четко выражено резко отрицательное отношение к произведениям низкого качества:

Но да не будет воскресенья / Усопшей прозы и стихов ... / Да не воскреснут от забвенья / Покойный господин Бобров, / Хвалы газетчика достойный, / И Николев, поэт покойный, / И беспокойный граф Хвостов, / И все, которые на свете / Писали слишком мудрено, / То есть, и хладно и темно, / Что очень стыдно и грешно! (Из письма к В.Л. Пушкину).

Покойник Клит в раю не будет: / Творил он тяжкие грехи. — / Пусть бог дела его забудет, / Как свет забыл его стихи! (Эпиграмма на смерть стихотворца).

Внимает он привычным ухом / Свист; / Марают он единым духом / Лист; / Потом всему терзает свету / Слух; / Потом печатает – и в Лету / Бух! (История стихотворца).

Такое отношение к творчеству, отметим, прослеживается в характеристике поэзии Владимира Ленского (*так он писал, темно и вяло, что романтизмом мы зовем*) в «Евгении Онегине».

Поэзия не может быть общедоступной, она адресована избранным:

Ты прав, творишь ты для немногих, / Не для завистливых судей, / Не для сборателей убогих / Чужих суждений и вестей, / Но для друзей таланта строгих, / Священной истины друзей. / Не всякого полюбит счастье, / Не все родились для венцов. / Блажен, кто знает сладострастье / Высоких мыслей и стихов! (Жуковскому).

Произведения настоящих художников хранимы судьбой:

Художник-варвар кистью сонной / Картину гения чернит / И свой рисунок беззаконный / Над ней бессмысленно чертит. / Но краски чуждые, с летами, / Спадают ветхой чешуей; / Создание гения пред нами / Выходит с прежней красотой (Возрождение).

С этим суждением перекликается известное высказывание М. Булгакова из «Мастера и Маргариты» «Рукописи не горят». Такая вера в свое предназначение позволяет художникам справиться с ударами судьбы, хотя в реальности, как известно, и рукописи горят, и взрываются прекрасные древние храмы, и исчезают безвозвратно прекрасные картины.

В произведениях зрелого Пушкина разных лет появляются новые характеристики творчества.

Иронически оценивается отношение общества к произведениям искусства как к средству достижения благополучия и славы. В этом плане показателен текст «Разговор книгопродавца с поэтом». Приведу выдержки:

Книгопродавец: Стишки любимца муз и граций / Мы вмиг рублями заменим.

Поэт: Поэт беспечный, я писал / Из вдохновенья, не из платы.

Книгопродавец: Но слава заменила вам / Мечтанья тайного отрады: / Вы разошлись по рукам.

Поэт: Блажен, кто про себя таил / Души высокие созданья / И от людей, как от могил, / Не ждал за чувство воздаянья! / Блажен, кто молча был поэт / И, терном славы не увитый, / Презренной чернью забытый, / Без имени покинул свет! / Обманчивей и снов надежды, / Что слава? шопот ли чтеца? / Гоненье ль низкого невежды? / Иль восхищение глупца?

Книгопродавец: Внемлите истине полезной: / Наш век – торгош; в сей век железный / Без денег и свободы нет. / Что Слава? – Яркая заплата / На ветхом рубище певца. / Нам нужно злата, злата, злата: / Копите злато до конца! ... / Не продается вдохновенье, / Но можно рукопись продать. / Что ж медлить? уж ко мне заходят / Нетерпеливые чтецы; / Вкруг лавки журналисты бродят, / За ними тощие певцы: / Кто просит пицци для сатиры, / Кто для души, кто для пера; / И признаюсь – от вашей лиры / Предвижу много я добра.

Поэт: Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся.

Мы видим, что поэт в итоге принимает предложение книгопродавца. Обратим внимание на то, что финальная реплика поэта оформлена как прозаическая фраза.

Творчество способствует увеличению гармонии в мире и побеждает вражду:

Но глас поэзии чудесной / Сердца враждебные дружит — / Перед улыбкою небесной / Земная ненависть <?> молчит (Графу Олизару).

Поэзия преобразует мир:

О милый брат, какие звуки! / В слезах восторга внемлю им. / Небесным пением своим / Он усыпил земные муки; / Тебе он создал новый мир, / Ты в нем и видишь, и летаешь, / И вновь живешь, и обнимаешь / Разбитый юности кумир. / А я, коль стих единый мой / Тебе мгновенье дал отрады, / Я не хочу другой награды — / Недаром темною стезей / Я проходил пустыню мира; / О нет! недаром жизнь и лира / Мне были вверены судьбой! (Козлову).

В приведенных строках прослеживается противопоставление поэзии как чудесного небесного бытия и земной жизни, которая исполнена ненависти и сравнивается с пустыней.

Критика в адрес поэтов, дискредитирующая творчество, становится у А. С. Пушкина более резкой:

О муза пламенной сатиры! / Приди на мой призывный клич! / Не нужно мне гремящей лиры, / Вручи мне Ювеналов бич! / Не подражателям холодным, / Не переводчикам голодным, / Не безответным рифмачам / Готовлю язвы эпиграм!

Поэт самокритично оценивает свои произведения, но считает, что они останутся в памяти его друзей:

Еще ж одна мольба: вы слушали стократ / Стихи, летучих дум небрежные созданья, / Разнообразные, заветные преданья / Всей младости моей. Надежды и мечты, / И слезы, и любовь, друзья, сии листы / Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у Фанни, / Молю, найдите их; невинной музы дани / Сберите. Строгий свет, надменная молва / Не будут ведасть их. Увы, моя глава / Безвременно падет: мой незрелый гений / Для славы не свершил возвышенных творений.

Противопоставляются друзья, способные оценить творческое наследие поэта, и светское общество, которое может порождать лишь надменную молву.

В хрестоматийном тексте, перекликаясь с Горацием и переводившими это стихотворение на русский язык М.В. Ломоносовым, Г.Р. Державиным и К.Н. Батюшковым, поэт показывает, что осознает своё место классика в русской литературе:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный, / К нему не зарастет народная тропа, / Вознесся выше он главою непокорной / Александрийского столпа. / Нет, весь я не умру – душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит — / И славен буду я, доколь в подлунном мире / Жив будет хоть один пиит.

Приведем исходные строки Горация:

Exegi monumentum aere perennius / regalique situ pyramidum altius, / quod non imber edax, non Aquilo impotens / possit diruere aut innumerabilis / annorum series et fuga temporum. – Я завершил памятник долговечнее меди, / Выше царственного положения пирамид, / Который ни едкий ливень, ни яростный Аквилон (северный ветер), / Не смогут разрушить или неисчислимый / Ряд годов и бег времени.

Анализ переводов этого стихотворения заслуживает отдельного исследования, но нужно отметить, что Г.Р. Державин считает своей заслугой то, что он первым «дерзнул в забавном русском слоге / О добродетелях Фелицы возгласить, / В сердечной простоте беседовать о Боге / И истину царям с улыбкой говорить», а А.С. Пушкин расставляет другие акценты:

И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал, / Что в мой жестокий век восславил я Свободу / И милость к падшим призывал.

Суждения Пушкина о поэзии приобретают афористическую точность:

Служенье муз не терпит суеты; Прекрасное должно быть величаво (19 октября).

Отношение к творчеству становится основным признаком настоящего поэта. Обратим внимание, что А.С. Пушкин избегает патетики, говоря о самом главном, и в этом состоит его существенное отличие от предшественников:

О чем, прозаик, ты хлопочешь? / Давай мне мысль какую хочешь: / Ее с конца я заострю, / Летучей рифмой оперю, / Взложу на тетиву тугую, / Послушный лук согну в дугу, / А там пошлю наудалую, / И горе нашему врагу! (Прозаик и поэт).

Поэт во многом опередил своё время, и в частности в том, что его строки органично вписываются в ироничную стилистику сегодняшней речи:

Что с тобой, скажи мне, братец? / Бледен <ты> как святотатец, / Волоса стоят горой! / Или с девой молодой / Пойман был [ты у забора], / И, приняв тебя за вора, / Сторож гнался за тобой? / Иль смущен ты привиденьем, / Иль за тяжкие грехи, / Мучась диким вдохновеньем, / Сочиняешь ты стихи?

Заслуживает внимания меткое наблюдение о противопоставлении двух проявлений личности поэта:

Пока не требует поэта / К священной жертве Аполлон, / В заботах суетного света / Он малодушно погружен; / Молчит его святая лира; / Душа вкушает хладный сон, / И меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он. / Но лишь божественный глагол / До слуха чуткого коснется, / Душа поэта встрепенется, / Как пробудившийся орел. / Тоскует он в забавах мира, / Людской чуждается молвы, / К ногам народного кумира / Не клонит гордой головы (Поэт).

В этом признании есть и доля чистосердечной самокритики, и точное обозначение состояния творческого горения. Такое состояние соответствует пророческому дару. Поэт приравнивается к посланцу Бога, которому предначертано повеление: «Глаголом жги сердца людей».

Пушкин удивительно целостен, творчество для него неразрывно связано с жизнью, и наиболее ярким ее проявлением является любовь:

И ныне / Я новым для меня желанием томим: / Желая славы я, чтоб именем моим / Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною / Окружена была, чтоб громкою молвою / Все, все вокруг тебя звучало обо мне (Желание славы).

Отметим, что поэт всегда с насмешкой отзывался о славе, понимая ее изменчивость и эфемерность, но в час горьких испытаний, когда все от него отвернулось, включая и ту, которая его любила, последним средством вернуть ее к себе становится его имя, т.е. его слава [1].

Точное изображение придворного поэта показано в следующем стихотворении:

Блажен в златом кругу вельмож / Питт, внимаемый царями. / Владея смехом и слезами, / Приправя горькой правдой ложь, / Он вкус притупленный щекотит / И к славе спесь бояр охотит, / Он украшает их пиры, / И внемлет

24 | умные хвалы. / Меж тем, за тяжкими<?> дверями, / Теснясь у черного<?> крыльца, / Народ, [гоняемый] слугами, / Поодаль слушает певца.

Горькая усмешка видна в констатации факта: «он украшает их пиры». В определенной мере эта унижительная роль привела гениального поэта к неизбежному трагическому финалу.

Существенным моментом в трагическом осмыслении своей судьбы становится противопоставление поэта и толпы:

Поэт по лире вдохновенной / Рукой рассеянной бряцал. / Он пел – а холодный и надменный / Кругом народ непосвященный / Ему бессмысленно внимал. / И толковала чернь тупая: / «Зачем так звучно он поет? / Напрасно ухо поражая, / К какой он цели нас ведет? / О чем бренчит? чему нас учит? / Зачем сердца волнует, мучит, / Как своенравный чародей? / Как ветер песнь его свободна, / Зато как ветер и бесплодна: / Какая польза нам от ней?» (Поэт и толпа).

Заметим, что в отношении черни к поэту показаны две важнейшие характеристики: от поэзии нет пользы и поэзия чему-то должна учить. Эти установки прослеживаются и в наши дни у ряда наших современников, считающих, что назначение искусства – развлекать народ. Возможно, именно это программное стихотворение побудило Д.И. Писарева дать резко отрицательную характеристику творчеству А.С. Пушкина. Такое отношение к поэту было продиктовано сугубо идеологическими мотивами со стороны критика и не получило развития в отечественной культуре.

Удел творца – неизбежное одиночество. А.С. Пушкин нашел удивительно точный символ для этой идеи:

Ревет ли зверь в лесу глухом, / Трубит ли рог, гремит ли гром, / Поет ли дева за холмом — / На всякой звук / Свой отклик в воздухе пустом / Родишь ты вдруг. / Ты внемлешь грохоту громов / И гласу бури и валов, / И крику сельских пастухов — / И шлешь ответ; / Тебе ж нет отзыва... Таков / И ты, поэт! (Эхо).

Пушкинское отношение к миссии поэта предельно точно выражено в его известном сонете:

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

Показано главное условие творчества – внутренняя свобода. В этом и состоит основа конфликта между поэтом и толпой. Поведение толпы подчинено только спонтанному выражению эмоций. Художник обязан быть взыскательным к своему творчеству, это требует твердости и спокойствия, неудачи на этом пути неизбежны, и, возможно, поэтому творец становится угрюмым. Юный Пушкин, для которого поэзия была порождением беспечной неги и веселья, с этим текстом сонета вряд ли бы согласился. Но заметим, что и в юности поэт не стремился к упрощенному восприятию мира.

Пушкин парадоксален не только в своих поэтических произведениях, но и в удивительно тонких комментариях, высказанных в письмах друзьям и в критических отзывах. Как можно прокомментировать его известную фразу, поставившую в тупик многих толкователей: *«Поэзия, прости, Господи, должна быть глуповата»?* Это эпатажное замечание, высказанное в письме П.А. Вяземскому, отражает и особый ироничный склад характера Пушкина, и глубокое проникновение в суть поэтического творчества, которое не поддается рациональному планированию и контролю [3]. В определенной мере это высказывание соотносимо с противопоставлением Моцарта и Сальери, иначе говоря, поэзия, по мнению Пушкина, не должна быть рассудочной.

В пушкинскую эпоху актуальным было противопоставление творчества и искусства как естественного и неестественного поведения. Показательно следующее высказывание Пушкина: *Деларю слишком гладко, слишком правильно, слишком чопорно пишет для молодого лицеиста. В нем не вижу я ни капли творчества, а много искусства.* Заслуживает внимания и такое замечание: *стихотворческого дарования, не говорю уже о поэтическом, в Катенине не признаю никакого.* Первое можно трактовать как умение слагать стихи по определенным канонам, соблюдая нужный ритм, размер и используя рифмы, второе – как нечто более важное, особый талант мировосприятия и нестандартного выражения оригинальных идей в виде запоминающихся образов.

Принято считать, что в основе творчества лежит вдохновение. Пушкин вносит важное уточнение, разграничивая вдохновение («расположение души к живейшему принятию впечатлений») и восторг («напряженное состояние воображения») и отмечая, что восторг «исключает спокойствие, необходимое условие прекрасного». В таком случае можно сделать вывод, что движение от восторга к вдохновению и выражает динамику творчества. В определенной мере с такой динамикой соотносится и движение мотивов в произведениях поэта [18].

Резюмирую.

Осмысление творчества в поэтических произведениях А.С. Пушкина уточняет и расширяет содержательный минимум этого концепта в следующих

направлениях: 1) творческий дар воспринимается поэтом как смысл бытия и высокое служение, 2) подчеркивается неподконтрольность вдохновения, 3) показана неизбежность творческих мук, 4) акцентируется взыскательность поэта по отношению к себе и другим стихотворцам, 5) раскрываются основные признаки поэтического творчества – внутренняя свобода, естественность и верность своему призванию, 6) творчество раскрывается как избранничество для избранных, поэт противопоставлен толпе. К числу основных признаков идиостиля Пушкина применительно к его отношению к поэзии можно отнести сочетание восторженного и иронического, гармоничного и парадоксального, небесного и земного в оценке мира, людей и себя.

Литература

1. Афанасьева Э.М. Онтология имени в лирике А. С. Пушкина 1825–1830 годов: «желание славы» и «что в имени тебе моем?» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19. С. 251–260.
2. Бонди С.М. О Пушкине: статьи и исследования. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1983. 478 с.
3. Ваняшова М.Г. «Поэзия ... должна быть глуповата» // Ярославский педагогический вестник. 2013. №4. Т.1. С. 256–261.
4. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1941. 620 с.
5. Гайденок П.П. Творчество // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 670.
6. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978. 424 с.
7. Загидуллина М.В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2001. 329 с.
8. Иваницкий А.И. Категория чудесного в творчестве А.С. Пушкина 1830-х годов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001. 38 с.
9. Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. М.: Наука, Ленингр. отд., 1975. 340 с.
10. Косарев А.Ф. Творчество // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Том 2. Гл. ред. С.Я. Левит. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. С. 647–649.
11. Красухин Г.Г. Этическая концепция творчества позднего Пушкина (1833–1836): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993. 50 с.
12. Лотман Ю.М. Типологическая характеристика реализма позднего Пушкина // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Книга для учителя. М.: Просвещение, 1988. С.124–157.
13. Медриш Д.Н. Путешествие в Лукоморье: сказки Пушкина и народная культура. Волгоград: Перемена, 1992. 144 с.

14. Мейлах Б.С. Творчество А.С. Пушкина: Развитие художественной системы. Книга для учителя. М.: Просвещение, 1984. 160 с.
15. Мещеряков Б.Г. Творчество // Большой психологический словарь. 4-е изд., расширенное / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.: АСТ, 2009. С. 649.
16. Немировский И.В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб.: Гиперион, 2003. 350 с.
17. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика): учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1983. 127 с.
18. Степочкина С.Ю. Движение фольклорного мотива «поиск утраченной возлюбленной» в творчестве А.С. Пушкина: от поэмы «Руслан и Людмила» к сказкам: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 20 с.
19. Томашевский Б.В. Пушкин. В 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Том 1. 367 с., Том 2. 383 с.
20. Фомичев С.А. Творчество Пушкина: рукописи и тексты, интерпретации и толкования: монография. Арзамас, Нижний Новгород: Изд-во Нижегородск. гос. ун-та, 2016. 254 с.
21. Юхнова И.С. Общение и диалог в творчестве А.С. Пушкина: монография. Саранск, Арзамас: Изд-во Нижегородск. гос. ун-та, 2014. 201 с.

Лексикографические источники

- БАС - Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т.15. 1963.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М.: Терра, 1994.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2-х т. 3-е изд. М.: Русский язык, 1999. Т.2.

V.I. Karasik

CONCEPTUALIZATION OF CREATIVITY IN THE POETIC IDIOLECT OF A.S. PUSHKIN

Abstract. The paper deals with Puskin's individual conceptualization of creativity in his poetry. The following ideas of this concept have been defined: 1) creativity as the destination of poet's life, 2) sovereignty of inspiration, 3) inevitability of creative torment, 4) self-demanding, 5) inner freedom, 6) the feeling of being chosen.

Keywords: Pushkin; creativity; poetry; idiolect; concept.

ОБРАЗ РУСАЛКИ В ЛИТЕРАТУРЕ И ФОЛЬКЛОРЕ ПУШКИНСКОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы происхождения, типологии и эволюции образа русалки в восточнославянском фольклоре. Литературный образ русалки реконструируется на основе произведений русских писателей Пушкинской эпохи.

Ключевые слова: мифология; фольклор; демонология; русалка, ее фольклорные и литературные типы; среда обитания русалок и особенности их контактов с людьми; Русальная неделя.

У русалки чарующий взгляд,

У русалки печальные очи...

Н.С. Гумилев.

Русалка – мифологическое существо, хорошо известное в фольклоре восточных славян. Широкое распространение быличек и бывальщин о русалках в белорусском, украинском, русском, польском, болгарском устном поэтическом творчестве свидетельствует о древности этого образа народной демонологии.

Слово «русалка» первый раз зафиксировано в древнерусском языке в последней трети XV в. в виде прозвища [17, с. 258]. В Академическом словаре русского языка, созданном по инициативе Екатерины II, слово «русалка» толкуется следующим образом: русалками «называли древние славяне нимф, которых почитаемы были язычниками богинями вод и лесов» [15, с. 224]. Знаменитый «Словарь» В.И. Даля свидетельствует об активном бытовании этого слова в середине XIX в. во всех регионах России [7, т. 3, с. 1744–1745]. Восточные славяне это мифологическое существо еще называли *мавкой, навкой, щекоталкой, кривухой, купалкой, смолянкой, криницею, хиткой, лоскоталкой, фараонкой* и т. п.

Первые сведения о русалках приведены русскими писателями второй половины XVIII – первой половины XIX в. [9]. Если суммировать высказывания литераторов, можно воссоздать древний образ русалки, обитавшей в центральной России. Отечественные художники слова знали только один мифологический тип – юную чаровницу, околдовывающую мужчин удивительной красотой. По утверждению писателей, «русалки все красавицы» (Макаров). Водяные девы являлись людям или голыми, или в легкой прозрачной

одежде с венками на головах (Сомов, Гоголь). Чаще всего прелестницы жили «целыми гнездами» (Пушкин), но любовные романы старались сохранить втайне от других (Тургенев). Русалки – заложные покойницы, сознательно прервавшие течение жизни девушки (Сомов). Они предпочитали обитать в глухих лесах и на берегах потаенных речек (Попов). Их любимое занятие – сидеть «в красную погоду» на берегу, расчесывать длинные зеленые (русые) волосы, а при появлении человека «тотчас бросаться в воду» (Глинка). Зимой и летом русалки жили на дне омута «в хрустальных чертогах» (Лермонтов). Любимое время водяных красавиц – от полуночи до первых петухов (Пушкин, Тургенев). Ночью они грелись в лучах луны (Одоевский, Гоголь), бегали по лесам и холмам (Чулков), качались на ветвях деревьев (Кайсаров), отдавая предпочтение дубам (Пушкин). Борясь с «нескромным любопытством» людей, они могли зашекотать тайнозрителя до смерти или утопить «дерзкого несчастливца» в омуте (Макаров). Большею частью эти сведения были заимствованы писателями не из письменных источников, а из устных рассказов дворян или словоохотливых крестьян, любивших развлекать господ народными легендами и быличками.

Происхождение русалок связано с водным культом, что отразилось в их славянских названиях: «купалка» и «водяница» в Белоруссии, «криница» на Украине, «водяниха» в России, «vodene» и «vodna vila» в Словакии, «wodna ranna» в Чехии, «baba wodna» и «wodnica» в Польше. Восточные славяне считали, что русалками становятся заложные покойницы – девочки, девушки и женщины, умершие насильственной смертью; самоубийцы, проклятые, скончавшиеся до крещения дети; невесты, не дожившие до свадьбы; утопленницы, купавшиеся без креста; девушки, скончавшиеся в Русальную неделю [2, с. 91–93]. В народе существовало поверье, что русалку можно вернуть к земной жизни, если надеть ей на шею крест. На такой девушке можно было жениться, завести с ней семью и детей.

Русалка – непарный демонологический образ. Водяная прелестница вобрала в себя черты других женских мифологических персонажей: кикиморы, ведьмы, шутовки, мокоши, лешачихи, полуденницы. Это отмечал Д.К. Зеленин, писавший, что «в образе русалки нельзя не видеть отражения представлений о разных мифологических существах» [8, с. 198]. Русалки – бывшие люди, волею судеб оказавшиеся во власти нечистой силы, ставшие ходячими покойниками. Отсюда двойственность в деяниях водяных дев: они могут причинять зло (зашекотать, утопить, навести порчу) и помогать людям (охранять посевы, заботиться о тех, кто сделал им добро, развлекать ребенка, оставленного в поле жницей, и т.п.).

Восточные славяне знали три типа русалок [3, с. 149–152]. Во-первых, это молодые, обаятельные, шаловливые девушки-русалки, одетые в белые полупрозрачные наряды, с длинными распущенными волосами и венками

на голове. Иногда это обнаженные и босоногие прелестницы, стыдливо прикрывающие наготу длинными густыми волосами. Данный тип был распространен на Украине, в юго-западных областях Белоруссии, в южных и центральных регионах России. Красавиц-русалок изобразили Н.В. Гоголь в повести «Майская ночь, или Утопленница», А.С. Пушкин в драме «Русалка», И.С. Тургенев в рассказе «Бежин луг».

Для севера России, Поволжья, Сибири, белорусского Полесья характерно представление о страшных русалках – горбатых, рогатых, косматых, обросших шерстью существах женского пола с голой отвисшей каменной или железной грудью. Внешним видом и поведением эти безобразные старые бабы напоминали ведьм. Они беспричинно ненавидели людей, воровали младенцев, преследовали и убивали женщин, на зимних лесных дорогах гнались за запоздавшими путниками. В народе существовало поверье, что их сотворил дьявол для сожительства с лешим и водяным. Как отмечал В.И. Даль, на Русском Севере таких русалок звали «чертовками», своим обликом и поведением они походили на ведьм [6, с. 687; 8, с. 188]. Одним из первых этот демонологический тип описал в 1848 г. этнограф и фольклорист А.В. Терещенко [10, с. 577].

В некоторых регионах России, Украины и Белоруссии встречается особый тип русалки – полуженщины-полурыбы, который получил название «фараонки». Его происхождение связывают с христианской апокрифической легендой о фараоновом войске, преследовавшем покинувших Египет евреев и погибшем по молитве Моисея в водах Красного моря [5, с. 331–332]. Египетские воины обратились в водных существ; «у тех рыб главы человеческия, а тулова нет, токмо едина глава, а зубы и нос человекъ; а где уши, тут перье, а где потылица, тут хвост, и не яст их никтоже» [14, с. 49–50]. Изображение хвостатой водяной девы в XIX–XX вв. было растиражировано поэтами-романтиками, художниками, резчиками по дереву [13]. В русской литературе этот вид русалки встречается в балладе М.Ю. Лермонтова «Морская царевна». Несмотря на малое распространение фараонки в восточнославянском фольклоре, в сознании современных людей доминирует именно этот тип, о чем свидетельствует толкование слова в словаре русского языка, изданном Академией Наук: «Русалка – живущее в воде существо в образе обнаженной женщины с длинными распущенными волосами и рыбьим хвостом» [16, с. 741].

Исконный образ восточнославянской русалки – юная, веселая шалунья, резвящаяся летними вечерами и лунными ночами в ржаных полях, на опушках зеленых лесов, на берегах говорливых речек. По мнению С.В. Максимова, тому, кто изучает историю образа русалки, «за точными справками... необходимо обращаться на юг, к малороссам» [12, с. 327]. По сообщению известного писателя пушкинского времени М.Н. Макарова, занимавшегося отечественной этнографией, сказания об обаятельных чаровницах-русалках

широко бытовали вокруг Москвы, были известны в Переяславле-Залесском, Туле, Рязани, Муроме, Пронске, Сапожке, Рязске и «во всех местах великороссийских» [11, с. 9–11]. В начале XIX столетия под влиянием западно-европейской романтической литературы, подпитывавшейся фольклорными образами немецкой дунайской девы, французской ундины, английской озерной девушки, в русском романтизме появился образ полуженщины-полууробы, давший начало фольклорному образу фараонки. Северный тип русалки появился еще позднее, он сформировался в XIX столетии под влиянием образов ведьм, лешачих, кикимор, вобрав в себя отрицательные черты этих злобных демонических существ.

Несмотря на серьезные различия в облике и поведении, три типа русалок имели общие признаки: 1. Русалки – представительницы женского пола; 2. Все они – заложные покойницы; 3. Их местоположение чаще всего связано с водными источниками, ржаным полем, опушкой леса, деревьями; 4. Для них характерно определенное время пребывания на земле – с Троицы до Ивана Купалы; 5. Расправой с досадившими им людьми становится щекотание до смерти или утопление [4, с. 495–501].

В народной среде бытовало мнение, что русалки становятся видимы в июне-июле и чаще всего встречаются в Русальную неделю. Это связано с легендой, что Бог выпускает покойников с того света три раза в год: в Великий четверг, во время цветения жита, на Спаса [8, с. 223]. В зависимости от географического положения региона, погодных условий, сроков сева пребывание русалок на земле могло затягиваться до сбора урожая, когда их можно было встретить на лугу или лесной поляне, на плакучей иве или ольхе у озера, на перекрестке старых дорог или на заброшенном кладбище. Когда срок их земного пребывания подходил к концу, русалки, согласно народным преданиям, улетали на небо, прятались под землю, ныряли в речные омуты, чтобы зимовать подо льдом.

Летом русалки собирались в большие ватаги, жили в полях, засеянных зерновыми культурами, охраняли нивы от дурных людей. Накануне Троицы они бегали по полям, хлопали в ладоши и напевали:

Бух, бух,
Соломенный дух!
Меня мати породила,
Некрещену положила [20, с. 578].

Крестьяне считали, что пребывание русалок на обработанных плугом полях способствует плодородию почвы, увеличению и сохранению урожая. Русалки могли наказывать нерадивых хозяев, посмеявшихся работать по крестьянству в Русальную неделю: они выгапывали круги и площадки на полях, сбивали в колтуны рожь, пригибали к земле или ломали колосья, что приводило к существенной потере урожая.

Водные мифологические существа любили раскачиваться на ветвях деревьев, играть в травах, цветах и злаках. Скорее всего, это было занятие магического характера, способствующее росту и созреванию растений. Появление русалок в пик летнего расцвета природы должно было способствовать плодородию земли. Троицкий обряд завивания девушками березки считался помощью русалкам, для которых создавались своеобразные качели.

В Русальную неделю водяные девы со смехом и песнями бегали по опушкам леса и полям, водили на лугах хороводы, собирали букеты цветов и плели венки. Русалки любили кататься по гребням волн, плавать у берегов, плескаться на отмелях, спутывать сети рыбаков, портить плотины на реках и прудах, опрокидывать лодки, кататься на мельничном колесе. Как все молодые девушки, русалки прихорашивались, расчесывали длинные волосы, мылись на потаенном бережку тихой речки. Расчесывание волос – колдовское действие, которое оказывало воздействие на природу, вызывая засуху, дождь или бурю. Там, где тайнозритель видел русалку, занимавшуюся купанием или расчесыванием волос, вскоре обязательно происходило несчастье – тонул человек, особенно если он был без креста или плывал в плохое время суток (полдень либо полночь) [5, с. 300–301].

По свидетельству крестьян, поздней осенью русалки появлялись в огородах, прятались в овинах, забирались в бани, где отогревались и мылись. Иногда они подходили к избам, стучали в окна и двери, просились погреться и даже оставались зимовать среди людей. Встреч с юными водяными девами, несмотря на восприятие их как нечисти, люди не особенно боялись, потому что они выглядели привлекательно.

Восточные славяне и поляки считали, что главное оружие в расправе русалок над человеком – умение защекотать до смерти. Украинские и среднерусские русалки щекотали жертв руками, полесские и севернорусские – руками и громадными грудями. Столь необычный способ борьбы с людьми А.Н. Афанасьев объяснил изменением значения глагола «щекотать» [1, т. 2, с. 174]. В словаре древнерусского языка И.И. Срезневского эта лексема в значении «соловьиное пение» зафиксирована уже в XII столетии [19, с. 1609]. Первоначально глагол «щекотать» означал издавать сильный, резкий звук, напоминающий соловьиный свист. Русалки, как сирены, или отпугивали, или привлекали непрошенных гостей с помощью громкого пения. Слово «щекот» использовалось в русском языке и в XIX в. применительно к пению соловья, канарейки или стрекотанию сороки [7, т. 4, с. 1497]. В позднем Средневековье существительное «щекотка» стало пониматься как прикосновение к коже человека, вызывающее легкое раздражение, сопровождающееся смехом. Из-за семантических подвижек изменилось и толкование действий мифологических персонажей, которые стали пользоваться щекоткой как оружием защиты и нападения.

В юных русалках сочетались удивительная красота и бесстыдное коварство. Они вступали с мужчинами в любовные отношения (Тургенев «Бежин луг»). В глухих лесах юные красавицы посещали избушки рыбаков и охотников, мылись в банях с мужчинами, рожали от них детей. Украинские и русские былички и бывальщины сообщали: русалки так привораживали к себе мужчин, что те кончали жизнь самоубийством, чтобы всегда быть рядом с возлюбленными.

Как и всякая нечисть, русалки боялись креста, крестного знамения, молитвы. Заложным покойницам не нравилось все, что связано с железом: огнестрельное и холодное оружие, орудия труда, острые металлические предметы, гвозди, иголки, булавки и пр. Обитатели водной стихии, они опасались огня, костра, печи и предметов, с ними связанных (угли, кочерга, спички, трут, кремь и т.п.) [8, с. 175–177]. Русалок отпугивали растения с острым запахом, прежде всего полынь, хрен и чеснок. На Русальной неделе девушки и женщины вплетали в косы полынь, прикрепляли букетики этой травы к одежде. На Украине хозяйки, чтобы отвести нечистую силу, разбрасывали по хате и двору сушеные цветы, листья и стебли полыни. Мужчины в качестве оберега предпочитали пить полынную водку, заедая ее чесноком [8, с. 191–193].

При нападении русалок достаточно было произнести слово «полынь», чтобы обратить их в бегство. Известный этнограф С.В. Максимов привел любопытный диалог русалки и лесоруба, встретившихся на заросшей лесной прогалине. Мужчина держал в руке пучок травы. Юная чаровница спросила: «Что у тебя в руках, полынь или петрушка?» Лесоруб отвечал: «Полынь». Русалка вскрикнула: «Прячься под тын!» – и убежала. Если бы мужчина ответил «петрушка», то водяная дева прокричала: «Ах, ты моя душка!» – и зашекотала его до смерти [12, с. 328].

Проверенный мужской способ борьбы с русалками – виртуозный русский мат, услышав который, навка быстро покидала место засады и больше не предпринимала попыток напасть на человека. Дурная погода с дождем, ветром, градом, громом и молнией – союзница человека, так как русалки боялись ненастья. По русским поверьям, в это время Бог посылал с небес огненные стрелы, убивая земную нечисть. Чтобы случайно не попасть под гнев Божий и не быть пораженным молнией, в грозу православным христианам не следовало находиться вблизи мест, где водятся демонологические существа.

В Русальную неделю при встрече с водяной девой не рекомендовалось отзывать на ее призывы, останавливаться рядом, заговаривать и смотреть на нее. Следовало демонстративно не замечать демонологическое существо, тогда оно не в силах навредить человеку. Согласно белорусским преданиям, отправляясь в места, где водятся русалки, необходимо иметь два креста: один должен висеть на груди, другой – на спине, ибо навки привыкли нападать

на человека сзади и сворачивать голову. При появлении нечисти достаточно было очертить вокруг себя круг с крестом посередине, чтобы чувствовать себя в полной безопасности.

Мотив загадывания русалкой загадок встречным людям пришел из восточнославянских волшебных сказок. Обычно она задавала три вопроса: «Что растет без корня? Что бежит без повода? Что растет без цвета?» Если человек не давал правильного ответа, расправа русалки с ним была неминуемой:

Камень расте без корня,
Вода бижить без поводу,
Папоть росте без всякого цвиту [20, с. 578].

У восточных славян в праздник русалок было запрещено работать в поле, в доме, на огороде, чтобы не мешать водяным девам резвиться на воле, в противном случае на семью могли обрушиться несчастья: болезнь родственников, домашние неурядицы, падеж скота, неурожайный год. После троицкого ужина не следовало убирать со стола остатки пиршества, иначе русалки, зайдя в дом и не найдя угощения, причинят семье зло. Во время Русальной недели не разрешалось купаться в реке или озере, чтобы не помешать навкам резвиться в волнах. В это время не рекомендовалось ходить в лес, рубить деревья, разводить костры, шуметь, чтобы не испортить русалкам праздника.

У русских, белорусов и украинцев широко известен обряд проводов русалки [18, с. 213–223]. Обычно в воскресенье Русальной недели или в первый день Петровского поста в деревнях и селах совершался ритуал изгнания нечисти. Вечером крестьяне силой выводили из поселения ряженую или несколько ряженых женщин с распущенными волосами, украшенных венками, цветами, зелеными ветками. Толпа селян вытесняла русалок за околицу, на ржаное поле, в лес, к реке. Во время обряда жители Могилевской губернии пели:

На Гряной недели
Русалки сидели.
Провяду русалок
Из бору до бору,
В зилену дуброву.
Русалки щоб ни лоскотали,
В зиму ни ликалы,
В летну ни пужали [8, с. 241].

За селом ряженных толкали на землю, срывали с них венки, цветы и ветки, сжигали это на костре, или вешали на деревьях, или бросали на кладбище. Изгнав нечисть, все быстро бежали к жилью, пугая друг друга криками: «Русалка догонит, защекочет!» В Новгород-Северской земле обряд завершался песней:

Правадили, русалачки, правадили,
Щоб ваны да нас не хадыли,
Да нашего житечка не ламили,
Да наших дивачек не лавили [8, с. 244].

На Рязанщине вместо ряженных изгонялось чучело русалки, сделанное из прутьев и соломы и облаченное в женские наряды. Хоровод с русальными песнями шел в поле, а в центре процессии женщина несла чучело. За окoliцей участники обряда делились на две группы: одни защищали русалку, другие пытались ее уничтожить. В потешном побоище противоборствующие стороны кидались друг в друга травой, кусками дерна, землей, обливали водой. Когда русалку разрывали на части, то прутья, солому, куски материи раскидывали по земле – и битва прекращалась. Считалось, что таким образом русалку с почетом проводили из села [1, т. 3, с. 76–77].

В некоторых регионах России вместо проводов устраивали похороны русалки, представлявшие собой пародию на христианское погребение [3, с. 166–168]. Тряпичную или соломенную куклу наряжали в платье, укладывали в гроб, украшали цветами и несли на берег реки или пруда. Участники процессии наряжались церковнослужителями, кадили кадиллом, сделанным из яичной скорлупы, держали «свечи» из стеблей чертополоха или лопуха, пели «Господи, помилуй». Гробик с куклой топили или пускали по течению реки.

Проводы или похороны русалок представляли собой ритуальное изгнание нечистой силы, которая не должна вредить крестьянам при сборе урожая. Перед созреванием ржи русалок отправляли в мир мертвых, чтобы не навлечь гнев Бога на живых людей из-за контактов с заложными покойниками.

В XIX в. было замечено, что количество русалок в реках, полях и лесах резко уменьшилось. В.И. Даль сообщал: «Русалка почти отовсюду вытеснена людьми; а она любит пустые и глухие воды. Нигде почти не найдете вы теперь такого места, где бы с ведома жителей поныне водились русалки» [6, с. 686]. Поселяне считали, что русалок крестили. Попав под крестное знамение, водяные девы болели и умирали, не имея возможности противостоять силе православного креста. Другая причина уменьшения количества русалок – активная деятельность церкви, накладывавшей проклятие на самоубийц, удавленниц и утопленниц, пополнявших корпус водяных, лесных и полевых мифологических существ. Активное межевание помещичьих и крестьянских земель привело к тому, что русалкам стало трудно перебираться через межи, бывшие для них чем-то вроде высоких заборов. Все это ограничивало ареал распространения водяных мифологических существ, способствовало уменьшению их численности.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1995. Т. 2, 3.
2. Виноградова Л.Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986.

3. Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.
4. Виноградова Л.Н. Русалка // Славянские древности. М., 2009. Т. 4.
5. Власова М.В. Новая Абевега русских суеверий. СПб., 1995.
6. Даль В.И. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. М., 2008.
7. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 3, 4.
8. Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916.
9. Использованы сведения о русалках из следующих сочинений: Попов М.И. Описание древнего славянского баснословия. СПб., 1752. С. 32; Чулков М.Д. Словарь русских суеверий. СПб., 1782. С. 235–236; Глинка Г.А. Древняя религия славян. Митава, 1804. С. 124; Кайсаров А.С. Славянская и российская мифология. М., 1810. С. 164; Сомов О.М. Русалка // Сомов О.М. Были и небылицы. М., 1984. С. 136–144; Одоевский А.И. Василько // Одоевский А.И. Полное собр. стихотворений. Л., 1958. С. 109–110; Макаров М.Н. Русские предания. М., 1838. С. 9–11; Пушкин А.С. Русалка (Над озером, в глухих дубровах...). Русалка (драма) // Пушкин А.С. Полное собр. соч. М., 1962. Т. 1. С. 363–364; М., 1964. Т. 5. С. 423–452; Лермонтов М.Ю. Русалка // Лермонтов М.Ю. Полное собр. соч. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 10–11; Гоголь Н.В. Майская ночь, или Утопленница. Страшная месть // Гоголь Н.В. Полное собр. соч. М., 1940. Т. 1. С. 176, 274; Тургенев И.С. Бежин луг // Тургенев И.С. Полное собр. соч. М., 1954. Т. 1. С. 167–169.
10. История культуры русского народа. М., 2006.
11. Макаров М.Н. Русские предания. М., 1838.
12. Максимов С.В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. – Смоленск, 1995.
13. Матасова У.В. Мотив «водной девы» в творчестве немецких и русских писателей эпохи романтизма: Автореферат канд. дисс. Нижний Новгород, 2011.
14. Сказание о переходе Чермного моря по списку 1602 г. // Памятники старинной русской литературы, изданные Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3.
15. Словарь Академии Российской. СПб., 1794. Ч. 5.
16. Словарь русского языка. М., 1987. Т. 3.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1997. Вып. 22.
18. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов. М., 1979.
19. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 3. Ч. 2.
20. Терещенко А.В. История культуры русского народа. М., 2006.

**MERMAID IMAGE IN THE LITERATURE AND IN THE FOLKLORE
OF PUSKIN TIMES**

Abstract. The paper discusses the problems of origin, typology and evolution of mermaid depiction in the East Slavic lore. Literature image of mermaid is reconstructed on the basis of the works of Russian writers of Pushkin epoch.

Keywords: mythology; lore; demonology; mermaid, her folklore and literature types; the habitat of mermaids and special features of their relations with humans; Mermaid week.

*кандидат филол. наук, доцент кафедры иностранных и русского языков
ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной
медицины и биотехнологии – МВА им. К.И. Скрябина»
Москва, Россия*

ИНИЦИАЦИЯ МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЫ: АРХЕТИПИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ «СКАЗКИ О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ»

Аннотация. В статье рассматриваются сюжетные элементы «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А.С. Пушкина, формирующие мотив женской инициации.

Ключевые слова: архетип; мотив; инициация; волшебная сказка.

Инициация героя и, в частности, женская инициация – древнейший сюжет, широко распространенный в фольклоре и литературе. В народных сказках молодой человек или девушка на пути к вступлению в брак проходит ряд испытаний, тяжелых, мучительных и опасных, часто сопряженных с угрозой жизни. Эти сказочные испытания и есть по сути отголосок идеи инициации, существовавшей (и по сей день существующей) в культурах родоплеменного строя. Литературные и фольклорные сюжеты, отражающие мотив инициации, являются архетипическими, то есть представляют собой шаблонные модели, содержащие неизменное ценностно-смысловое ядро общечеловеческого опыта [2].

Широко известны русские волшебные сказки о путешествии героя (героини), которое имеет своим итогом обретение суженой (суженого), или, другими словами, переход в статус полноценного взрослого члена сообщества. В «мужских» и «женских» сказках такого типа обнаруживаются общие черты, отмеченные еще В.Я. Проппом [5]. Как правило, герой или героиня отправляются в вынужденное странствие, причем часто инициаторами становятся старшие родственники или их заместители. Например, в сказке «О молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» заболевший царь последовательно отправляет трех своих сыновей в далекий волшебный сад к ведьме; в сказке «Емеля-дурак» жены старших братьев посылают героя за водой. В «женских» сказках героиня часто идет в лес по произволу злой мачехи («Василиса Прекрасная»), а, например, в сказке «Перышко Финиста ясна сокола» виновницами ухода героини из дома становятся старшие се-

стры. Таким образом, инициация всегда исходит от людей старших и более опытных; при этом она порой выглядит как жестокость и даже насилие. Это вполне соответствует атмосфере описанных в этнографической литературе обрядов посвящения, при которых неопит вынужден терпеть психологический и телесный дискомфорт (вплоть до физических увечий, наносимых ему старшими соплеменниками), причем обычно суть происходящего остается скрытой от него, вызывая чувство иррационального страха.

«Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», написанная А.С. Пушкиным, в своей сюжетной основе перекликается со сказками, известными многим народам мира. Она повествует о женской конкуренции, вынужденном изгнании из родного дома, жизни в окружении чужих людей, гибели, воскресении – и свадьбе. Канва сюжета, безусловно, отражает коллективные представления о взрослении девушки и ее роли в социуме. Рассмотрим перипетии судьбы мертвой царевны более подробно.

Прежде всего, заметим, что отец героини сказки обозначен как царь. Это не простая сказочная условность, а серьезный факт, программирующий развитие действия. Царь – глава государства, высшая ступень иерархии. В русских народных сказках, где фигурируют дочери царя, девушки, как правило, донельзя пассивны. В народной сказке «Несмеяна-царевна» царь-отец пообещал выдать дочь замуж за того, кто сумеет ее развеселить. Девушка не совершает более никаких действий, кроме выражения эмоциональной реакции на происходящее. Пассивность царских дочерей мы наблюдаем и в сказке «Марья Моревна»: сестры Ивана-царевича, подчиняясь воле отца, покорно выходят замуж за первого, кто посватался – одна за сокола, другая за орла, третья за ворона [4].

В качестве жениха царской дочери крайне редко выступает другой царь, хотя такое в принципе возможно (это можно видеть, например, в сказке «Сестрица Аленушка, братец Иванушка», где царь-отец умирает в самом начале повествования). Но обычно никто не смеет конкурировать с отцом-царем в патриархальном мире, и девушка в лучшем случае становится женой царевича, но может выйти и за работника (как Несмеяна-царевна), солдата или крестьянского сына. В «Сказке о мертвой царевне» в женихи царской дочери выбран королевич Елисей. Королевич – не последний человек, конечно, но все-таки не царь.

Пушкинская царевна остается без матери, случается это в раннем возрасте, то есть родной матери девушка не помнит вообще. В народных сказках более древнего происхождения (например, в сказке «Василиса Прекрасная», также основанной на мотивах инициации) родная мать является более выраженным и значимым персонажем: умирая, она может оставить девушке волшебного помощника или определенное напутствие на будущую жизнь. «Злая» мачеха приходит на смену «доброй» матери не как реальный чело-

век, а как отражение психологических изменений в жизни взрослеющей девушки: из младенчества и раннего детства, когда мать воспринимается исключительно как источник любви и заботы, девочка переходит в стадию подросткового возраста, когда фигура матери приобретает отталкивающие черты: она довлеющая, требовательная, ограничивающая свободу. Царевна в сказке Пушкина живет в патриархальном обществе, где позитивная материнская роль нивелируется, и в художественном произведении «добрый» образ матери становится скорее исключением, нежели правилом.

Мачеха в «Сказке о мертвой царевне» является обладательницей волшебной силы в виде говорящего зеркала. Это волшебство не распространяется более ни на кого, только на молодую царицу. Зеркальце становится для нее своего рода вынесенной вовне самооценкой. Строго говоря, колдуньей мачеху царевны назвать нельзя, но все же магический элемент сказки связан с нею. Это волшебство носит зловещий характер; в результате мы наблюдаем, с одной стороны, мистификацию женского образа-антагониста, а с другой – недвусмысленно отрицательное отношение к магии, чего с очевидностью нет в более ранних народных сказках, где волшебные предметы помогают героям, облегчая трудный путь инициации.

Безоговорочная вера волшебному предмету распяляет в царице «черную зависть». Она приказывает сенной девушке (служанке) отвести царевну в лес, связать и оставить на растерзание диким зверям. Служанка жалеет царевну и отпускает ее. Действия мачехи вроде бы логичны и психологически обоснованны. Стареющая женщина переживает острую ревность к подрастающей падчерице, жаждет ее уничтожить. Только вот метод устранения соперницы она выбирает странный: здесь слишком много неконтролируемых факторов. А что, если девушка не захочет идти? Или если она в лесу закричит? Убежит? Что если ее случайно обнаружат охотники или грибники? Впрочем, девушка не сопротивляется. И тогда возникают вопросы уже к ее поведению. Отчего она не предпринимает никаких ответных действий? Почему никак себя не обезопасит? Почему, спасшись от гибели, не бежит из леса к отцу или к жениху в поисках защиты? С точки зрения прохождения инициации, протест, сопротивление, бегство были бы губительны для ритуала. Испытуемая обязана была послушно отправиться туда, куда послали ее старшие родственницы (в данном случае – «заместительницы» матери и старшей сестры): смирение, надо полагать, рассматривается как один из обязательных элементов церемонии.

Царевна остается одна в лесу. В.Я. Пропп прямо указывает на связь леса как локуса повествования с обрядом инициации: «Связь обряда посвящения с лесом настолько прочна и постоянна, что она верна и в обратном порядке. Всякое попадание героя в лес вызывает вопрос о связи данного сюжета с циклом явлений посвящения» [5]. Лес – место непростое, таинственное. Можно предположить, что древние обряды посвящения проводились именно

в лесу, поскольку там можно было обеспечить скрытность ритуала. В сказке лес выступает чем-то вроде лабиринта, войдя в который, герой уже не может выйти – до тех пор, пока не решит поставленные перед ним задачи.

Многие исследователи указывают на связь леса с миром мертвых. Еще в античной литературе мы встречаем упоминание о темном лесе, скрывающем вход в подземный мир. В восточнославянских сказках в лесу живет нечистая сила – в частности, Баба Яга, которая имеет к миру мертвых самое непосредственное отношение: она стоит на границе этого мира, она фигура-посредник между «этим» светом и «тем». Именно это представление о Бабе Яге формирует ее сюжетную функциональность в сказке: она испытывает героя (героиню) и по результатам испытания наделяет его (ее) знанием или чудесным помощником.

Герой, вошедший в лес, выйдет из него уже другим, изменившимся. Без этого изменения невозможно дальнейшее полноценное существование. На встречу изменениям идет и царевна. Она не встречает Бабу Ягу (естественно: мы ведь имеем дело с преимущественно «патриархальной» сказкой, а Баба Яга есть образ матриархальной культуры); в лесу девушка обнаруживает терем, где живут семь богатырей. Свою инициацию царевна проходит в окружении мужчин; это существенно отличает данный сказочный сюжет и подобные ему от тех, где женская инициация совершается исключительно женщинами, как в упомянутой уже сказке «Василиса Прекрасная». Пушкинская царевна демонстрирует свои навыки ведения хозяйства, а мужчины оценивают ее мастерство. Они же испытывают ее вином: «Рюмку полну наливали, / На подносе подавали. / От зеленого вина / Отрекалася она» [6, с. 349].

Следующим испытанием становится испытание верности (целомудрия). Богатыри предлагают девушке: «Одному женою будь, / Прочим ласковой сестрою» [6, с. 350]. Но и здесь царевна непреклонна: она уже невеста, и жених-королевич ей всех милее. Возможно, древняя славянская инициация могла включать ритуальные вопросы, на которые важно было давать правильные ответы. Косвенное подтверждение этому предположению мы можем найти в сказках и других фольклорных произведениях. Так, в сказке «Мудрая дева» девочка-семилетка отвечает на вопросы царя и выполняет его задания; наградой ей становится правосудие, а впоследствии царь женится на ней.

Итак, царевна проходит испытания «мужского мира» достойно. Но все-таки этого мало для полноценной инициации. Испытуемая обязательно должна стоять на самом пороге смерти. У Василисы Прекрасной в народной сказке, благодаря наличию в ее мире Бабы Яги, все было относительно несложно; теперь же сказочной героине предстоит встретиться со смертью, так сказать, неперсонифицированной.

Злая мачеха узнает, что царевна жива. Царица подсылает убийцу с отравленным яблоком; героиня кусает яблоко и впадает в состояние, напоминающее

смерть, но все же смертью не являющееся: девушка скорее напоминает спящую. Известно, что употребление веществ, вызывающих измененное состояние сознания, практикуется в обрядах инициации (например, у индейских племен). Мотив приобщения к особому знанию через принятие особой пищи встречается в литературе, в том числе в детской (вспомним, что происходило с Алисой в Стране чудес, стоило ей только что-нибудь съесть или выпить). В «Сказке о мертвой царевне» описан именно такой обряд. Царевна съела кусочек яблока (не будем забывать, что именно яблоком часто представляется плод с древа познания добра и зла – плод, который на самом деле нигде в Библии яблоком не назван) – и после этого стала «как мертвая». Затем мы наблюдаем инсценировку похорон: «Сотворив обряд печальный, / Вот они во гроб хрустальный / Труп царевны молодой / Положили — и толпой / Понесли в пустую гору, / И в полуночную пору / Гроб ее к шести столбам / На цепях чугунных там / Осторожно привинтили / И решеткой оградили; / И, пред мертвою сестрой / Сотворив поклон земной, / Старший молвил: «Спи во гробе; / Вдруг погасла, жертвой злобе, / На земле твоя краса; / Дух твой примут небеса»... [6, с. 354].

После этого героине остается только пассивно ожидать жениха. Тот, в свою очередь, тоже совершает обряд инициации; не останавливаясь на подробностях мужского посвящения, скажем только, что в финале королевич спускается в пещеру (символический образ, связанный с рождением и смертью), где разбивает хрустальный гроб (демонстрирует физическую силу) и тем самым возвращает царевну к жизни. Счастливые возлюбленные пускаются в обратный путь.

В финале народных сказок коварную мачеху обычно жестоко убивают. В сказке Пушкина она умирает сама, от «тоски». Физическая смерть антагониста в сказке символизирует трансформацию отношений: злодей перестает представлять опасность для героя, перестает восприниматься как враг. И не случайно по «умершей» мачехе в «Сказке о мертвой царевне» нет никакого, даже самого короткого траура: «Лишь ее похоронили, / Свадьбу тотчас учинили, / И с невестою своей / Обвенчался Елисей» [6, с. 358].

Таким образом, в сказке Пушкина мы наблюдаем следующие элементы обряда женской инициации: изгнание из привычной домашней обстановки в незнакомое место («лес»); оценка социально значимых качеств девушки старшими мужчинами племени («богатырями»); ритуальные вопросы; употребление сакральной пищи («яблока»); инсценировка смерти и похорон, во время которых девушка ведет себя как мертвая. После прохождения этих этапов она достойна стать невестой, перейти в иное социальное качество. При этом неофитке важно продемонстрировать смирение, терпение, непротивление как свойства, которые позволяют ей быть принятой в сообществе, подчеркивая лояльность к нему.

Архетипический сюжет в пушкинской сказке окрашен романтическими тонами, но он, несомненно, базируется на древнейшем представлении об экзистенциальной значимости определенных возрастных этапов и связанных с ними психологических, физиологических и социальных изменениях. Эти представления, разумеется, были скорректированы исторически, и сказка отражает также особенности мировоззрения человека, живущего в XIX веке и воспитанного в условиях дворянского быта.

Литература

1. Балушок В.Г. Инициации древних славян: попытка реконструкции // Этнографическое обозрение. 1993. № 4. С. 57 – 66.
2. Большакова А. Ю. Литературный архетип // Литературная учеба. 2001. № 6. С. 171.
3. Ляшенко Т.М. Языковые средства сознания архетипического образа матери в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» // Филологические науки. 2017. №1. С. 100 – 112.
4. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в 3 томах. М.: Академический проект, 2017.
5. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2009.
6. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 3.
7. Штемберг А.С. Герои русских народных сказок: почему они ведут себя так, а не иначе? // Пространство и время. 2012. №1(7). С. 207 – 214.

T.M. Lyashenko

DEAD PRINCESS'S INITIATION: THE ARCHETYPAL CONTENTS OF THE “TALE OF THE DEAD PRINCESS AND THE SEVEN KNIGHTS”

Abstract. The article is devoted to narrative elements of the “Tale of the dead Princess and the seven knights” by A. S. Pushkin, which form the motif of women’s initiation.

Keywords: archetype; motif; initiation; magic fairy tale.

ПРИЕМ ОТТОЧИЙ И МОТИВ ОПУСТОШЕНИЯ ГЕРОЯ В ПЕРВОЙ ГЛАВЕ РОМАНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» А. С. ПУШКИНА

Аннотация. Статья посвящена исследованию семантики пропусков в первой главе романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Как представляется, пропущенные фрагменты не только формально присутствуют в тексте в виде отточий и цифровых помет, но и формируют особое семантическое поле, коррелируют с ключевыми мотивами произведения.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Евгений Онегин», роман, композиция.

Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» парадоксальным образом начинается с ситуации «вербализованного молчания»: первая строфа – это внутренняя речь героя («Мой дядя самых честных правил...»), вторая включает в себя авторский комментарий к тому, что стало известно читателю («Так думал молодой повеса»). Таким образом, уже в начале произведения (т.е. в композиционно сильной позиции) акцентируется внимание на том, что за внешней тишиной скрывается смысл. Данный прием во многом определяет взаимодействие вербальных и невербальных компонентов в художественном мире пушкинского романа, которое наиболее ярко прослеживаются в композиционных пропусках.

В отечественном пушкиноведении неоднократно осуществлялись попытки определить структурную и смысловую роль пропусков романа А.С. Пушкина. В. Б. Шкловский рассматривает наличие отточий как осмысленный автором прием, направленный на игру с читателем и вовлекающий его в процесс создания романа [11, с. 199–200]. Исследования семантической наполненности отточий-умолчаний есть также в трудах Ю.Н. Тынянова, который называет пропущенные фрагменты «эквивалентами строк и строф, наполненные любым содержанием» [9, с. 52]. Намеченную линию исследования продолжил Ю. М. Лотман, объединяя и формально-композиционную, и смыслообразующую функцию пропусков [5, с. 5–32]. В современных научных исследованиях усиливается значимость пропущенных фрагментов в работах Ю. Н. Чумакова [10], М. Н. Виролайнен [4], В.П. Старка [8]. Например, по определению В. П. Старка, пропуск строф – это «композиционный прием,

создающий дополнительный план в художественном пространстве текста романа» [8, с. 360]. Подобный подход отражает содержание пушкинского приема, однако названный дополнительный план требует конкретизации – это «семантический» план, который усиливает ключевые темы и мотивы, выраженные словесно. Данный тезис является основой дальнейшего анализа семантизации молчания, наиболее ярко проявленного на композиционном уровне. Объектом исследования предлагаемой статьи является семантическая природа пропущенных строф в первой главе романа «Евгений Онегин».

История создания и выхода в свет романа убеждает в том, что уже на раннем этапе воплощения замысла «Евгения Онегина» композиционные пропуски осмыслены Пушкиным как намеренный художественный прием. В романной структуре условно можно выделить два вида композиционных пропусков: пропуск отдельных стихов и пропуск строф. Семиотическим аналогом текста в пропущенных строфах и стихах являются отточия. При этом прием пропуска строф, встречающийся трижды, сконцентрирован исключительно в первой главе романа, что дает основание для специального исследования данного приема, который в неизменном виде присутствует в отдельных изданиях главы 1825 и 1829 гг., а также в составе полных редакций «Евгения Онегина» 1833 и 1837 гг.:

Первый пропуск строфы встречается в контексте

IX	XIII. XIV	XXXIX. XL. XLI
.....	.....	.....
.....	.....	.....
.....	.....	.....

экскурса в петербургскую жизнь главного героя. В XVIII строфе описывается «наука страсти нежной», объединившая и Онегина, и автора «Науки любви» – древнеримского поэта Публия Овидия Назона («Но в чем он истинный был гений...»). После данной строфы следует фрагмент, представляющий собой ряды отточий с цифровой пометой:

IX

.....
 .....
 .....

В сюжетном плане отточия на месте IX строфы отражают результат приобретенного Онегиным жизненного опыта, подводят итог постижению наук, который оборачивается тупиком (так как свет уже решил, «что он умен и очень мил»). Онегин не погружается увлеченно в изучение наук, не имеет большого успеха и не доводит этот процесс до логического завершения, руководствуясь основными принципами – «коснуться до всего слегка», «помнить, хоть не без греха» и пр. Образование для него – необходимое условие вхождения в круг светских людей. И с этой стороны он уже показал себя, поэтому пережитый период завершается охлаждением, пустотой.

Тема учения и науки является одной из центральных в первой главе романа. В размышлениях героя по пути в имение дяди наука выходит за рамки своего словарного значения («его пример другим наука»): наука как «умение жить», «жизненная стратегия». В предыстории Онегина она заявлена уже в описании детства Онегина («учил его всему шутя»), развивается в строфах, посвященных началу светской жизни («ученый мальй»), и выводится как некая авторская сентенция («мы все учились понемногу»). Поочередное раскрытие «талантов» Онегина, одобренных реакцией света, достигает квинтэссенции в образе науки страсти нежной, которая объединяет противоположные по своей сущности понятия «учения» и «страсти», «ума» и «чувства». Когда постижение наук заходит в тупик, открывается новая грань личности Онегина – сфера чувств («Как рано мог он лицемерить, / Таить надежду, ревновать»). Переход от рациональной составляющей к эмоциональной обуславливает модификацию темы науки. Однако после пропуска она приобретает ироническую коннотацию с оксюморонным смыслом: любовь не совместима с разумом (наукой), а наука не совместима с сердцем (страстью), что в дальнейшем определяет основное внутреннее противоречие личности Онегина. Противопоставление ума и сердца, на котором акцентируют внимание отточия, становится одним из ключевых не только в первой главе «Евгения Онегина», но и становится знаковым для всего романа в стихах. Подтверждение этому находим уже в эпиграфе, в котором автор характеризует свое произведение как «Ума холодных наблюдений / И сердца горестных замет». Данная антитеза объединяет два сюжетных плана романа, объединяет линию героя и автора. Роль пропуска в этом случае можно определить как семантический акцент, выделяющий концептуальные моменты романа. Пропуски исчерпывают тему учения и обращают к эмоционально-чувственной сфере, графически обрамляют тему сердечных страстей и светских интриг, ума и сердца. Отточия – знаки для читательской реакции на авторские акценты, в том числе и с учетом преобразования авторских рукописей в печатные варианты публикаций отдельных глав и романа в целом [см.: 1; 3, с. 69–71].

После развернутого описания в трех строфах онегинской «науки страсти нежной», заканчивающейся темой «блаженных мужей», расположен второй композиционный пропуск:

XIII. XIV

.....
 .....
 .....
 .....

В отличие от первого композиционного пробела на месте IX строфы, второй пропуск предстает удвоенным: отточиями обозначены сразу две строфы (XIII и XIV), которые не располагаются последовательно друг за другом, а сливаются в единый пропуск. С формальной точки зрения – это один

пропуск, намеренно усиленный, как бы возведенный в квадрат, тем самым указывающий на нарастание пустоты, ее усугубление. Любовные интриги не увлекают Онегина надолго, несмотря на то, что в этой сфере он признан «истинным гением». Герой не получает ожидаемых эмоций от «блаженных мужей», «книжная» модель ведения любовных интриг оказывается чужда светскому обществу, скупому на бурное переживание событий: «Но вы, блаженные мужья, / С ним оставались вы друзья».

Онегин повторно сталкивается с ситуацией пустоты и тупика (как это было и после изучения наук). Таким образом, композиционная пустота в виде пропуска проецируется и на более глубокий уровень текста – семантический. Композиционный пропуск вбирает в себя семантику внутреннего опустошения, которая характеризует состояние героя, исчерпывающего любое увлечение, в результате чего происходит нарастание, накопление душевной пустоты. Многие исследователи пушкинского романа склонны рассматривать раскрытие мотива внутреннего опустошения именно в первой главе. Так, например, С. Митчел отмечает: «Онегин, хоть он на голову выше других представителей своего поколения, уже в первой главе предстает перед нами с опустошенной душой» [6, с. 218].

Третий пропуск возникает в романе сразу после введения темы хандры. Вслед за описанием состояния Онегина следует утроенная модель строфы, обозначенная отточиями и тройной нумерацией:

XXXIX. XL. XLI

.....
 .....
 .....
 .....

Мотив пустоты, в частности внутренней опустошенности героя, проявленной в XXXVIII строфе в виде многочисленного грамматического отрицания («Ничто **не** трогало его, // **Не** замечал он **ничего**»), переносится из предшествующей строфы в последующую, становится доминирующим. Отточия, следующие после усиленного отрицания в повторяющейся частице «ни», отрицательных местоимениях «ничто» и «ничего», вбирают в себя семантику предыдущих и последующих композиционных единиц, вследствие чего формируется усиленная зиянием смысла пустота, происходит семантизация «нуля». Словесный облик слова «ничего» трансформируется в его графическое воплощение – отточия, происходит своего рода визуализация пустоты, «ничего». Вербальный компонент сталкивается с невербальным, происходит их слияние. Подобно тому, как Онегин не замечает ничего, читатель видит воплощенный в отточиях фрагмент романа.

Тема хандры вводится как результат охлаждения Онегина к светской жизни, а также коррелирует с ситуаций тупика в постижении наук и увлечении любовными интригами. В пропуске происходит утроение пустоты:

визуально она представлена в виде строфы с тройным цифровым обозначением. Онегинская хандра – квинтэссенция духовной пустоты, утрата всех чувственных способностей.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что расположение пропущенных строф в первой главе систематизировано: пропуски окружают и обрамляют любую попытку героя преодолеть внутреннюю хандру. Поиски себя возникают из пустоты, формируя разрозненную картину метаний Онегина, мозаичность, отрывочность, что поддерживается визуально в чередовании вербального наполнения и отточий. Однако даже внешне разрозненная структура обладает внутренней целостностью и логичностью, и прежде всего она мотивирована сознанием героя: чередование интереса и пустоты, бессвязность жизненных этапов, попытка примкнуть и изучить разные стороны бытия. Композиционная структура выдержана в соответствии с жизненным путем героя, соответствует сюжетному ходу романа, тематической наполненности глав. Пропуски строф отражают единство формы и содержания, которое прослеживается не только на уровне онегинской строфы (восходящей по некоторым версиям к идеальной поэтической форме сонета), но и на уровне организации первой главы, и связаны с поэтикой «невъразимого» [2]. Постепенное формирование хандры героя, нарастание душевной пустоты повторяется на композиционном уровне в увеличении цифровых помет над пропуском (последовательно пропущены одна-две-три строфы):

- 1) IX
- 2) XIII. XIV
- 3) XXXIX. XL. XLI

Три пропуска равны трем «пустым» (неудачным) попыткам героя найти себя. Концентрация данного вида пропуска именно в первой главе весьма символична. Первая глава – это единственная глава, раскрывающая прошлое героя, которое в свою очередь причинно-следственно связано с настоящим. Подробное описание этапов становления Онегина в начале романа наглядно показывает процесс опустошения его души. Мотив душевной пустоты в первой главе вводится как основной, так как объясняет поступки героя в последующих главах. Возможно поэтому отточия в последующих главах сменяются другими видами пропусков, т.к. нарастание пустоты в них не происходит: герой уже достигает пика опустошения.

Несомненным является влияние пропусков на семантический строй произведения. В пропущенных строфах визуализируется процесс опустошения героя. Прослеживается связь пропуска с семантикой пустоты, которая раскрывается в мотиве нарастающей хандры Онегина (душевного опустошения героя). Пропуски не затрудняют процесс чтения романа, не затормаживают ход событий, а наоборот – демонстрируют динамику, порывистость исканий героя, хаотичное блуждание.

Литература

1. Афанасьева Э.М. Образ читателя и феномен чтения в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2006. № 41. С. 35–45.
2. Афанасьева Э.М. Религиозно-философская основа «Невыразимого» В.А. Жуковского // Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики). Сборник научных статей. Екатеринбург, 2007. С. 71–83.
3. Афанасьева Э.М. Феномен книги в художественном мире М.Ю.Лермонтова. Кемерово, 2007.
4. Виротайнен М. Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб., 2003.
5. Лотман Ю. М. Художественная структура «Евгения Онегина» // Труды по русской и славянской филологии. IX: Литературоведение. Вып. 18. Тарту, 1966. С. 5–32.
6. Митчел С. Отступления в «Евгении Онегине» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 30. СПб., 2005. С. 205–219.
7. Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 6. Евгений Онегин. 1937. С. 1–205.
8. Старк В. П. Комментарий к роману «Евгений Онегин» // Евгений Онегин: роман в стихах. СПб.: Вита Нова, 2013. С. 311–581.
9. Тынянов Ю. Н. О композиции «Евгения Онегина» // Тынянов Ю. Н. Поэтика, история литературы, кино. М.: Наука, 1977. С. 52.
10. Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб, 1999.
11. Шкловский В. Б. «Евгений Онегин» (Пушкин и Стерн) // Очерки по поэтике Пушкина. Берлин: Эпоха, 1923. С. 199–220.

L. N. Grishaeva

THE RECEPTION OF THE SHARPENING AND THE MOTIVE OF THE HERO'S DEVASTATION IN THE FIRST CHAPTER OF THE NOVEL «EUGENE ONEGIN» BY ALEXANDER PUSHKIN

Abstract. The article is devoted to the study of the semantics of omissions in the first chapter of A. Pushkin's novel «Eugene Onegin». As it is represented, the passed fragments are not only formally present in the text in the form of points and numeral marks, but also form a special semantic field, correlate with the key motives of the work.

Keywords: A. S. Pushkin, «Eugene Onegin», novel, composition.

Е.Г. Июльская

EGIjulskaia@pushkin.institute

доцент кафедры мировой литературы

Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

Москва, Россия

Е.К. Петривняя

EKPetrivnyaya@pushkin.institute

доцент кафедры мировой литературы

Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

Москва, Россия

А.А. Соломонова

AASolomonova@pushkin.institute

заведующая кафедрой, доцент кафедры мировой литературы

Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

Москва, Россия

ДИАЛЕКТИКА МИРОЗДАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «МЕТЕЛЬ»

Аннотация. В настоящем исследовании рассматриваются способы изображения образов героев в повести «Метель», которые помогают раскрыть сложность и противоречивость поведения персонажей. Отражение в обыденных бытовых образах диалектики мироздания и человеческого поведения стало величайшим достижением великого русского гения.

Ключевые слова: типическое и индивидуальное в портрете героев, эволюция духовного мира персонажей, диалектика мироздания и человеческого поведения.

Специфика художественного образа, приемы изображения образов героев в литературе – актуальный предмет исследования современного литературоведения. Рассмотрение системы образов повести «Метель» в контексте «Повестей Белкина» отражено в статье С.А. Фомичева, одному из важных аспектов изучения образов героев — онтологии имени посвящена монография Э.М. Афанасьевой, поэтике портрета в «Повестях Белкина» уделяется внимание в диссертации А.Г. Кулыгиной. В учебном пособии В.Е. Хализева, С.В. Шешуновой представлен целостный анализ пушкинского прозаического цикла: тематическое многообразие и проблемная насыщенность повестей, серьезность и глубина отраженных в них конфликтов, особенности их жанра, обсуждается образ Белкина, «автора» прозаического цикла. Анализу

каждой отдельной повести посвящен научный труд А.Г. Гукасовой. В книге известного литературоведа Вас. В. Гиппиуса характеры героев в «Повестях Белкина» воспринимаются через призму эстетических принципов Пушкина.

Однако необходимо отметить, что недостаточно глубоко и полно изучены приемы создания системы образов в повести «Метель», сложный многоуровневый анализ образов героев пушкинской повести позволяет выявить глубинное постижение законов мироздания, диалектику мироздания и человеческого поведения, раскрыть в случайном, преходящем, единичном – неизменно-пробывающее, вечное, сущностное.

Способы создания художественных образов героев повести «Метель» А.С. Пушкина отличаются глубиной и продуманностью. Внешняя романтическая характеристика героев, их действия находятся в противоречии с описанием их внутренней сущности, психологически достоверным изображением внутреннего мира, что свидетельствует о создании реально-исторических образов.

Средством создания образов в повести становятся: прямая авторская и косвенная характеристики, портрет героя, показ героя в действии, образы-детали, описание психологического состояния человека, изображение внутреннего мира персонажа через сон и воспоминания, речь, символика имени.

В основе системы образов лежит любовный треугольник. Персонажи противопоставлены друг другу по нескольким направлениям: временное – конец 1811года (предвоенное время) и 1815 (победный год), природное (сезонное) – зима/лето, истинность/ложность чувств. В повести представлена эволюция любви: от «книжной» романтической страсти Маши и Владимира к истинному глубокому чувству Марьи Гавриловны и Бурмина.

Центральный персонаж произведения – Марья Гавриловна. В начале автор рисует портрет романтической героини: «стройная, бледная и семнадцатилетняя девица». Повествователь иронически подчеркивает, что «Марья Гавриловна была воспитана на французских романах, и, следовательно, была влюблена» [7, с. 77]. Ирония, использование романтических штампов вызваны прежде всего искусственностью чувств и поведения героев. Достигнуть совершенства и гармоничной завершенности в создании художественного персонажа помогает принцип многослойного построения образа.

Первый уровень – внешний образ, книжная роль возлюбленных из сентиментальной повести, которую навязывают себе герои. Решение о тайном венчании Владимира Николаевича и Марьи Гавриловны становится завязкой событий и помогает глубже раскрыть внутренний мир героини. Персонажи строят отношение к жизни и моделируют поведенческие ситуации, ориентируясь на книжные схемы. «В «Метели» книжная любовь Маши и Владимира оказывается принадлежностью традиции, а не голосом сердца. И поэтому природа (метель), время, реальные чувства разрушают предрассудки и от-

52 | крывают возможности для истинных чувств» [6, с. 131]. Однако жизнь не подчиняется схемам, живет совсем по иным законам.

Образы-детали, неразрывно связанные с событиями, поступками, настроениями, стремлениями и расчетами героев, ярче проявляются на втором уровне. Например, Марья Гавриловна долго колебалась, отвергала множество планов побега, накануне дня тайного венчания укладывала вещи, писала письма подруге и родителям, в письме к отцу и матери она просила прощения за свой поступок. Вечером, ужиная с родителями, втайне прощалась с ними и со всеми окружающими предметами. Несмотря на «печальное предзнаменование», метель, она покинула родительский дом. Внешнее описание деталей тесно связано с внутренними движениями души. Автор достоверно описывает психологическое состояние героини: испытывала головную боль, сильно билось сердце, дрожал голос, разразилась слезами.

Третий уровень – описание мотивов поведения героев. Важную роль в раскрытии образа главной героини играет мотив сна. Традиция введения в сюжет этого мотива восходит к глубокой древности. Античные и библейские авторы изображают, как во сне к героям приходят боги, чтобы сообщить будущее, побудить героев к определенным действиям. В романтических произведениях мотив сна традиционно используется, чтобы изобразить воображаемый мир, недостижимый в обыденной действительности.

В повести «Метель» мотив сна необходим для подготовки персонажа к предстоящим событиям, он помогает раскрыть внутренний мир героини, разгадать тайные пружины ее психики. «...В самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец ее останавливал ее, с мучительной быстротою тащил ее по снегу и бросал в темное, бездонное подземелие... и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца...; то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил ее пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться...» [7, с. 78]. Не случайно, во сне Марьи Гавриловны появляются ее отец и Владимир. Сон героини бессознательно отображает разрушение традиций свадебного обряда, когда отец должен вручить невесту жениху, тот древний ритуал изначально символизировавший переход девушки из рода отца в род мужа. Нарушение свадебных обрядов приводило к тому, что свадьба и венчание считались недействительными, а семейная жизнь молодых была обречена на несчастье. Темное подземелье, в которое отец бросает Машу, воспринимается как символ ее нравственного падения, поскольку венчание без благословения родителей разрушает законность их брака. Таким образом, мотив сна наиболее полно раскрывает муки совести героини. Неслучайно после неудавшегося побега она тяжело заболела. Болезнь – это время переоценки ценностей, возможности выбора верного решения («две недели находилась у края гроба»). Однако скоро «барышня стала выздоравливать» – произошло не только физическое

исцеление, но эмоционально-психологическое. Это подтверждается и внешними изменениями: получение наследства, переезд из Ненарадова в другое имение, появляется роль девушки, скорбящей о погибшем воине.

В отличие от Владимира, Марья Гавриловна нашла в себе силы смириться с реальными обстоятельствами жизни, понять иллюзорность своих романтических надежд. Ей хватило мужества и достоинства сохранить верность клятве, которую она произнесла в церкви во время венчания с незнакомым мужчиной, ставшим по роковой случайности ее мужем. Она молча хранит свою тайну, отвергает предложения о замужестве от многочисленных поклонников. Именно верность слову, способность нести ответственность за свои поступки, следование духовным законам жизни привели ее к обретению настоящей истинной любви, душевной гармонии с человеком, столь схожим с ней по нравственным качествам.

Для создания образов Пушкин использует поэтику имени. Мария в переводе с греч. означает «горечь, печаль». Действительно, главной героине приходится жить со страшной мучительной тайной, оплакивая погибшего возлюбленного. Несмотря на утраты, тяжелую, печальную судьбу, Марья Гавриловне удастся найти счастье, преодолеть горечь потерь и жить дальше.

Владимир – древнее славянское имя, означающее «владеющий миром». Сильный, великий человек не справляется с неожиданным поворотом судьбы, не находит в себе сил жить дальше, призывает смерть. У Пушкина это имя чаще получают героини-романтики, люди, противопоставляющие себя миру.

В начале повести писатель для создания образа Владимира использует романтические штампы. Владимир в повести предстает перед читателем в образе романтического мечтателя: «пылал равною страстию», «они клялися друг другу в вечной любви», «в каждом письме умолял ее предаться ему, венчаться тайно». Владимир желает навязать жизни собственную логику, дерзает формировать жизнь вокруг своевольного хотения, влечения частной воли, выпавшей из гармонического единения с миром. Граница между добром и злом всегда зыбка для такого сознания. Когда обстоятельства складываются так, как было героем задумано, это вызывает восторг и пьянящее ощущение, что он – властелин судьбы, но как только метель разрушает его планы, герой впадает в отчаяние и личная обида перерастает в обиду вселенскую. Проиллюстрируем примерами из текста, какие способы изображения героя и его внутреннего состояния использует поэт. Весь день Владимира перед венчанием можно разделить на две части по эмоциональному восприятию героем происходящего. Утром и днем все складывается для Владимира благополучно, поэтому Пушкин четко описывает совершаемые героем внешние действия, используя глаголы: «уговорился со священником», «поехал искать свидетелей», остался обедать у корнета, «обнял их (свидетелей) с *восторгом* и поехал домой приготавливаться», и лишь наречие «с восторгом» открывает

нам эмоциональное состояние героя. Вечером и ночью, когда стихийная сила природы разрушает планы героя, доминирующим становится изображение внутренних переживаний Владимира благодаря использованию эмоционально-оценочной лексики: «начинал сильно *беспокоиться*», «с *ужасом* увидел, что ... заехал в незнакомый лес», «*отчаяние* овладело им», или дается описание психологического состояния человека через внешние физиологические проявления: «*слезы брызнули* из глаз его», «*схватил себя за волосы* и остался недвижим, как человек, приговоренный к смерти», «не имел духа отвечать на вопросы», «не говорил уже ни слова».

Метельное происшествие вызвало личную обиду, которая переросла во вселенскую обиду и убежденность героя в фатальной несправедливости. Подобное сознание всегда закрыто для постижения другой души, оно всякий раз подменяет ее собственными отражениями. Владимир, который так страстно любил Марию, даже не пытается понять причину поступка своей невесты, считает себя обманутым, оскорбленным, пишет «полусумасшедшее письмо», которое завершает словами: «смерть остается единою надеждою». Доверяя только себе, такой тип сознания не доверяет жизни, воздвигает барьер между миром и собой. Желание подогнать живое многообразие бытия под мерку односторонней страсти безысходно трагично: Владимир погибает на войне. Душевная жизнь Владимира замкнулась на одинокой страсти, и эта страсть разрослась до непомерных пределов, заслоняя собою мир. Замкнувшийся дух бесплоден, не происходит эволюции сознания, поэтому в повести нет описания индивидуального портрета героя, отсутствует и способ многослойного построения образа.

Самый притягательный и загадочный образ повести – Бурмин. Имени его автор не раскрывает, однако в фамилии сохраняется связь со словом «буря». Человек, призванный самой судьбой (метелью, бурей). Для отображения эволюции характера героя Пушкин использует способ изображения внутреннего мира через воспоминание героя. Благодаря этому приему на страницах повести вырисовываются два образа Бурмина: первый – легкомысленный повеса, который с доверительной безоглядностью отдается взвихренному течению жизни, слушает пульс самой реальности и венчается с незнакомой девушкой, не задумываясь о последствиях; второй – прошедший через грозные годы войны и выдержавший труднейшее испытание временем – благородный герой, который беспощадно осуждает свои поступки, совершенные в прошлом: «непонятная, непростительная ветренность...»; «в то время я так мало полагал важности в *преступной моей проказе*, что, отъехав от церкви, заснул, и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции» [7, с. 86]. Бурмин испытывает чувство вины и позднего раскаяния за свой необдуманный поступок в прошлом. Причем, если у Марии осознание чувства вины и ответственности за поступки приходит через сон, что

свидетельствует об интуитивном женском начале, то эволюция в сознании Бурмина происходит через воспоминание, через критику своих поступков в прошлом – это аналитическое мужское начало.

В отличие от Владимира Пушкин рисует индивидуальный портрет Бурмина: «Очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения, безо всяких притязаний и беспечно насмешливый... Он казался нрава тихого и скромного, но молва уверяла, что некогда был он ужасным повесою, и это не вредило ему во мнении Марьи Гавриловны, которая... с удовольствием извиняла шалости, обнаруживающие смелость и пылкость характера» [7, с. 84]. В отличие от описания романтического портрета Марьи Гавриловны, в портретной характеристике Бурмина нет изображения внешности героя, а представлена совокупность духовных и психических свойств человека, проявляющихся в его поведении и свидетельствующих о незаурядности личности, ее самобытности.

И наконец, важным приемом создания образа становится речь героя: «...мысль, что вы бы согласились сделать мое счастье, если бы... молчите, ради Бога, молчите. Вы терзаете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но – я несчастнейшее создание... я женат!» [7, с. 85]. Для Бурмина честь дорога не меньше, чем любовь. Он искренне полюбил Марью Гавриловну, но понимает, что необдуманным поступком сам разрушил надежды на счастье. Бурмин благородно и мужественно хранит верность «неизвестной невесте», с которой он повенчался, для него делом чести становится следование духовным законам жизни.

Одним из значительных завоеваний пушкинской прозы является реалистическое глубинное постижение жизни, восприятие мира в его сложном, противоречивом, постоянно развивающемся единстве. «Раскрытие в обыденных бытовых образах диалектики мироздания и человеческого поведения стало величайшим достижением великого русского гения» [4, с. 96]. В основе справедливого мироздания находятся не эмоции, а разумное следование духовным законам, нравственным истинам. Внутренне состояние героев повести А.С. Пушкина складывается из противоречивого взаимодействия разумного отношения к миру и необузданных страстей: пока преобладает разум, поведение человека направлено на торжество божественной закономерности, когда верх одерживают эмоции, они ведут человека к забвению божественных заповедей. Основу изображения характеров в повести «Метель» составляет не индивидуальное своеобразие персонажей в совокупности его психических свойств, а именно субъективная мотивировка поведения и столь же субъективная ответственность. В повести Пушкина на первое место выдвигается нравственная проблематика, возникающая перед индивидом, стремление к показу индивидуального героя во всей сложности и объективной противоречивости его поведения. Судьба отдельного простого человека связана

56 | с круговоротом исторических событий (Отечественная война 1812 года), с природной стихией (метель), соотносится с национальными, семейными традициями и с вечными божественными законами мироздания.

Литература

1. Афанасьева Э.М. Онтология имени в творчестве русских писателей начала XIX века: Литературное общество «Арзамас», А.С. Пушкин, М.Ю.Лермонтов. М.: ЛЕНАНД, 2013.
2. Гиппиус Вас. В. Повести Белкина (1937) // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М., Л.: Наука, 1966.
3. Гукасова А.Г. Повести Белкина А.С.Пушкина / А. Г. Гукасова; Под ред. Н.Л.Бродского. М.: Изд-во Педагогических наук РСФСР, 1949. Серия: Педагогическая библиотека учителя.
4. Июльская Е.Г., Петровна Е.К. Методические рекомендации к занятию «Поэтика повести А.С. Пушкина «Метель» в иностранной аудитории. Русский язык за рубежом. 2017. № 1. С. 57–70.
5. Кулыгина А. Г. Поэтика портрета в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина: дисс. канд. филолог. наук. Н. Новгород, 2008.
6. Маранцман В.Г. Изучение творчества А.С. Пушкина в школе. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС-ПРЕСС, 1999. Ч. 1. Серия: Б-ка учителя-словесника.
7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М.: Академия наук СССР, 1937. Т. 8. Ч. 1.
8. Хализев В. Е., Шешунова С. В. Цикл А.С. Пушкина «Повести Белкина»: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1989.
9. Фомичев С. А. «Метель» в контексте «Повестей Белкина» // Пушкин и его современники: Сборник научных трудов. СПб., 2009. Вып. 5.

*E.G. Iyulskaya
E.K. Petrivnyaya
A.A. Solomonova*

DIALECTICS OF THE UNIVERSE AND HUMAN BEHAVIOR IN PUSHKIN'S SHORT STORY «THE STORM»

Abstract. This paper discusses the means of characters' portrayal in the short story «The Storm» that allows to reflect the complexity and self-contradictoriness of their behavior. Reflection of the dialectics of the universe and human behavior in the images of everyday routine has turned into the greatest achievements of the great Russian genius.

Keywords: typical and individual traits in the portrayal of the characters, evolution of the inner world of the characters, dialectics of the universe and human behavior.

ПУШКИН О ЧЕСТНОМ СЛОВЕ: ЗЛОБОДНЕВНОЕ В КРИТИКЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ НАШЕГО ГЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме честного (то есть правдивого, ясного, искреннего и выразительного) русского слова в критике и публицистике А.С. Пушкина, особенно – актуальной для настоящего времени проблеме народного языка как точки опоры в противостоянии засилью иноязычных заимствований.

Ключевые слова: Пушкин; критика; публицистика; русское слово; народный язык; иноязычные заимствования.

Кто из нас не вспомнит знакомые со школьной скамьи слова Гоголя из статьи «Несколько слов о Пушкине», написанной в 1832–1834 гг. и увидевшей свет в первой части «Арабесок» (1835): «В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка <...> В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла» [1, с. 33].

Разумеется все наследие Пушкина есть призыв к честному, то есть правдивому, ясному, крепкому и выразительному слову. Однако существует целая область пушкинского творчества, пока еще недостаточно активно вошедшая в наш отечественный гуманитарный общекультурный оборот, но в своем роде отнюдь не менее ценная, чем художественные произведения поэта. Речь идет о критике и публицистике Пушкина, о его дошедших до нас замечаниях – в беседах, письмах, откликах на то или иное событие, – выражающих необычайно точные и глубокие мысли о многом, в том числе – о нашей словесности. Да не покажется это странным, но с наибольшей прямоотой самую главную мысль о ее роли и месте в нашей жизни Пушкин высказал в статье (точнее, разделе статьи-разбора книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву») «О цензуре», писавшейся в 1833–1835 гг. и впервые опубликованной в 1841 г.

В этой статье проявилась свойственная всем великим умам диалектичность, объемность видения той или иной проблемы, то, что некогда было

запечатлено Сократом в крылатом афоризме «Я знаю, что ничего не знаю», та «сократическая» линия вечного несогласия с самой собой, вечная открытость миру разнородных идей, не предполагающая в принципе остановки мысли, окончания спора (оттого и был древнегреческий мудрец принципиальным противником письменности: человечество, опасался он, не только потеряет память, но и, поставив точку, зафиксировав ту или иную мысль, остановится в своем неутомимом стремлении к знанию).

В том же русле – рассуждения Пушкина о цензуре. Отнюдь не сакрализуя известную ему фигуру цензора («<...> какой-то стихотворец говорил о небесных глазах своей любезной. Цензор велел ему <...> вместо небесных голубые – ибо слово *небо* приемлется иногда в смысле высшего промысла! В славной балладе Жуковского [перевод – Г.Я.] назначается свидание накануне Иванова дня; цензор нашел, что в такой великий праздник грешить неприлично, и никаким образом не хотел пропустить баллады Вальтера Скотта <...> Ода [Сумарокова – Г.Я.] *Похвала Вакху* была воспрещена, потому что пьянство запрещено божескими и человеческими законами» [2, с. 786]), ожидая от стража нравственности и закона «здорового ума», «чувства приличия», честности, определенного уровня образованности, спокойной доброжелательности, поэт считает – сам институт цензурирования необходим. Ибо велика роль писателей – «аристократии людей, которые на целые поколения, на целые столетия налагают свой образ мыслей, свои страсти, свои предрассудки», и «никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли <...> Действие человека мгновенно и одно <...>; действие книги множественно и повсеместно <...> мысль уже стала гражданином, уже отвечает за себя, как скоро она родилась и выразилась» [2, с. 785] – следовательно, обнародованная, запечатленная или произнесенная для многих («на площадях»), мысль должна быть не только свободна («Что же и составляет величие человека, как не мысль?»), но и ответственна. Как со стороны автора, ее породившего, так и со стороны цензора, давшего ей «права гражданства» [Там же].

Не правда ли, как актуально звучат эти призывы к ответственности обнародованного слова в наши дни, когда Интернет снял практически все преграды и для откровенной бездарности и глупости, и для агрессивной пошлости, мошенничества и жестокости (достаточно вспомнить сравнительно недавние акции «Синего кита», побуждавшего детей к самоубийству). Но как реально возможна цензура в Интернете? И кто станет здесь общепризнанным «фильтром» и судьей?

Пушкин выдвигает также ряд эстетических требований к достойному «честному» слову. Перекликаясь и со своим славным потомком А.П. Чеховым («Краткость – сестра таланта»), и с не менее славным французским просветителем XVIII века Дени Дидро («Манерность – признак упадка вкуса»),

23-летний поэт в статье «О прозе» (1822) высмеивает «чувствительную» моду современных ему сентименталистов: «Но что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснять вещи самые обыкновенные, <...> никогда не скажут *дружба*, не прибавя: “сие священное чувство, коею благородный пламень, и проч.” – Должно бы сказать: рано поутру, – а они пишут: “едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба” <...> Читаю отчет какого-нибудь любителя театра: “сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Аполлоном...” Боже мой! да поставь: “эта молодая хорошая актриса” <...> “презренный зоил, коего неусыпная зависть изливает усыпительный свой яд на лавры русского Парнаса, коего утомительная тупость может только сравниться с неутомимой злостию...” Боже мой, <...> не короче ли: “Г-н издатель такого-то журнала”, <...> точность и краткость – вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей – без них блестящие выражения ни к чему не служат. Стихи дело другое (впрочем, в них не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо познавательнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется)» [2, с. 710].

Разве не обращены эти строки и к нашим современникам: поэтам – «концептуалистам», пытающимся из-за отсутствия оригинального дара «оригинальничать» словесным шукачеством, демонстративно-пародийным клоунством, нарочито нарушая правила орфографии (не так давно отошедший в прошлое «олбанский» язык), отказываясь от знаков препинания, разбивая «столбиком» на строфы скучнейшие прозаические тексты, при этом старательно имитируя наличие в последних какого-то особого глубинного, не всем доступного, смысла. Этим занимаются у нас и некоторые прозаики так называемой «новой волны», вслед за пошумевшими – и вскоре напрочь забытыми публикой представителями безфабульного и безгеройного французского «нового романа» 50–70-х гг. XX в. (Алан Роб-Грийе, Натали Саррот, Мишель Бютор), провозглашающими и «смерть романа», и «смерть автора», и «смерть слова» (чему они по мере сил, но, к счастью, безуспешно способствуют), решительно отнимая у литературы, конкретно – у нашей отечественной литературы, функции «учебника жизни» [3, с. 385–389].

Живая связь с читателями, реакция читателей, воздействие на читателей есть, по сути, категориальное определение литературе как таковой. И если тебя «понимают» лишь верные потомки ткачей из бессмертной сказки Х.К. Андерсена «Новое платье короля», а усердно играющие в «интеллектуализм» критики, обмениваясь с тобой многозначительными улыбками современных авгуров (лжепредсказателей Древнего Рима, знающих цену друг другу), хвалят вас так «отменно тонко и умно, что нынче несколько смешно» (если перефразировать А.С. Грибоедова), с таким количеством непонятных

терминов, с такими словесными фиоритурами-воланами, смысл которых они никогда не объяснят вам по причине его отсутствия, – то это дурной знак. Не утешайте себя «косностью» масс. Тут можно вспомнить и слова И.В. Гете о том, что тому, кто не рассчитывает писать для миллионов, лучше вовсе не браться за перо, и максимуму В.Г. Белинского о том, что вопрос о публике решает вопрос о литературе, и о том, с каким восторгом восприняли «массы» дерзкое новаторство В.В. Маяковского, да и о том, что вы вообще вряд ли назовете по-настоящему талантливого автора, который бы вовремя пришел к читателю – и остался им не замечен. Случались запоздавшие встречи автора и читателя (публикация «Мастера и Маргариты» М.А. Булгакова спустя чуть ли четверть века после написания романа, посмертные публикации знаменитой американской поэтессы Эмили Дикинсон), были зигзагом в восприятии (в творческой судьбе того же Маяковского, да и еще не менее полутора десятка всемирно известных прозаиков, поэтов и драматургов, после взлетов славы испытавших, в той или иной мере, период охлаждения публики). Была – и почти всегда – зависть и травля соперников по перу (почитайте критику Пушкина: сколько газетно-журнальных обвинений, в том числе в безграмотности, бездарности и невежестве, приходилось ему отражать!). Но не заметить истинно талантливое, то есть честное слово, откликающееся на события, явления, мысли и чувства современников – будь они обращены к прошлому, настоящему или будущему, фантастическому или реальному, слово, выразительно и ярко выражающее то, что живет в душах людей, было невозможно. Ибо в принципе не способностью воспринимать жизненные импульсы, осмыслять и переживать их, а способностью выражать эти мысли и переживания отличаются художник от «обычного» человека. Справедливо заключал один из создателей неумирающего образа Остапа Бендера Илья Ильф: «если читатель не знает писателя, то вина в этом писателя, а не читателя».

Это естественная ориентация на публику сказалась и в своеобразии пушкинской установки на народность, «национальный вкус» русского литературного слова. Отнюдь не пренебрегая ни языковой «шеголеватостью» (словесным экспромтом), ни иноязычными заимствованиями (убежденный «карамзинист» в противостоянии искусственному архаизму «шишковистов», пытавшихся, образно говоря, вместо галош носить «мокроступы», Пушкин легко и красиво ввел в русскую речь целый ряд варваризмов, уже давно воспринимающихся нами как органичная часть отечественного лексикона: панталоны, фрак, жилет, вульгарный – это только из «Евгения Онегина»). Однако лейтмотивом рассуждений поэта о русском языке и литературном слоге звучит призыв никогда не забывать родную речь и постоянно учиться ей у народа («московских просвирен», разговоров простолюдинов, народных сказок). В заметке от 1824 г. Пушкин пишет: «Причинами, замедлившими ход нашей словесности, обыкновенно почитаются общее употребление

французского языка и пренебрежение русского. Все наши писатели на то жаловались, – но кто же виноват как не они сами <...> мы привыкли мыслить на чужом языке <...> проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* (курсив Пушкина) обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных, и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно уже готовы и все известны» [2, с. 710–711].

Не кажется ли нам, что эти слова обращены к россиянам начала не только XIX, но и XXI века. Мысль о красоте и богатстве национального языка и призыв к писателям, оставив леность, развивать его на народных основах, звучит и в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова» (1825): «Как материал словесности язык славяно-русской имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива», чему доказательством и произошедшее в нем «сближение простонародного наречия с книжным», и тот факт, что «не искажен» он был и за время золотоордынского ига татарским языком, и «войны литовские также не имели влияния на судьбу нашего языка, он один оставался неприкосновенною собственностью несчастного нашего отечества. В царствование Петра I начал он приметно искажаться от необходимого введения галландских, немецких и французских слов. Сия мода распространяла свое влияние и на писателей <...> к счастью, явился Ломоносов» [2, с. 712–713].

Не прямым ли призывом к писателям нашего времени пугающей и малооправданной языковой экспансии англицизмов (американизмов) и формирования эдакой новомодной смеси «французского с нижегородским» (почему «локация», а не «место», «коворкинг», а не «сотрудничество» и т.д. и т.п.) звучат последние строки?

Существенно при этом следующее замечание Пушкина: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» («Отрывки из писем, мысли и замечания» [2, с. 717]). Сам поэт, как известно, не пренебрегал не только просторечием («Слова *усы, визжать, вставай, рассветает, ого, пора* казались критикам *низкими, бурлацкими* <...> но никогда не пожертвую искренностью и точностью выражения провинциальной чопорности и боязни показаться простонародным, славянофилом и тому подобным» (курсив Пушкина; «Опровержение на критики», 1830. [2, с. 755]), но и нецензурной лексикой (Из письма В.А. Жуковскому в ответ на просьбу прислать ему для лекций через П.А. Плетнева рукопись «Бориса Годунова»: «Какого вам “Бориса” и на какие лекции? В моем “Борисе” бранятся по-матерну на всех языках. Эта трагедия не для прекрасного полу»).

Главное в любой ситуации – игры ли со словом, или подражании, или языковом заимствовании, или даже в нарушении строгих приличий, – не терять

чувства языкового такта, времени, места и обстоятельства употребления того или иного выражения – что возможно, по Пушкину, только на фундаменте отличного знания языка национального, его правописания («несмотря на грамматические оковы»), уважительному разбору которых поэт посвятил немало строк в критических работах «Возражения на статью в “Атенее”», 1828; «Опровержение на критики», 1830, и др.) и его народных корней, чем поэт был озабочен более всего.

Однако для Пушкина глобальная роль латинского языка в Европе XIV в. не была непреодолимым препятствием формированию в европейских литературах раннего Возрождения национальных языков – Данте, Пьер Ронсар, Шекспир и их сподвижники позаботились об этом. Для нас доминирование французского языка в Европе XIX в. не стало преградой для расцвета «золотого столетия» отечественной классики. Но в XXI в. мы уже не можем ограничиться вдохновенным и, казалось бы, вечным на все времена напутствием Пушкина: «Чтение – вот лучшее учение». Не потому, что у нас нет писателей, хороших и разных, и в том числе современных (недавно ушедшие Владимир Маканин, Сергей Довлатов и Иосиф Бродский, продолжающие и начинающие писать – Татьяна Толстая, Людмила Петрушевская, Захар Прилепин, Евгений Водолазкин, Александр Терехов, Марина Степнова и еще многие, достаточно многие другие). Писатели есть – нет читателей. В обществе потребления, которое мы сейчас строим, действуют законы комфорта, максимальной облегченности бытия – в том числе и в отношениях между людьми, и в широкой духовной, и в интеллектуальной деятельности. Удобный и всеядный Интернет вряд ли будет «укрошен» библиотекой и подвластен контролю – но есть достаточно мощная потенциальная сила сопротивления его неразборчивости. Это – СМИ, пока еще не очень уверенные СМИ, с которыми сейчас еще очень осторожно сотрудничают наши мастера словесной культуры. А ведь СМИ – это та область, которая может выражать общественное мнение не хуже, чем Интернет; более того, стать тем «фильтром», который станет отделять зерна от плевел и яды от здоровой пищи.

Тот, кто усомнится в эффективности такого предложения, – окупитесь в чтение (и изучение) критики и публицистики нашего гения. Признанный в таковом качестве уже при жизни, Пушкин неустанно с отвагой паладина сражался с косностью, бездарностью, доносительством, верноподданической трусостью и невежеством. Какое богатство мыслей, какой мощный темперамент и бесстрашие в его многочисленных полемических статьях, памфлетах, пародиях, сатирических сценках, изображающих современную ему журнальную жизнь! «Чувства добрые», которые поэт пробуждал своей лирой, вызревали и мужали в постоянной литературной борьбе, и гений не щадил себя в сопротивлении даже мелким и недостойным: иначе они навсегда остались бы непобедимым большинством, стиравшим любое честное слово.

Литература

1. Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине // Собр. соч.: В 6 т. / Под общей редакцией С.И. Машинского, А.Л. Слонимского, Н.Л. Степанова. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 6. Избр. статьи и письма. 563 с.
2. Пушкин А.С. Сочинения / Ред. текста и комментарии М.А. Цявловского и С.М. Петрова; вступ. ст. С.М. Петрова. М.: ГИХЛ, 1949. 963 с.
3. Русская проза конца XX века: Хрестоматия для студ. высш. учеб. заведений / Сост. и вступ. ст. С.И. Тиминой; коммент. и задания М.А. Черняк. 2-е изд. СПб; М.: Издат. центр «Академия», 2005. 640 с.

G.V. Jakusheva

**PUSHKIN ABOUT THE HONEST WORD: THE PRESENT-DAY ISSUE
IN THE CRITICISM AND PUBLICISTIC OF OUR GENIUS**

Abstract. The article is devoted to the problem of the honest (that is truthful, sincere, clear and expressive) Russian word in the Pushkin's criticism and publicistic, especially to the actual problem of the folk-language as the fulcrum for the resistance to the dominant influence of the adoptions from foreign languages.

Keywords: Pushkin; criticism; publicistic; the Russian word; the folk-language; the adoptions from foreign languages.

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ОТ ПУШКИНА ДО ЭПОХИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В.И. Аннушкин

VAnnushkin@pushkin.institute

*доктор филол. наук, профессор Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия*

ТЕРМИНЫ ЯЗЫК – РЕЧЬ – СЛОВО В «СЛОВЕСНЫХ НАУКАХ» ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье исследуется основная терминология «словесных наук» первой половины XIX века, связанная со словами *язык – речь – слово* и имеющая прямые ассоциации с современным толкованием этих терминов. Утверждается, что основным термином было *слово*, термин *язык* понимался как орудие создания устной речи, в том числе ораторской, а термин *речь* был предметом изучения риторики как одной из Наук о Слове.

Ключевые слова: слово; язык; речь; грамматика; риторика; логика; поэтика; словесность.

Внимательное прочтение учебников словесности, грамматик и риторик, и особенно словарей позволяет увидеть необычность употребления основной терминологии филологических наук, называвшихся в XVIII – первой половине XIX веков «словесными науками» (понятно, что о «языковедческих науках» речи быть еще не могло).

Прежде всего, заметим, что во всех трудах по словесности и словесных наукам пушкинского времени сохраняется приверженность основной идее европейской философии и культуры – идее Слова, которое рассматривается не только как лексическая единица, но как основа человеческого бытия, основная характеристика человека как существа божественного. В сознании человека пушкинского времени, как, впрочем, и нашего современника, безусловно, присутствовала ассоциация с первыми строками Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Бог был Слово». Свидетельством тому является начало учебника профессора Царкосельского лицея Н.Ф. Кошанского «Общая риторика», которым открывался курс введения в «словесные науки»:

«Ничто столько не отличает человека от прочих животных, как *сила ума и дар слова*. Сии две способности неразлучны; они образуются вместе, взаимно и общими силами ведут человека к совершенству, к великой Небом ему указанной цели» [3: 39].

Современному филологу важно понимать, что человек пушкинского времени отчасти по-своему толковал термины *слово – язык – речь*. Так, термин *язык* хотя и мог пониматься как «наречие, слова и образ речи, употребительные каким-либо народом» [5, VI, 1037], но в нем невозможно искать современного представления о системе языка. В словосочетаниях *русский язык, французский язык, немецкий язык* и т.д. он, безусловно, соотносился с языком нации или какого-либо народа, но даже в научном представлении он по-прежнему был близок к представлению «фольклорному», где рассматривался только как орудие создания устной речи.

Если внимательно вчитаться в определения учебников начала XIX века, то мы обнаружим интереснейшие коннотации смыслов, или ушедшие из представлений современного человека, или сохранившиеся в своей основе, но недостаточно осмысляемые. Вот определение А.Ф. Мерзлякова 1804 года (это – первое издание его «Краткой риторики»): «Под словом *речи* вообще разумеется всякое словесное выражение наших мыслей и чувствований, расположенное в некотором определенном *порядке и связи*. Порядок и связь отличают *искусственную речь* от *языка*» (цит. по: [1, с. 248]).

Словосочетание «искусственная речь» следует понимать как «речь искусная», или «речь, созданная с искусством или имеющая отношение к искусству», а вот *язык* такого значения не имеет. Эта же синонимика представлена в рассуждении Н.Ф. Кошанского, где четко разведены понятия *язык и литература*. Это разведение происходит не на современных основаниях (наука о системе языка противопоставлена науке о художественной литературе), а на основании отнесения к устной или письменной/печатной словесности, культуре и образованности. Н.Ф. Кошанский пишет:

«В наше время язык и литература заключают два разные понятия. Язык — значит ныне изустное употребление дара слова или хотя и письменное, но писанное для удовлетворения первой нужды человека, сообщать мысли и чувствования другому.

Область языка ограничивают ныне знанием грамоты и, может быть, грамматики и употреблением безыскусственной прозы — первым, необходимым образованием человека.

Литература — значит ныне произведения языка, утвержденные письменами и, может быть печатанием, как для современников, так и для потомства; и притом произведения, удовлетворяющие второй потребности человека — просвещению ума, наслаждению вкуса.

Литература обнимает все словесные науки с их произведением и писателей с отличительными их достоинствами» [3, 144].

Как видим, и здесь «языку» отказано в связи с «искусством», т.е. он относится только к устной речи или элементарному владению грамотой. Очевидно, что язык – это сфера устной разговорно-бытовой речи («безыскусной»), либо же элементарной письменной речи. К просвещению ума, воспитанию вкуса и образованности относится литература как феномен письменной речи («литеры» и есть «письмена»), но ещё перспективнее мысль Н.Ф. Кошанского о том, что литература связана с книгопечатанием. Это предвосхищение более поздних мыслей В.Г. Белинского о различении письменности и книгопечатания, как и современной теории общей филологии Ю.В. Рождественского об исторической последовательности письменной словесности и печатной литературы [4: 78–238].

Сходное понимание термина *язык* обнаружится и у Александра Ивановича Галича, другого учителя Царскосельского лицея, который писал (и это не случайно!) не об «ораторской речи», а об *ораторском языке*. Название главы «Об ораторском языке или выражении» и описание «общих свойств ораторского языка» возможны только вследствие того, что оратор пользуется «изустной речью», которая создается с помощью «языка» как орудия устной речи [1: 314–323]. Выражение «литературный язык» невозможно в филологии или словесности пушкинского времени, потому что язык в данный период жизни нации не воспринимается как совокупная система литературных средств выражения всех видов словесности. Поэтому когда А.И. Галич писал о литературе, он рассуждал либо о «литературном произведении», либо о слоге и стиле письменного произведения, которое создается с помощью «литер».

Конечно, наша реконструкция не абсолютна и у того же Н.Ф. Кошанского мы встретим синонимическое употребление терминов «язык» и «слово», но разве в современном языке не встречаются подобные синонимические замены терминов *язык – слово – речь*, когда мы говорим об этих терминах как «орудиях общения» или искусном владении средствами коммуникации, т.е. языком, речью, словом? У Н.Ф. Кошанского встретим следующее рассуждение: «Язык или дар слова (*vox articulata*) есть дар свыше, которым Творец отличил любимое создание свое от всех бессловесных и благоволил, чтобы человек сам образовал сию способность, руководствуясь нуждами, разумом, природой» [3: 144].

Общий вывод из предшествующих рассуждений должен быть следующим: *язык* – первичный дар свыше, употребляемый устно или в безыскусственной прозе. Дар слова понимается также как способность устного воспроизведения речи, но и *слово*, и *язык* должны развиваться в *литературу*, которая исторически начинается с письменности, а достигает своего совершенства в печатании, т.е. печатной издательской деятельности. С помощью *языка*

создается первичный вид словесности – устная речь («изустное употребление дара слова»), а *литература* начинается там, где вступает в дело письменная речь – литеры, или письмена. Обратим внимание на то, что термин *литература* вмещает в пушкинское время самые разные виды словесности, или виды литературных текстов (здесь и догматика, и наука, и документальная проза, и ораторская проза). Это значительно более широкий и разносторонний взгляд на литературу, нежели взгляд более поздний, сложившийся под влиянием идей литературно-демократической критики (В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов и др.) и новой философии языка А.А. Потебни, утверждавших приоритет художественной литературы и ставивших над ней либерально-демократическую беллетристическую журналистику.

Изучение употребления терминов *язык – речь – слово* в учебниках словесности и риторики с очевидностью показывает, что основным термином следует назвать *слово*. Слово воспринималось, прежде всего, как *логос* – движущая, творящая сила, воплощаемая в самой способности, даре человека мыслить и оформлять мысль в слове – сознательных речениях и звуках. Для обозначения же слова как лексической единицы имелся термин «речение», а слово воспринималось и как инструмент общения, и как «Божественный Логос» в соответствии с его библейским смыслом. Однако уже к середине XIX века термин *речение* стал уходить в прошлое – последним его употребляет наиболее часто К.П. Зеленецкий, профессор Одесского Ришельевского лицея, предлагавший восстанавливать Науку о Слове вслед за своим учителем профессором Московского университета И.И. Давыдовым, к тому времени ставшим директором Главного Педагогического института в Санкт-Петербурге.

Наиболее интересной для современного читателя должна быть восстанавливаемая из учебников пушкинского времени система словесных наук («словесные науки» – термин, введенный М.В. Ломоносовым), в содружество с которым органично вошел употребленный впервые в Словаре Академии Российской термин *словесность*. Так, Н.Ф. Кошанский выстраивал следующую классификацию словесных наук:

«Словесные науки (*studia literarum*) делятся на три главные части – грамматику, ретику, поэзию – и граничат с эстетикой. Все они рассматривают дар слова, его силу и действия, но каждая имеет свой предмет, свою цель, свои пределы. Грамматика, занимаясь словами, рассматривает их: 1) порознь (этимология), 2) в связи (синтаксис), 3) в начертании (орфография), 4) в произношении (просодия). – Поэзия, как преимущественный орган чувств, выражает их: 1) в лице самого поэта (лирическая), 2) в других лицах, поэтом созданных (драматическая). – Реторика, имея своим предметом мысли, показывает: 1) откуда они черпаются (изобретение), 2) как приводятся в порядок (расположение), 3) как излагаются (выражение мыслей)» [3: 39].

Словесности как совокупности словесных произведений национальной культуры Н.Ф. Кошанский посвятил всю «Частную реторику» (как преподаватель латинского языка он писал это слово через «е»). Словесность рассматривается им возвышенно, со ссылкой на Н.М. Карамзина: «Словесность есть главный орган гения и чувствительности». У Н.Ф. Кошанского словесность и литература еще не разведены: «Словесность, или литература вообще (*literae*), есть наука, объемлющая полное знание одного или многих языков и все письменные произведения и писателей» [3: 144].

Впоследствии *словесность* будет пониматься шире, чем *литература*: литература есть только вид словесности, поскольку словесность включает в себя не только письменность и литературу, но и все произведения устной словесности, а сегодня и массовую коммуникацию, и информатику, и Интернет, иначе говоря, все виды медиакоммуникации.

Для современного взгляда на развитие языка актуально мнение об эволюционном характере отношения к Слову. Вплоть до начала периода языковедения в России именно *слово* являлось основным термином в трудах и М.В. Ломоносова, называвшего «предводителем общее философское понятие о человеческом слове» и писавшего не о частях речи, а о «знаменательных частях слова» [2: 392], и всех русских риториков-словесников – создателей курсов риторики и словесности с 1810 по 1850 гг. – это: Л.Г. Яков, Н.И. Греч, Я.В. Толмачев, Н.Ф. Кошанский, А.И. Галич, И.И. Давыдов, В.Т. Плаксин, К.П. Зеленецкий.

Анализ частотности употребления терминов *язык* – *речь* – *слово* у каждого из названных авторов показал очевидный приоритет в употреблении термина *слово* (84 употребления), который использовался в трех основных значениях: 1) дар слова, способность говорить и писать, полученная от Бога; 2) отдельное понятие, минимальная единица языка; 3) публичная речь. Вторым по частотности оказался термин *речь* (48 употреблений) в двух значениях: 1) реализация языка, распространенный текст; 2) публичная речь, монолог. Наименее употребительным был термин *язык* (28 употреблений), который отмечен в двух значениях: 1) дар речи, слова, способность говорить и писать; 2) наречие какого-либо народа.

Наиболее же показательна система наук, которую выстроил К.П. Зеленецкий в 1846 году в соответствии с концепцией «новой» Науки о Слове. Она отличается от «словесных наук» переходным характером к новому языковедению второй половины XIX века. Риторика в ней понимается как часть общей науки о Слове. Слово становится основным родовым понятием, включившим в себя все дальнейшие построения (сегодня для этого употребляют термин «кластер»):

«Сколько же форм представляет нам собою слово человеческое? ... Необходимые формы слова суть: предложение, период и речь, сия

последняя – в смысле полного, устного или письменного изложения. Само собою разумеется, что сии формы находятся в органической зависимости между собою и составляют одно здание Науки о Слове. Таким образом, из частей сей последней лексикология объемлет собою значение, образование и свойства речений; грамматика – значение, состав и изменения предложений; синтаксис – периоды, в их значении, составе, разделении и проч.; наконец, риторика имеет предметом своим речь в ее грамматическом построении предложений, в логическом расположении ее частей, словом в ее образовании и составе и, наконец, в ее особых чисто-реторических условиях и свойствах» [1: 375–376].

Теория слова К.П. Зеленецкого выстроена вполне в русле логической философии, которой придерживался всякий традиционно мыслящий ученый того времени. Эти построения необычны для современного языковеда, но в них видны многие корни современных теорий языка и речи. Особенно ценным в этих построениях является благоговейное отношение к *языку – речи – слову*, осознание, как писалось в ту пору, роли «отечественного слова для благосостояния государства».

Литература

1. Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 462 с.
2. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // Полн. собр. соч. Т. VII. – М., Л.: АН СССР, 1952. – С. 89–378, 805–839.
3. Кошанский Н.Ф. Риторика / Издание подготовили Аннушкин В.И., А.А. Волков, Л.Е. Макарова. М.: Русская панорама; Кафедра, 2013. – 320 с.
4. Рождественский Ю.В. Общая филология. М., Новое тысячелетие, 1996. – 326 с.
5. Словарь Академии Российской 1789–1794: Тт. I–VI. Репринтное издание / Гл. ред. Г.А. Богатова. – М., 2004.

V. Annushkin

LANGUAGE – SPEECH – WORD IN PHILOLOGICAL SCIENCES OF PUSHKIN'S TIME

Abstract. The article examines the basic terminology of the «verbal Sciences» of the first half of the XIX century, associated with the words *language – speech – word* and has direct associations with the modern interpretation of these terms. It is argued that the main term was the *word*, the term *language* was understood as a tool for creating oral *speech*, including oratory, and the speech was the subject of the study of rhetoric as one of the Sciences of the Word.

Keywords: word; language; speech; grammar; rhetoric; logic; poetics; literature.

ВЛИЯНИЕ А. С. ПУШКИНА НА СЛОЖЕНИЕ НОРМ ЛИТЕРАТУРНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЙ БЫТ ПУШКИНСКОЙ СРЕДЫ)

Аннотация. В статье освещается исключительная роль Пушкина в становлении норм устной речи образованной части российского общества первой половины XIX в. Соотношение двух эпох (пушкинской и современной) в развитии категории разговорности позволяет уточнить особенности ее функционирования в современном русском литературном языке.

Ключевые слова: Пушкин; современность; традиции; разговорная речь.

Среди великих деяний Пушкина преобразование им разговорной речи – седва ли не одно из важнейших. Для изучения поставленной проблемы интересны и важны свидетельства современников о живой речи поэта. Все, кто был близок Пушкину или кому случалось общаться с поэтом, отмечают «его живой нрав и остроту ума», проявлявшиеся в разговоре [2, с. 275].

Любовь Пушкина к народной речи вызывала негативное отношение его к условным, книжным, официальным формам выражения: «Его разговор так интересен, – вспоминает Д. Фикельмон, – сверкающий умом, без всякого педантизма, ... невозможно быть менее притязательным и более умным в манере выражаться» [3, с. 141]. Народность речи Пушкина – в глубоко проникновении во все потенциальные возможности русского слова, его семантики, сочетаемости и стилистической окраски и непревзойденный дар извлекать из этих особенностей самый глубокий речевой смысл. Именно так и раззясняет П.А. Вяземский эту сторону таланта Пушкина: «Уменье употреблять слова в прямом и верном значении их, так, а не иначе, кстати, а не так, как попало, уменье, по-видимому, очень не головоломное, есть тайна, известная одним избранным писателям» [2, с. 149]. Косвенные свидетельства – письма поэта – проливают свет на его речевую практику, помогают представить, что же Пушкин считал нормой разговорности. Письма Пушкина последнего десятилетия его жизни к жене и друзьям: А.А. Дельвигу, П.А. Вяземскому, А.И. Тургеневу, П.А. Плетневу, М.П. Погодину, В.К. Кюхельбекеру, П.В. Нащокину и др. – по своим речевым проявлениям особенно близки к ситуации

непосредственного общения. Раскованность мыслей и чувств, непринужденность искреннего разговора в этих письмах образно называется Пушкиным: «являться в халате, нараспашку и спустя рукава».

Важнейшим компонентом речевого воспитания Пушкина было раннее приобщение к народной языковой культуре. Уже в лицее проявляются особые качества речевого облика поэта. Ю.М. Лотман отмечает особую роль литературных кружков, которые стали приметой литературной жизни 10-х гг. XIX в. (активность языковой игры, смелое языковое новаторство). Период «Арзамаса» – своеобразная «академия вкуса», где в непринужденной беседе рождалась традиция культурно-значимого диалога [7]. Обиходно-бытовая речь начала XIX в. оставалась еще в значительной степени необработанной. «У нас потому не говорят по-русски в гостиных, что нельзя говорить; нечем говорить, потому что нет слов, нет фраз, нет оборотов для мыслей, которые так в ходу для предметов, вокруг которых обращается светский разговор», – пишет Н.И. Надеждин [8, с. 219]. В преобразовании и развитии разговорной речи особая роль принадлежит Пушкину. Происходит своеобразная ревизия принятых форм общения, перераспределение лексических пластов. Стилистическая окраска лексики находится в состоянии постоянной динамики. Эта динамика стилистического статуса особенно существенна для просторечной лексики, которая еще недавно составляла основу обиходного словаря.

Для выявления стилистической динамики слов существенны контексты художественной прозы Пушкина и материалы Большой Словарной картотеки ИЛИ РАН (Санкт-Петербург).

В ласково-шутливом письме П.А. Плетневу Пушкин употребляет слово «прошеляга» (по отношению к друзьям, которым он собирается сделать подарок): «Пришли мне, мой милый, экземпляров 20 Бориса для московских прошельг, не то разорюсь, покупая его у Ширяева» (А.С. Пушкин – П.А. Плетневу, 13 января 1831 г.) [9, с. 143]. Просторечное слово придает контексту колорит грубоватой, но дружеской, ласково-насмешливой речи. Фамильярное просторечие активно не только в письмах к друзьям, но и в письмах к жене, где оно создает тональность искренности, враждебной всякому жеманству, и глубокой нежности. Эта грубоватая простота выражения пушкинских писем соответствовала вольным речевым нормам пушкинской среды, создавала особый шутливо-иронический колорит речи. Экспрессивное просторечие широко представлено и в письмах друзей Пушкина. Речевая практика начала XIX в., испытывая влияние «нового слога» Карамзина, в то же время продолжала традиции речевого быта XVIII в., с его свободным обращением к просторечной архаике. Границы неэкспрессивного просторечия в письмах современников Пушкина еще достаточно широки, ср.: «завтре», «сумление» (П.В. Нащокин), «упреждаю» (Н.А. Дурова), «сумлеваюсь», «ослуниться» (П.А. Вяземский) [4].

Стилистический статус слова в языке Пушкина – начало его стилистической эволюции. Таково изменение общеупотребительной отрицательной оценочности стилистически сниженных слов на положительную (с шутливо-фамильярной окраской). Например (ласково-шутливо): «Какая ты дура, мой ангел! Конечно, я не стану беспокоиться оттого, что ты три дня пропустишь без письма, так точно, как я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь с кавалергардом» (А.С. Пушкин – Н.Н. Пушкиной, 12 мая 1834 г.) [10, с. 145]. Те же нормы словоупотребления встречаем и в письмах пушкинского окружения.

Проявление языкового творчества поэта – в активизации определенных тематических рядов лексики в переносных значениях (своеобразная черта языка пушкинской среды). Метафоры создают колорит фамильярности, грубоватой шутки, особую «интимность непристойности». Часто это ирония над собой, над процессом творчества: «На днях испразднился сказкой в тысячу стихов; другая в брюхе бурчит» (П.А. Вяземскому) [12, с. 318]; «Если все еще его (В.А. Жуковского – *И.И.*) несет вдохновением, то присоветуй ему читать «Четьи-Минеи» (П.А. Плетневу) [12, с. 237]. Аналогично повторяется в письмах (по отношению к поэзии) образ «цветов – цветения». Этот образ навеян названием сборника «Северные цветы», в котором участвовали Пушкин и его друзья: (А.С. Пушкин – П.А. Вяземскому) «Северные цветы что-то бледны» [12, с. 208]. Одним из проявлений пушкинского языкового творчества является процесс трансформации фразеологизмов. Показательна динамика фразеологизмов в диалоге Пушкина с генералом М.Ф. Орловым (Л.П. Яковлев. Анекдоты из «Хвалынского Наблюдателя»): «Как вы здесь? – спросил Орлов у А. Пушкина, встретясь с ним в Киеве. – «Язык и до Киева доведет», – отвечал Пушкин. – «Берегись! Берегись, Пушкин, чтобы не услали тебя за Дунай – а может быть, и за Прут!» [13, с. 32]. Появляется контекстный добавочный смысл, основанный на языковой игре омонимических конструкций («прут» – «запрут» в значении «арестуют»).

Экспрессивно-нейтральная лексика отражает и такой существенный процесс развития разговорной речи, как выход за ее пределы ряда слов, претерпевающих снижение своего стилистического статуса. Так, например, слово «помереть» отсутствует в письмах. В художественных текстах Пушкина оно всегда стилистически мотивировано. Таково употребление слова в несобственно-прямой речи персонажа из народной среды в повести «Станционный смотритель»: «В сени вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала, что старый смотритель год как помер, что в доме его поселился пивовар и что она жена пивоварова» [11, с. 66]. Исследователи традиций разговорной речи М. А. Кормилицына, О.Б. Сиротина высказывают точку зрения, что «... уже Пушкин понимал, что письменная и устная речь различаются принципиально... Он не только отметил эти различия, но и основал

в художественной речи послепушкинской поры разграничения авторской речи и речи персонажей как стилизации устной речи» [6, с. 125].

Характер просторечной лексики в языке писем Пушкина и его современников позволяет выделить некоторые черты складывающихся норм литературной разговорной речи и определить влияние на этот процесс Пушкина: 1. Разговорная речь Пушкина и его кружка вольнее, непринужденнее салонной манерной беседы в отношении экспрессивной ненормативной лексики; 2. Пушкин смело расширяет стилистический диапазон лексики, создавая эмоциональную раскованность разговорного слога; 3. Лексика писем Пушкина отражает и буйную веселость, и интимную грубоватость, и яркую оценочность – все оттенки юмора, иронии, сарказма.

Пушкинский принцип «соразмерности и сообразности» в формировании современного публичного дискурса коммуникативного пространства России.

Огромная роль, которую стала играть в жизни общества разговорная речь как разновидность литературного языка (и в устно-бытовом ее варианте, и в форме речи салонной), выдвижение ее в центр русской речевой культуры делают анализ ее реализации в пушкинскую эпоху значимым для решения задач речевой коммуникации современного периода. Мысль о возвращении к жизни идеалов и традиций пушкинских времен в отношении к разговорности, толерантной убедительности и гуманистической направленности в ее использовании представляется актуальной на современном этапе развития речеведческих дисциплин. Средствами экспрессии становятся не пышность и пафосность, но ясность, искренность, простота и правдивость.

Пушкинский период формирования языковых норм – закономерное развитие языковых процессов преобразований литературного языка эпохи Петра I, стилистической реформы М.В. Ломоносова. Традиции пушкинской языковой реформы, зарожденные еще в Царскосельском лицее, развивались и обогащались впоследствии в речевой практике и лингвистических установках и другого выдающегося выпускника лицея – академика, лингвиста Я.К. Грота. В выработке эстетических принципов Пушкина отчетливо прослеживается влияние идей теоретиков риторики начала XIX в., лицейских учителей Пушкина, профессоров Царскосельского лицея, – А.И. Галича, Н.Ф. Кошанского, оказавших влияние на формирование эстетических и риторических взглядов Пушкина [1, с. 271–288].

Пушкинское понимание истинного вкуса как требование содержательного, нравственного, эстетического, коммуникативного характера, особая роль «фигур мысли, действующих на воображение» и «пленающих сердце» (Н.Ф. Кошанский) в соотношении со стройностью мысли автора, жанровой классификацией и научностью риторического произведения стали основой нравственно-содержательного направления в развитии научных концепций современного риторического знания (В.И. Аннушкин, А.А. Волков, А.К. Михальская, Ю.В. Рождественский).

Традиции культурно-речевого быта пушкинской среды находят творческое применение в новаторских теориях современного жанроведения. Выделяя коммуникативные ценности в русской художественной литературе XIX–XX вв., В.В. Дементьев считает, что «влияние представлений самого Пушкина о коммуникации, его коммуникативного кодекса..., образцов живого общения пушкинского круга ...было огромно и сопоставимо с влиянием Пушкина на становление русского литературного языка и русской литературной традиции» [5, с. 42].

Материал исследования позволяет сделать следующие общие выводы:

1. Пушкин формулирует новые критерии « истинного вкуса» в речи как проявления чувства «соразмерности и сообразности» – основного принципа и современной речевой культуры.
2. Важнейший компонент новой стилистической системы, сложившийся благодаря творческой деятельности поэта, находящийся своеобразное развитие в современном дискурсивном пространстве, – стилистический синтез, сочетание, органическое слияние гетерогенных элементов русского языка.
3. Черты речевого узуса, отраженные в эпистолярной Пушкина и его литературных друзей, в свидетельствах современников, позволяют считать, что речевая практика Пушкина и его окружения знаменуют первый этап сложения современного элитарного (полнофункционального) типа речевой культуры, совершенным воплощением которой была языковая личность самого Пушкина:

В гостинной светской и свободной
 Был принят слог простонародный
 И не пугал ничьих ушей
 Живою странностью своей.

(Из ранних редакций восьмой главы «Евгения Онегина»)

Литература

1. Аннушкин В.И. Н.Ф. Кошанский – учитель, ученый, ритор, филолог // Кошанский Н.Ф. Риторика. М.: Изд. дом «Русская панорама»; издательство «Кафедра», 2013. С. 271–288.
2. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2-х т. Т. 1, М.: Художественная литература, 1974. 544 с.
3. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2-х т. Т. 2, М.: Художественная литература, 1974. 560 с.
4. Большая словарная картотека ИЛИ (РАН), Санкт-Петербург.
5. Дементьев В.В. Речезанровые ценности в новых и новейших сферах русской речи. Саратов: Изд-во СГУ, 2016. 391 с.
6. Кормилицына М. А., Сиротинина О.Б. Влияние девиации языковой системы и коммуникативной некомпетентности журналистов на речь СМИ

и систему языков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. Вып. 2. С. 124–132.

7. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Л.: Просвещение. Ленингр. отделение, 1981. 281 с.

8. Надеждин Н.И. Европеизм и народность в отношении к русской словесности // Телескоп. 1836. Ч. XXXI. № 2. С. 205–264.

9. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 14. Переписка, 1828–1831. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 547 с.

10. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 15. Переписка, 1832–1834. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. 390 с.

11. Пушкин А.С. Станционный смотритель // А.С. Пушкин. Капитанская дочка. Проза. М.: Художественная литература, 1984. С. 58–67.

12. Пушкин А.С. Переписка /под ред. и с примеч. В.И. Саитова /: В 3-х т. Т. 2. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1906–1911. 399 с.

13. Разговоры Пушкина: Репринт. воспроизведение изд. 1929 г. М.: Политиздат, 1991. 318 с.

I.A. Ivanchuk

THE INFLUENCE OF A. S. PUSHKIN ON ADDITION OF THE NORMS OF THE LITERARY AND THE COLLOQUIAL SPEECH (THE CULTURAL AND THE SPEECH LIFE OF PUSHKIN'S ENVIRONMENT)

Abstract. The article highlights the crucial role of Pushkin in the formation of norms of the oral speech of the educated part of the Russian society during the first half of the 19 century. The ratio of the two eras (the Pushkin and the modern) in the development of the category of speech show the specify of its functioning in the modern Russian literary language in the light of Pushkin's language traditions.

Keywords: Pushkin; modernity; tradition; speech language.

Э.А. Китанина

EAKitanina@pushkin.institute

доктор филол. наук, зав. кафедрой общего и русского языкознания

Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

Москва, Россия

С.И. Харламова

harlamova.sera@gmail.com

студент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

Москва, Россия

ГАЛЛИЦИЗМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА

Аннотация. В статье рассматривается влияние французского языка и французской культуры на русский язык и русскую культуру на примере произведений А.С. Пушкина.

Ключевые слова: галлицизм; русский язык; французский язык; культура Франции; культура России; ассимиляция.

Известно, что в России XVIII века французский язык имел значительное влияние. Можно выделить ряд следующих предпосылок этого явления. Во-первых, в то время был принят комплекс мер по политическому, экономическому и культурному развитию России. Во-вторых, экономика, социальная сфера, литература и культура Франции находились на самом высоком уровне по сравнению с другими европейскими странами. В-третьих, развитие русского общества происходило в таком направлении, что росла потребность в образовании. При этом русский литературный язык и латынь находились в таком состоянии, что не могли использоваться для светского общения. Также следует упомянуть русских императоров Петра I, Елизавету и Екатерину II, которые активно занимались внедрением европейской культуры в русскую общественную среду [4].

Посредством французского языка устанавливались контакты между русской и европейской интеллигенцией (хотя можно отметить, что в других европейских странах французский язык не занимал такого положения). Но роль французского языка была не только в общении. Благодаря французскому языку происходило обогащение русского языка. В.А. Богородицкий утверждал [3, с. 339], что анализ тематических групп французских заимствований демонстрирует масштаб французского влияния на русскую жизнь, поскольку в каждой сфере русской жизни используются галлицизмы: в области искусства и литературы, государственной жизни, военного и морского дела, в сфере путей сообщения, торговли, промышленности и производства, в сферах общественной жизни, быта, моды и т.д.

К концу XVIII века русский язык под влиянием французской культуры литературного слова стал в большой степени европеизирован. Европейская культура заменила старокнижную. Французский язык оказывал влияние в двух направлениях: во-первых, «высшее», аристократическое общество и придворные использовали для общения французский язык. Незнание французского языка являлось показателем необразованности, принадлежности к недостаточно высокому социальному классу. Во-вторых, в русском языке появилось очень большое число французских заимствований, которые легко и быстро ассимилировались – стали семантически, фонетически и грамматически освоенными в русском языке [7]. Ср.: «В ситуациях неофициального общения французская лексика проникает более свободно, даже при наличии выбора русских лексических средств, что связано с одной из функций французского языка в России как индикатора принадлежности к высшему сословию. Часто наблюдается автоматическое переключение на французский язык. При этом далеко не все случаи связаны с дополнительным смыслом, чаще – с лингвистическими нормами, принятыми в обществе того времени.

Отмечено также использование французской лексики в качестве своеобразного кода информации, предназначенной для узкого круга лиц» [8, с. 16].

В XIX в. социальные роли заставляли дворян-билингвов переключать код в зависимости от ситуации. В качестве примера рассмотрим воспитание и образование А.С. Пушкина. Он начал говорить по-французски раньше, чем по-русски, поэтому во время обучения в лицее он получил прозвище «француз», но письма он чаще всего писал по-русски. Французский язык он использовал в официальных посланиях (Бенкендорфу, вызовы на дуэль) и в письмах к женщинам (как того требовал этикет того времени); по-русски он писал близким людям, с которыми состоял в доверительных отношениях. К таким людям относились его родственники и друзья, по-французски он им не писал. Интересно отметить, что до заключения брака с Натальей Гончаровой А.С. Пушкин писал ей по-французски, когда же она стала его женой – только по-русски (однако не близким людям, с которыми он имел эпистолярную связь, он писал по-французски) [2, с. 353–355].

Описанная выше ситуация в русском языке в XVIII–XIX вв. и тот факт, что А.С. Пушкин на протяжении большей части своей творческой жизни не был слишком активным сторонником языкового пуризма, объясняют использование поэтом галлицизмов как в личных письмах на русском языке, так и в литературных произведениях. Например:

Студент под лестницей трактира
В каморке темной жил один;
Там, в виде зеркал и картин,

Короткий плащ, картуз, *рапира*
 Висели на стене рядком.
 [10, с. 391]

Данный отрывок взят из стихотворения «Послание Дельвигу», изначально напечатанного под заглавием «Череп» в альманахе «Северные цветы за 1828 год». Слово *рапира* заимствовано из французского языка (*rapier*) в начале XVIII в. [1, с. 513].

Слово *гувернер* (от франц. *gouverneur* «воспитатель», «директор, губернатор» < *gouverner* «править, управлять» < лат. *gubernare* < греч. *kybernao* «управлять кораблем») [1, с. 145–146], заимствованное в конце XVIII в., также часто встречается у А.С. Пушкина. Ниже следует пример из неоконченного романа «Русский Пелам»:

«Отец конечно меня любил, но вовсе обо мне не беспокоился и оставил меня на попечение французов, которых беспрестанно принимали и отпускали. Первый мой *гувернер* оказался пьяницей» [9].

Еще один пример употребления слова *гувернер* в повести «Дубровский»:
 «Он представил Кириле Петровичу свои аттестаты и письмо от одного из родственников Троекурова, у которого 4 года жил он *гувернером*» [10, с. 524–559].

А слово *мадам* употребляется у автора в двух значениях. Изначально во французском языке оно означало «госпожа, сударыня» и было заимствовано в начале XVIII в. [1, с. 354]. Первое значение – «госпожа» (употреблялось при фамилии замужних женщин-иностранок из привилегированных слоев общества) [11]. Например:

Мадам Ризнич с римским носом,
 С русской <- - - - > Рено [11].

Также могло употребляться в речи иностранца при фамилии женщины [11] (пример из повести «Капитанская дочка»:

«Бедный Миронов! – сказал он, когда кончил я свою печальную повесть. – Жаль его: хороший был офицер. И *мадам* Миронов добрая была дама, и какая мастерица грибы солить!» [10, с. 575–622].

Там же можно видеть пример употребления слова в качестве обращения к женщине [11]:

«А кто всему виноват? проклятый мусье. То и дело, бывало к Антипьевне забежит: "*Мадам*, же ву при, водкю!"» [10, с. 575–622].

Второе значение слова *мадам*, которое мы можем встретить у А.С. Пушкина – гувернантка, воспитательница-иностранка [11]. Примеры из «Барышни-крестьянки»:

«У дочери его была *мадам* англичанка».

«Ее резвость и поминутные проказы восхищали отца и приводили в отчаянье ее *мадам* мисс Жаксон» [10, с. 502–511].

Таким образом, А.С. Пушкин как образованный человек своего времени употребляет галлицизмы в своих произведениях, написанных по-русски. При этом они используются не только как индикатор принадлежности к высокому сословию, но и для иронии, для создания комического эффекта. Тем не менее, в XX в. высокий социальный статус стал доступен не только тем, кто хорошо владел французским языком. По мнению В.И. Карасика, качество владения языком потеряло свое прежнее значение, но сам язык продолжал быть показателем особого социального положения, особенно для тех, кто знал его на довольно-таки низком уровне [6, с. 35]. У. Вайнрайх писал: «В обществах с высоким уровнем социальной подвижности, где исчезли социальные диалекты как таковые, особый аристократический лексикон может служить паролем общественной элиты, но он обречен на постоянную изменчивость... Часть спроса на обновление словаря может удовлетворяться неологизмами внутреннего происхождения. Но особенно богатый и свежий материал может быть почерпнут из иностранных языков» [5, с. 24]. В XVIII и XIX вв. таким иностранным языком был французский, обогащая русский язык, провоцируя в нем ряд изменений.

Литература

1. Багриновский Г.Ю. Этимологический словарь русского языка. М.: Астрель : АСТ, 2009. 735 с.
2. Блиохватова В.М. Место и значение русского и французского языков в общении дворян-билингвов в России нач. XIX в // Русский язык и активные процессы современной речи. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва-Ставрополь, 2003. С. 353–355.
3. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). Изд-е 5. М.–Л., ОГИЗ, 1935. 356 с.
4. Божинская Т.Л., Китанина Э.А. Проблема неоднородности общества и социальная дифференциация языка на рубеже XX–XXI веков / Т.Л. Божинская, Э.А. Китанина // Теория и практика общественного развития. Выпуск № 3–4. 2009. С. 233–240.
5. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Зарубежная лингвистика. Вып. 111. Избранное. М.: Прогресс, 1999. С. 7–42.
6. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
7. Китанина Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке: Монография/ РГЭУ «РИНХ». Ростов-на-Дону, 2005. 416 с.
8. Лузайа-Маминги Роже. Аспекты изучения заимствованных слов в русском языке и оптимизация их лексикографического представления. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 20 с.
9. Пушкин А.С. Русский Пелам. [Электронный ресурс]. – URL: <http://as-pushkin.net/pushkin/text/russkij-pelam.php> (Дата обращения: 3.09.2018)

- 80 | 10. Пушкин А.С. Сочинения / ред. Б. Томашевский. Л.: Художественная литература, 1935. 965 с.
11. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2000. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4558732> (Дата обращения: 3.09.2018)

E.A. Kitanina, S.I. Kharlamova

GALLICISMS IN A. PUSHKIN'S OEUVRE

Abstract. The article deals with the influence of the French language and culture on the Russian language and culture with A. Pushkin's works as an example of it.

Keywords: gallicism; the Russian language; the French language; French culture; Russian culture; assimilation.

А. С. ПУШКИН И РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Аннотация. В статье рассматривается понятие «языковая картина мира» и влияние творчества А.С. Пушкина на русский литературный язык и русскую языковую картину мира. Отмечены некоторые характерные особенности мировидения поэта и лингвоспецифические концепты русского языка.

Ключевые слова: языковая картина мира; русская языковая картина мира; русский литературный язык; влияние; творчество А.С. Пушкина; особенности мировидения; лингвоспецифические концепты.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая воспринимается как истинная и обязательная всеми носителями языка. «Языковая картина мира лингво-, или этноспецифична, т.е. отражает особый способ мировидения, присущий данному языку, культурно значимый для него и отличающий его от каких-то других языков» [1, с. 35].

Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. Исследование языковой картины мира ведется в двух направлениях. С одной стороны, на основании системного семантического анализа лексики определенного языка производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной. С другой стороны, исследуются отдельные, характерные для данного языка концепты. Лингвоспецифические концепты, как правило, являются «ключевыми» для данной культуры и одновременно плохо переводятся на другие языки. В литературе отмечено, что переводной эквивалент либо вообще отсутствует, либо такой эквивалент имеется, но не содержит именно тех компонентов значения, которые являются для данного слова специфичными. В отечественной семантике развивается направление, интегрирующее оба подхода. Его целью является воссоздание русской языковой картины мира на основании комплексного (лингвистического, культурологического, семиотического) анализа лингвоспецифических концептов русского языка (работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Веж-

82 | бицкой, Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, Е.В. Рахилиной, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелева, Е.С. Яковлевой и др.).

Реально «особый способ мировидения» проявляет себя в национально специфичном наборе ключевых идей, своего рода семантических лейтмотивов. Реконструкция русской языковой картины мира обнаруживает значение творчества А.С. Пушкина для выявления лингвоспецифических концептов применительно к «русскому миру».

Пушкин, как известно, создатель современного русского литературного языка, высшей формы существования народного, национального языка. Какие же коренные преобразования внес в литературный язык А.С. Пушкин? Молодой Пушкин рано осознал, что русским писателям предстоит сделать очень многое в области языка. Он писал: «Ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись... Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно готовы и всем известны». Безусловно, были и другие русские писатели (Крылов, Грибоедов, Рылеев и др.), которые опирались на народную основу в своей поэтической практике, но они дали образцы новаторства литературного языка в пределах одного жанра: басни, комедии, баллады. Пушкин же совершил смелое преобразование языка во всех литературных жанрах. В чем это конкретно выразилось?

Во-первых, Пушкин опроверг многие считавшиеся обязательными правила использования языка в стихах и прозе. «Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка», – писал Пушкин и разрушал привычные представления о приуроченности определенных слов к соответствующим темам, стилям, жанрам. Пушкин стремился к полной непринужденности и свободе повествования. Языковой основой становятся разговорные обороты, которые органично входят в текст, образуя целостные сочетания с языковыми единицами, самыми разными по смысловым и эмоциональным оттенкам. Его современникам многое, что мы сейчас даже не замечаем, казалось странным, даже неприемлемым. Народная разговорная речь становится в творчестве Пушкина основой литературного языка.

Вспомним, например, известный отрывок из романа «Евгений Онегин»:

Зима! Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь.
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью, как-нибудь.

Легкие, ясные строчки, понятные и ребенку, однако одного из критиков тех лет сильно смутило соединение слов «торжествуя» и «на дровнях», так как это было «не по правилам» искусства. Торжество, торжествовать – слова высокого стиля, а дровни – низкого.

Во-вторых, поэт осознал широкие возможности родного языка и сумел объединить все исторически сложившиеся ресурсы, все веками накопленные богатства русского языка. Различные архаизмы, славянизмы, заимствования ощутимо представлены в произведениях Пушкина, в том же «Евгении Онегине». Причем славянизмы часто оказываются в самых необычных контекстах, обрстая, по выражению академика В.В. Виноградова, новыми светскими значениями, в том числе и переносными, иногда получают ироничный оттенок. Например:

Там скука, там обман иль бред;
В том совести, в том смысла нет;
На всех различные вериги.

Поэт писал: «Разум неистощим в соединении слов». Главное, по мнению Пушкина, «принцип сообразности» (или целесообразности) выбора слов для точного раскрытия понятия, явления, характеров или для изображения предмета.

И наконец, для достижения простоты повествования Пушкин «сгустил» синтаксис, сократил размер и упростил состав предложений, усилил роль глагола за счет сокращения числа прилагательных и наречий. Вот, например, начало 9-й главы «Капитанской дочки»: «Рано утром меня разбудил барабан. Я пошел на сборное место. Там уже стояли толпы пугачевские, где все еще висели вчерашние жертвы. Казаки стояли верхами, солдаты под ружьем. Все жители находились тут же, ожидая самозванца...».

Идеалом речи для поэта была такая речь, для которой характерны благородная простота, искренность и точность выражения. Подчеркнутая смысловая точность употребления слов сочеталась у него с отказом от разного рода формальных словесных украшений. Он избегает в языке всего избыточного, второстепенного, без чего можно обойтись, умеренно использует сравнения, метафоры, эпитеты, предпочитая точность называния и простоту выражения. Точное название предметов и продуманное расположение слов придают простоту и естественность фразе. Вспомним описание осени в повести «Станционный смотритель»: «Это случилось осенью. Серенькие тучки покрывали небо; холодный ветер дул с пожатых полей, унося красные и желтые листья со встречных деревьев».

Итак, суть пушкинского преобразования литературного языка состояла не в перестройке грамматического строя и словарного состава русского языка, а в разработке новых приемов использования средств языка, которые остаются образцом до сих пор.

Добившись точности словоупотребления и строгости, простоты, синтаксиса, Пушкин создал литературный текст, свободный от излишней украшенности, от двусмысленности прочтения, но заключающий в себе «бездну пространства» (Н.В. Гоголь), т.е. невероятную глубину содержания. Язык

Пушкина послужил образцом не только для художественной литературы, но и для использования литературного языка в самых различных сферах. По словам Гоголя, в произведениях А.С. Пушкина «будто в лексиконе, заключается все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, далее всех раздвинул ему границы и более показал все его пространство».

Однако новаторство творчества А.С. Пушкина заключалось не только в собственно языковых преобразованиях. Главное заключается в другом. Пушкин, по своей образованности и широте интересов, наиболее европейский из наших писателей, безошибочно нашел путь к подлинной народности. Он сумел через язык передать русское мировидение: Творец языка – народ. Пушкин для России – начало национального самосознания. «Не было бы Пушкина, – как сказал Ф.М. Достоевский, – не определились бы, может быть, с такой непоколебимой силой наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы...». Говоря о нашей литературе, Достоевский писал: «У нас все ведь от Пушкина. Поворот его к народу в столь раннюю пору его деятельности до того был беспримерен и удивителен, представлял для того времени до того неожиданное новое слово, что объяснить его можно лишь если не чудом, то необычайною великостью гения...». Пушкину принадлежат ключевые для понимания многообразия языковой картины мира слова. Он считал, что «климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию». Он изучал летописи, архивные материалы, ездил по России, изучал быт и нравы русского народа, интересовался «ученым образом», народными песнями, сказками. Именно в народных песнях он открыл замечательное свойство, которое он назвал «лестницей чувств» – «То разгулье удалое, То сердечная тоска». «Это двуединство полярных начал присуще духовному складу русского человека и во многом определяет его мировидение. При всей широте эмоциональной гаммы поэзии Пушкина мы всегда угадываем особенную цельность пушкинского отношения к действительности. При самых разных ощущениях, при самом большом отчаянии поэзия Пушкина всегда подает надежду и утешение. Тоска, печаль и грусть по недостижимому счастью переходит у него в свою решительную противоположность – в жизнеутверждающее противоборство судьбе. И в этом поэт видел истоки душевного здоровья народа» [3, с. 7].

Пушкину удалось отразить ключевые для русского мира понятия: *тоска, удаль, воля, неприкаянный, совесть/совестно, обида/обидно, неудобно, душа, судьба, счастье, справедливость, разлука, жалость, покой* и др. Но что самое главное: Пушкин открыл в «образе мыслей и чувствований» русского народа такие моральные качества, которые не сводятся только к жалости и сочувствию, а образуют особое, органичное слияние понятий о правде, добре и красоте, придавая особую, русскую окраску национальному пониманию гуманизма. Появился даже термин «русская душа», обнаруживший

особую действенность представлений русского человека о невозможности счастья на фоне общего страдания и унижения. Эти представления во многом определяют особенность русского мира и своеобразие русской языковой картины мира, отраженное в лексическом составе русского языка [4, с. 25].

Литература

1. Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева и др. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
2. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-ти т. – М.: Художественная литература, 1976.
3. Смирнова В.Г. Пушкин как явление мировой культуры // Художник. 1987. № 2. С. 3–13.
4. Шмелев А.Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянских культур, 2005. 544 с.

V.G. Smirnova

A.S. PUSHKIN AND RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Abstract. The article deals with the concept of the «language picture of the world» and the influence of A.S. Pushkin on the Russian literary language and the Russian language picture of the world. Some characteristic features of the poet's worldview and lingua specific concepts of the Russian language are noted.

Keywords: language picture of the world; Russian language picture of the world; Russian literary language; the influence; characteristic features of the poet's worldview; lingua specific concepts.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с изменениями в стилистической системе русского языка в начале XIX и в начале XXI веков, делается вывод о сходстве данных процессов.

Ключевые слова: русский язык; литературный язык; стилистика; разговорные слова; просторечие; жаргон; демократизация речи; экспрессивность.

Традиционно в лингвистической литературе при обсуждении понятия «современный русский литературный язык» с точки зрения «современности» дается два его определения: 1) язык от Пушкина до наших дней; 2) язык последних десятилетий. Если же обратиться к стилистическим сдвигам, произошедшим в русском языке пушкинского времени и в русском языке последних двух десятиков лет, то можно увидеть определенные параллели.

Основу пушкинской языковой реформы составил широкий отбор книжных и разговорных единиц из национального русского языка и их органичный и оправданный с точки зрения норм русского литературного языка первой половины XIX в. синтез в художественном творчестве писателя. Соединяя в языке своих произведений книжное и разговорное, письменное и устное, высокое и низкое, А.С. Пушкин ориентировался на традиционность этих единиц, их функционально-стилистическую значимость в настоящем. «...Один человек, даже с таким дарованием, как было у А.С. Пушкина, не может ни создать, ни пересоздать язык своего народа. Но он все же может сделать очень много, а именно выявить и показать скрытые в существующем языке возможности. Именно это и сделал Пушкин применительно к русскому языку 20–30-х годов XIX столетия» [2, с. 21].

В творчестве А.С. Пушкина были заложены основы стилистической системы современного русского языка, выработаны и закреплены принятые как современниками, так и последующими поколениями общенациональные нормы русского литературного языка. И стилистическая система, и нормы были изначально ориентированы Пушкиным на русскую народную языковую стихию. «Пушкинское творчество разрешило все основные вопросы и противоречия, возникшие в истории русского литературного языка допушкинской

эпохи и еще не устраненные литературной теорией и практикой к первому десятилетию XIX века. В языке Пушкина произошло слияние всех прежних жизнеспособных элементов русского литературного языка с общенародными формами разговорной речи и со стилями устной народной словесности, фольклора; было достигнуто их творческое взаимопроникновение. Пушкин выводит русский литературный язык на широкий и свободный путь демократического развития. Он стремился к тому, чтобы русская литература и русский литературный язык отразили культурные интересы русского народа, русской нации с необходимой полнотой и глубиной. Он добивался качественного преобразования смыслового строя русского литературного языка», – писал В.В. Виноградов [1, с. 4–5].

По сути, А.С. Пушкин создает новые литературные нормы, новую стилистическую систему русского литературного языка, определяет новые принципы формирования разновидностей художественного стиля.

Сегодняшние коммуникативные реалии таковы, что традиционные формы общения – устная и письменная – начинают серьезно конкурировать с новой формой – устно-письменной, которая имеет свое выражение в поликодовых текстах. Мы имеем дело с ситуацией, когда фактура текста (поверхность, на которой располагаются письменные знаки) начинает влиять на характер текста, его языковое и стилевое оформление. Как метко заметил В.Г. Костомаров: «экран, в сущности, отличается от бумаги не больше, чем бумага от бересты» [5, с. 20]. Однако арсенал средств выражения и передачи смыслов в интернет-коммуникации, в экранном (дисплейном) тексте значительно шире. Он включает в себя аудио- и видеозаписи, тексты в электронном виде, теле- и кинофильмы, компакт-диски и флеш-карты, проекторы, дисплеи компьютеров, планшетов и смартфонов и т.д. и т.п.

Совершенствование техники существенно расширяет тематику и содержание текстов, имеющих звуковую фиксацию. Музыка, развлекательные художественные произведения дополняются познавательными беседами, лекциями, документальными и агитаторскими выступлениями. Тексты звучащие выходят из сферы межличностного общения и охватывают групповую и массовую коммуникацию.

При этом замечено, что восприятие информации с экрана компьютера отличается от восприятия текста, зафиксированного на листе бумаги, часто не предполагает внимательного чтения, знакомство с текстом происходит «по диагонали». Для удобства «читателей» самая важная информация каким-то образом выделяется (шрифтом, цветом, с помощью рубрикации, отдельных вкладок на web-странице и другими способами), в текст добавляются гиперссылки, перейдя по которым можно получить более подробную информацию.

Современный дисплейный текст, под которым понимается синкретичный вариант устной и письменной коммуникации и новых форматов, связанных

с появлением цифровой среды: гипертекстов, аудио- видеофайлов, мгновенных сообщений и т.д., не ограничен тематически, а определение авторства подчас невозможно из-за специфики функционирования подобных сообщений: в их создании и изменении может гипотетически принимать участие неограниченное число людей. По сути, речь идет о том, что действительно в результате технологического развития человечество, кроме устной и письменной, приобрело новый вид коммуникации – дисплейный (компьютерно-опосредованный, виртуальный и т.п.).

Среди характеристик компьютерной коммуникации обычно выделяют дистантность и опосредованность общения, использование гипертекста, поликодовость и полифоничность текста (см. напр. [3]). В частности, Ф.О. Смирнов рассуждает о статусном равноправии участников коммуникации и передаче эмоций с помощью дополнительного набора знаков (смайликов), специфической компьютерной этике и т.п. [10, с. 17].

Как отмечается в коллективной монографии «Интернет-коммуникация как новая речевая формация»: «погружаясь в сетевую коммуникативную среду, индивид испытывает на себе ее интенсивное воздействие, которое накладывает отпечаток на всю его речеповеденческую деятельность. Физическая непредставленность, анонимность и связанные с этими фактами преобладающая равностатусность и неинституциональность коммуникации и др. в той или иной мере способствуют снятию целого рода социокультурных и психологических ограничений, обычно налагаемых на речевое поведение в несетевой коммуникации в целях создания гармоничного, неконфликтного общения» [3, с. 158].

К.И. Чуковский говорил о непрерывном развитии речи, о том, что слова могут обретать новые значения и новые стилистические окраски [11]. И это действительно так. Современная коммуникация ускоряется, появляются новые ее формы. Мы живем в плотном информационном потоке, который часто не дает нам времени на обработку поступающей информации, тщательную подготовку к публичному выступлению, проведению деловой беседы, созданию текста письма.

Тенденция к сокращению текста, характерная для электронной коммуникации, ставит некоторые вопросы, связанные как с понятием нормативности, отношению к тексту и его форме, так и вопросы жанрово-стилистического порядка.

Следующий пример свидетельствует о свободном отношении к текстам, размещаемым на официальных интернет-ресурсах. Ниже приведен небольшой отрывок из Послания Президента Федеральному Собранию 3 декабря 2015 года, размещенному на официальном сайте главы государства (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864>).

Опросы показывают, что предприниматели пока не видят качественных подвижек в деятельности контрольных и надзорных ведомств. Все поручения

на этот счет давно и не единожды даны. Уж сколько мы говорим на этот счет, все сокращаем и сокращаем эти полномочия. Где-то сокращаем, они где-то опять вырастают. Целая армия контролеров по-прежнему мешают работать добросовестному бизнесу. Это не значит, что контролировать не нужно. Конечно, надо контролировать <...>

Вот уже три года подряд в России отмечается естественный прирост населения. Да, он небольшой пока, но он есть. Что хочу подчеркнуть? По всем прогнозам, мы уже должны были бы сползти в новую демографическую яму, через поколение прозвучало бы эхо 90-х, о чем нам говорили и что предрекали специалисты-демографы <...> Семьи хотят растить детей, верят в их будущее, верят в свою страну, рассчитывают на поддержку государства.

Текст насыщен разговорными конструкциями и повторами, употребляется разговорная лексика (подвижки) и т.п. элементы. Публикация официального текста в таком виде была невозможна 10–15 лет назад. Тогда текст приводился в соответствие с нормами официально-делового стиля. Таким образом, изменение характера коммуникации существенно влияет и на отношение к форме текста.

Показателен и другой пример, который приводит в своей книге «Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики» В.Г. Костомаров [4]. В данном случае мы имеем дело с текстом, в котором причудливым образом сочетаются разностилевые элементы, литературная (книжная) лексика соседствует с разговорной, просторечной и жаргонной, а структура текста отражает авторскую попытку представления некоей классификации.

В столице около 300 ночных клубов различной ориентации. По данным ВЦИОМ, их регулярно посещают 13 процентов людей от 15 до 35 лет. Все возможности для dolce farniente – сладостного безделья и романтических знакомств – налицо... Для начинающего клуббера очень важно уметь сориентироваться в ночной жизни и понять, кто где тусуется и где кого можно склеить. Иначе говоря – определить свой формат...

Пафосные. «Цепелин» – самое веселое из пафосных мест. Попасть туда теоретически можно – вход по клубным картам. Но практически далеко не все проходят фейс-контроль. Если на вас неправильный прикид, если вы не похожи на культового московского фрика Владимира Монро, пройти его действительно сложно. В майке с Тушинского рынка туда лучше и не соваться.

<...> Богемно-маргинальные. «О.Г.И.» – здесь можно встретить Татьяну Толстую, Пригова или Троицкого. Вгиковские барышни, обсуждающие Озона и Гая Ричи, филологини и журналистки, нюхающие табак, маргинальные поэты и художники, спонтанные танцы на дубовом столе под музыку Тома Уэйтса, клубы сигаретного дыма и дешевое красное домашнее вино.

<...> Студенческо-дискотечные. «Парк Авеню Диско» – большая дискотека в Доме культуры в Таганском парке. Этим все сказано. На трех этажах –

бар «Отстой», танцпол «Лоходром» с русской попсой, бильярдные столы, сцены для выступлений поп-групп типа «Тату», детская игра «Лабиринт страсти!» и загадочные кабинки «индивидуальной релаксации», где крутят эротические ролики. Юные девушки накачиваются пивом по тридцатнику и с легкостью заводят знакомства...

Подобные в стилевом отношении тексты можно встретить и в молодежных изданиях, и в глянцевых журналах, и в интернет-источниках. Характерная для таких материалов иронично-небрежная манера изложения, на наш взгляд, является попыткой имитации разговорной речи и свидетельствует о новой форме текста, совмещающего в стилевом отношении черты книжно-письменного языка и языка разговорного.

Интересны наблюдения Анны Козловой, изложенные в материале «Кто в домике? Лингвистическая деградация стала массовой, потому что считается «милой» (на информационном портале Lenta.ru: <https://lenta.ru/columns/2017/03/06/akozlova/>).

Маникюрша упорно хочет, чтобы я была девочкой. Чтобы вместо рук у меня были «ручки», вместо ног – «ножки», а «пальчики» она мне настоятельно советует помассировать «скрабиком». Полагаю, ее так научили. Ее и еще штук двадцать теток разного возраста и национальности согнали в подсобку салона и прочитали лекцию о том, что клиентки приходят сюда не для того, чтобы накрасить ногти, а чтобы о них позаботились. А у нас в России это известное дело – чтобы о тебе позаботились, надо выпучивать глазки и надувать губки, болтать ножками и рассказывать мужикам, что ты не знаешь, как перейти с кольцевой на радиальную. Заботятся только о маленьких, если ты взрослая, с ногами, руками и пальцами – то всякий человек тебе волк, так уж повелось.

<...> В нотариальной конторе, где мне нужно заверить разрешение на выезд с ребенком, iPhone 7 Plus, выложенный нотариусом на стол, берет на себя функции Вергилия и проводит меня в жизнь этой немолодой уже женщины. Не спрашивая, правда, хочу ли я туда попасть. Сначала звонит «Федронька», потом «Сеструля». У меня возникает стойкое ощущение, что нотариус приходит на работу из какого-то мультфильма, где вокруг нее водят хоровод Федронька с Сеструлей, а на лужайке резвятся «бэмби».

<...> Лингвистическая деградация стала такой массовой, потому что считается милой. Что-то такое доброе в ней есть, как в детстве. Вообще, впадение в детство часто характерно для людей с психологическими проблемами, по науке это называется «регресс».

<...> Это символично, язык является лакмусом процессов, которые происходят в обществе, и сегодня русский язык демонстрирует всеобщий откат в ясельную группу с отчетливой анальной фиксацией.

Это не хорошо и не плохо, это может раздражать, но нельзя не признавать, что сегодняшняя реальность такова. Люди общаются смайликами,

стишками-пирожками и провоцируют друг у друга «полный хохотач» с помощью рассылки «видосов», в которых кот не рассчитал траекторию прыжка на подоконник и свалил горшок с геранью.

Если не учитывать авторские оценки, а посмотреть на представленный текст с точки зрения его стилистических и жанровых характеристик, то мы видим характерные для современной коммуникации «вольности»: здесь и повышенная степень разговорности, которая выражена лексическими, словообразовательными и грамматическими средствами, и характерный для публикаций в интернете так называемый «стеб», и сочетание разностилевой лексики.

Рассматривая функционально-стилевую специфику языка газеты, В.Г. Костомаров почти сорок лет назад выделил стилистический конструктивный принцип газеты – диалектическое единство экспрессии и стандарта [6]. Наблюдения над стилистикой российских газет конца прошлого – начала нынешнего века дают отчетливое представление о явном сдвиге в пользу экспрессии. В частности, А.П. Сковородников пишет, что «мы являемся свидетелями формирования нового газетно-публицистического стиля, в котором баланс двух его составляющих – стандарта и экспрессии – явно сдвигается в сторону экспрессивного начала» [9, с. 74]. «Есть основания полагать, что в произошедших и происходящих изменениях существенную роль сыграли не только социально-экономический и политический факторы непосредственно, но и философия и эстетика литературного постмодернизма, занявшие заметное место в культурной жизни страны» [8, с. 68]. Одним из проявлений указанной тенденции являются весьма частотные в последнее время различные приемы так называемой языковой игры, поскольку «значительная часть массмедийного пространства – это пространство игровое» [7, с. 33–34].

Обращение к стилистике современного русского литературного языка в обоих значениях термина позволяет нам сделать вывод о том, что стилистические трансформации начала XIX и начала XXI веков очень похожи: происходит сдвиг в сторону экспрессии, что выражается в росте степени разговорности, диалогичности, демократизации языка, высокой частотности использования орнаментальных средств и т.д. Хотя причины подобного различны: у А.С. Пушкина – это, скорее, сознательное действие человеческого гения, а в наше время – результат развития видов и форм коммуникации не без серьезного влияния техники и технологий.

Литература

1. Виноградов В.В. А.С. Пушкин – основоположник русского литературного языка. М., 1949. С. 4–5.
2. Головин Б.Н. Введение в языкознание. М., 1977.
3. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М., 2014.

4. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
5. Костомаров В.Г. Рассуждение о формах текста в общении: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2014. 96 с.
6. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
7. Рахимкулова Г.Ф. Игровое пространство в современных медиатекстах // Язык как система и деятельность. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию проф. Ю.А. Гвоздарева. Дополнения. Ростов н/Д.: ООО «Сигма», 2005. С. 33–37.
8. Сковородников А.П. Рефлексы постмодернистской стилистики в языке российских газет // Русская речь, 2004. № 6. С. 68–76.
9. Сковородников А.П. Фигуры речи в современной российской прессе // Филологические науки, 2001. № 3. С. 74–80.
10. Смирнов Ф.О. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2004.
11. Чуковский К.И. Живой как жизнь. М., 2014. 256 с.

A.V. Shcherbakov

STYLISTIC TRANSFORMATIONS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article deals with the issues related to the changes in the stylistic system of the Russian language in the early XIX and early XXI centuries, concludes the similarity of these processes.

Keywords: Russian language; literary language; the stylistics; spoken words; vernacular; lingo; democratization of speech; expression.

О ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ И СОХРАНЕНИЯ НОРМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье затрагивается проблема необходимости сохранения основных норм русского языка, представленных в языке произведений А.С. Пушкина; рассматривается вопрос о динамике и развитии языковой нормы, а также критерии языковой нормы.

Ключевые слова: литературный язык; языковая норма; языковая вариативность; узус; литературная традиция; кодифицированность.

Одной из важнейших исторических заслуг великого русского национального поэта А.С. Пушкина является преобразование русского литературного языка. Это начало нового периода в истории русского литературного языка. И.С. Тургенев в знаменитой речи о Пушкине говорил, что писателю «одному пришлось исполнить две работы, в других странах, разделенные целым столетием и более, а именно: установить язык и создать литературу». «Нет сомнения, – говорит Тургенев, – что он создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остается только идти по пути, проложенному его гением» [7, с. 229–230].

В.А. Гофман в статье «Язык Пушкина» писал: «Пушкин является не только создателем нашего современного литературного языка, но и творцом наших общих стилистических принципов» [3, с. 65]. Современный русский литературный язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина. Бесспорно, произошло существенное пополнение словарного состава русского языка за счет отдельных его элементов; из словарного состава исчезло большое количество устаревших слов; изменилось смысловое значение значительного количества слов; совершенствовался грамматический строй языка. Если же говорить о структуре пушкинского языка с его грамматическим строем и основным словарным фондом, то она сохранилась как основа современного русского языка. Основные нормы русского языка, представленные в языке произведений Пушкина, остаются живыми, действующими и для нашего времени. Примечательно, что некоторые правила в учебниках по русскому языку, значение и употребление слов в Словаре современного русского литературного языка и в Словаре русского языка 1957–1961 гг. подтверждаются примерами из произведений А.С. Пушкина.

Но удастся ли нам сохранить язык А.С. Пушкина? Сегодня мы все чаще сталкиваемся с тем, что понятие уместности выбора приходит на смену запрету и жесткому предписанию, формируется понимание толерантного отношения к стилистическому разнообразию вариантов: каждый из них потенциально уместен в определенных коммуникативных ситуациях. Наблюдается тенденция преодоления «центризма» литературного языка, дающего единственно правильный вариант. Диапазон вариативности становится все более широк. Признание вариативности норм как естественного и необходимого состояния языка, их неизбежного перекрещивания в речи влечет за собой усиление объективистского подхода. И с этим трудно не согласиться.

Сосуществование языковых вариантов – равноправных (бАржа и баржА, мУскулистый и мускулИстый, начЕркать и начеркАть, рОженица и роженИца, прОсек и прОсека, боржОм и боржОми) и неравноправных (манЕвры и доп. манЕвры, договОр и доп. дОговор, в Отпуске и доп. в отпускУ) – с одной стороны, осложняет языковую систему, с другой – «содействует плавному преобразованию литературной нормы», «обеспечивает менее резкий и болезненный переход от старой нормы к новой» [2, с. 88].

Существование большого количества языковых вариантов способствует расшатыванию языковой нормы, стиранию границ между «правильно» и «неправильно», так как в общепринятом понимании языковая норма – это единообразное, образцовое написание, произношение, словоупотребление и т.д. Ведь именно норма обеспечивает единство литературного языка во времени и, таким образом, способствует сохранению культурных традиций.

То или иное языковое явление, тот или иной языковой вариант, чтобы стать узаконенным, должно соответствовать критериям нормы.

Первый важный критерий – это соответствие узусу, то есть общепринятой современной речевой практике. Сформулировать данный критерий можно проще: «сейчас так говорят все – значит это правильно». Вместе с тем «языковая норма – это не статистическое явление, ибо распространенной и часто повторяющейся в языке может быть, как известно, и ошибка» [6, с. 259], например, дОговор (вм. лит. договОр), свеклА (вм. лит. свЕкла), новорОжденный (вм. лит. новорождЕнный).

Язык, как и любая живая система, всегда находится в состоянии неустойчивого равновесия. Узус порождает новации, одни из которых закрепляются в речи, а другие отвергаются. Закрепившиеся в речи новшества со временем могут получить кодификацию.

Вторым критерием является авторитетность носителя языка, «который в своей речи употребляет данный вариант, а не другой» [5, с. 36]. К авторитетным источникам относятся произведения художественной литературы, лучшие образцы публицистики и прессы, материалы научной и деловой речи. Грамматики и словари строятся в основном на данных, собираемых из этих

источников, и подтверждаются примерами, взятыми из них. Н.С. Валгина полагает, что «в настоящее время центр нормообразования переместился в средства массовой информации (телевидение, радио, периодическая печать)» [1, с. 42]. Живая публичная речь «стала выполнять в обществе образовательную функцию» [4, с. 68].

Третий важный критерий – это соответствие литературной традиции. Норма опирается на традиционные способы использования языка и традиционно относится к языковым новшествам. «Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет», – писал известный лингвист А.М. Пешковский. Он так объяснял это свойство и литературной нормы, и самого литературного языка: «Если бы литературное наречие изменялось быстро, то каждое поколение могло бы пользоваться лишь литературой своей да предшествовавшего поколения, много двух. Но при таких условиях не было бы и самой литературы, так как литература всякого поколения создается всей предшествующей литературой. Если бы Чехов уже не понимал Пушкина, то, вероятно, не было бы и Чехова. Слишком тонкий слой почвы давал бы слишком слабое питание литературным росткам. Консервативность литературного наречия, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы» [6, с. 55]. Однако консерватизм нормы не означает ее полной неподвижности во времени. Изменение норм происходит гораздо медленнее, чем развитие национального языка в целом.

И последним критерием является кодифицированность. Это закрепленность норм в словарях, грамматиках, справочных пособиях. Кодификации подвергается не весь национальный язык, а только те его системы, которые наиболее важны в социальном и коммуникативном отношении. Откуда лингвисты черпают сведения при кодификации норм языка? В основе кодификации лежат такие признаки, как: соответствие структуре языка; массовая и регулярная воспроизводимость в процессе речевой деятельности большинства говорящих; общественное одобрение и признание. Не будет ли способствовать толерантное отношение к большому количеству появляющихся вариантов (а главное их кодификация) легализации безграмотности? К чему мы придем, если будем кодифицировать речь неграмотного населения, речь людей, которые нарушают нормы литературного языка? Не исключено, что при таком подходе через два-три года нормой будет звонит, квАртал, зачОт через «о» и т.д. Сначала эти формы появятся в словарях в качестве вариантов с пометой «доп.», затем как равноправные и, как результат, в качестве основных. Как мы будем обращаться с языком, таким он и будет.

Нельзя не согласиться с тем, что во многих ситуациях «словари предлагают не «вместо», а «наряду», не императивный единственно правильный вариант, а возможность выбора» [8, с. 10]. Но здесь же В.В. Химик отмечает,

что *договор* с ударением на первом слоге является «стилистически окрашенным вариантом, свидетельствующим о принадлежности говорящего к сфере деловой бюрократизированной коммуникации, т.е. вариант ограниченной дескриптивной нормы», а *кофе* в форме среднего рода «еще долго будет маркером несколько обиходно-разговорной речи не вполне образованного человека» [8, с. 10]. Но если эти варианты употребляют не вполне образованные люди, то зачем же их кодифицировать и ставить выбор между традиционным вариантом и вариантом, который функционирует в речи не совсем грамотных людей?

Русский литературный язык сейчас меняется очень быстро, и лингвистическое сообщество, словари должны как-то этому воспрепятствовать. Необходим некий баланс, гармония между толерантным отношением к этим изменениям и пуристическими тенденциями. Иначе наши потомки не смогут воспринимать законы построения текстов своих предков, и нам не удастся сохранить современный русский язык, и тем более – язык А.С. Пушкина.

Литература

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.
2. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. На материале современного русского языка. Л., 1978.
3. Гофман В.А. Язык Пушкина // Стиль и язык Пушкина. М., 1937.
4. Коньков В.И., Потсар А.Н., Сметанина С.И. Язык СМИ: современное состояние и тенденции развития // Современная русская речь: Состояние и функционирование. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2004. С. 67–81.
5. Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.
6. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А.М. Избранные труды. М., 1959.
7. Тургенев И.С. Собрание сочинений. Т. XII. М.–Л., 1930–1934.
8. Химик В.В. Языковая норма как проблема русской культуры // Русский язык и литература в современном гуманитарном образовательном пространстве. СПб.: СПГУТД, 2010.

T.V. Satina

ON THE PROBLEM OF DEVELOPMENT AND PRESERVATION OF THE NORMS OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

Abstract. The article addresses the problem of the need to preserve the basic norms of the Russian language, represented in the language of the works of A.S. Pushkin; the question of the dynamics and development of the linguistic norm, as well as the criteria of the linguistic norm, is considered.

Keywords: literary language; language norm; linguistic variability; usuf; literary tradition; codification.

ТВОРЧЕСТВО А. С. ПУШКИНА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Г.А. Шантурова

GAShanturova@puhkin.intitute

*доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия*

АСПЕКТ «ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ» В ОБУЧЕНИИ РКИ СТАЖЕРОВ-РУСИСТОВ

Аннотация. В данной статье рассматривается работа по аспекту «Домашнее чтение» в контексте принципа коммуникативной направленности, представлены принципы отбора и этапы работы с текстом.

Ключевые слова: аутентичные тексты; экстенсивное чтение; позитивная мотивация.

В образовательной программе «Практический курс русского языка как иностранного», сопровождающей обучение иностранных стажеров-бакалавров (1536 часов) на факультете обучения русскому языку как иностранному Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина и разработанной на кафедре стажировки зарубежных специалистов, «Домашнее чтение» выделяется в качестве самостоятельного аспекта обучения русскому языку как иностранному, обеспечивающего формирование различных видов коммуникативной компетенции. Являясь составной частью дисциплины «Практический курс русского языка», аспект «Домашнее чтение» имеет своей целью пополнение лексического запаса и формирование коммуникативной компетенции студентов на основе владения ими всеми видами речевой деятельности на материале оригинальных художественных произведений русской литературы, соотносящихся с курсом.

«Русская литература XIX века». Отбор текстов данного курса обусловлен содержанием лекционного курса «Русская литература XIX века», что позволяет, в данном случае, обеспечить взаимосвязь практического курса русского языка с теоретической дисциплиной.

«Домашнее чтение в методике обучения иностранным языкам носит комплексный характер: это и вид чтения, который предполагает владение определенными навыками и умениями извлечения информации из письменного текста, и особый подход к формированию навыков и умений в чтении (лично-ориентированный), и особая форма обучения (с опорой на различные учебные стратегии), а также определенное содержание обуче-

ния и технология обучения, которая включает как комплекс обучающих упражнений и заданий, так и обучающие приемы, и приемы контроля» [2, с. 10]. Опираясь на исследования известных ученых в области методики и психологии обучения иностранным языкам (А.А. Леонтьев, И.А. Зимняя, Е.И. Пассов, С.К. Фоломкина, П.Б. Гурвич и др.), которые в своих работах установили взаимозависимость таких видов речевой деятельности как чтение и говорение, в нашей программе мы рассматриваем аспект «Домашнее чтение» как *средство развития устной речи*. Именно поэтому данная программа представляет дисциплину «Домашнее чтение» как *синтетическое, экстенсивное чтение, чтение объемных аутентичных художественных текстов с пониманием общего смысла содержания*.

Отбор текстов для аспекта «Домашнее чтение» основывается на следующих принципах:

- принцип облигаторности, предполагающий известность данного литературного произведения носителям языка и его ценность в художественном и культурном плане;
- принцип смысловой и социокультурной информативности текста;
- принцип проблемности;
- принцип аутентичности.

Данные критерии отбора позволяют повысить позитивную мотивацию и речемыслительную активность студентов (Пассов Е.И.), которые входят в комплекс факторов, отражающих показатели успешности в овладении русским языком как иностранным. Учитывая вышеприведенные принципы, для курса «Домашнее чтение» (48 часов: 24 часа аудиторной и 24 часа самостоятельной работы) нами были отобраны следующие художественные произведения из курса «Русская литература XIX века»:

МОДУЛЬ 1. А.С.Пушкин «Пиковая дама» (уровень В2) / «Повести Белкина» (уровень В1, В2);

МОДУЛЬ 2. И.С.Тургенев «Ася» / «Первая любовь» (уровень В, В2);

МОДУЛЬ 3. А.П.Чехов «Дама с собачкой»/«Попрыгунья»/«Душечка» (уровень В, В2).

Все представленные художественные тексты неадаптированные и читаются в оригинале. Экстенсивное, синтетическое чтение позволяет освоить такой большой объем материала при учебной нагрузке 2 часа в неделю. Экстенсивное чтение – это «вид учебного чтения; предполагает читать значительные по объему тексты с общим охватом содержания. Внимание читающего при этом сосредоточено на содержании текста, а не на его форме, а синтез преобладает над анализом. Важное значение имеет смысловая догадка, с помощью которой преодолеваются трудности понимания смысла текста» [1, с. 353].

В методике преподавания иностранных языков выделяются следующие принципы обучения *экстенсивному чтению*:

- синтез превалирует над анализом, большое значение имеет догадка;
- задания охватывают большие отрезки текста;
- задания затрагивают содержательную сторону текста;
- задания побуждают оценку, интерпретацию прочитанного;
- задания побуждают использование полученной информации в устно-речевом общении (в устных сообщениях, выступлениях перед группой, дискуссиях, ролевых играх) и при создании письменных речевых произведений.

В данной программе алгоритм заданий представлен по следующей схеме в каждом модуле:

- знакомство с биографией автора;
- чтение краткого содержания текста (или знакомство с текстом на родном языке);
  - чтение текста с использованием контекстуально-языковой догадки (при поддержке контекста или опоре на него);
  - чтение текста с одновременным прослушиванием аудиотекстов;
  - ведение читательского дневника;
  - подготовка и написание краткого содержания по главам;
  - краткий пересказ сюжета с выделением опорных смысловых пунктов;
  - подробный пересказ указанных эпизодов;
  - составление лексико-фразеологического словаря по главам;
  - составление лингвострановедческих и исторических комментариев;
  - пересказ содержания от лица разных героев;
  - словесные портреты и характеристики главных героев;
  - формулирование основной идеи и проблем, затронутых автором;
  - выражение своего отношения к прочитанному;
  - написание сценария и драматизация произведения;
  - просмотр фильма-экранизации и рецензия на него.

В структуру успешности овладения иностранным языком современные методисты и психологи также включают эмоциональный компонент процесса познания. Предложенная нами организация курса «Домашнее чтение» рассматривает этот аспект как средство развития устной речи. Такой подход к принципам отбора и организации учебного материала позволяет создать условия для эмоционального погружения в описываемую в литературных произведениях историю и играет важную роль в формировании языковых навыков и речевых умений в процессе изучения русского языка как иностранного.

В заключение следует отметить, что аспект «Домашнее чтение» способствует формированию коммуникативной и социокультурной компетенций, развитию эмпатического вида коммуникации, развивает контекстно-языковую догадку, повышает позитивную мотивацию стажеров-русистов, делает процесс обучения русскому языку как иностранному более эффективным.

Литература

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Стрекалова М.Д. Методика преподавания аспекта «Домашнее чтение» на младших курсах языкового вуза: дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2008. 257 с.

G.A. Shanturova**THE ASPECT OF «HOME READING» IN TEACHING
RCTRUSSIAN INTERNS**

Abstract. This article discusses the work on the aspect of «Home Reading» in the context of the principle of communicative orientation, presents the principles of selection and the stages of working with text.

Keywords: authentic texts; extensive reading; positive motivation.

доцент кафедры иностранных и русского языков
Рязанского гвардейского высшего воздушно-десантного командного
училища имени генерала армии В.Ф. Маргелова
Рязань, Россия

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

Аннотация. В статье говорится о важности изучения творчества А.С. Пушкина в иноязычной аудитории, анализируются трудности, которые могут встретиться в процессе обучения, приводится примерный план анализа стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» на занятии по РКИ.

Ключевые слова: А.С. Пушкин; РКИ; методика преподавания.

Перед преподавателем русского языка как иностранного стоит задача не только обучить иностранцев основам русского языка, сформировать речевые умения и навыки, но и приобщить их к русской национальной культуре. Эту задачу преподаватель решает в процессе урочной и внеурочной деятельности посредством знакомства обучаемых с русской литературой, и в первую очередь, с творчеством А.С. Пушкина.

Пушкин является многоплановым культурным феноменом: он и гениальный русский поэт и писатель, и родоначальник русского литературного языка, и символ русской культуры.

«Почему именно Пушкин стал знаменем русской культуры?.. В истории русской культуры можно было бы назвать десятки имен художников не менее гениальных, но среди них нет имени более значительного для нашей культуры, чем имя Пушкина. Хотя понять русский характер нельзя без Пушкина, но этот характер нельзя понять и без Л. Толстого, без Достоевского, без Тургенева, а в конце концов и без Лескова, без Есенина, без Горького... Но Пушкин – гений, сумевший создать идеал нации. Не просто «отобразить» национальные особенности русского характера, а создать идеал русской национальности, идеал культуры» [4, с. 50].

Большинство иностранцев, приезжающих учиться в Россию, знакомы если не с творчеством, то хотя бы с именем Пушкина. Обучаемые, имеющие полное или неполное высшее образование, обычно знают, что Пушкин – крупнейший русский поэт, иногда могут назвать его роман в стихах «Евгений Онегин». Но чаще имя Пушкина упоминается при перечислении известных им русских

102 | литераторов вместе с именами Толстого и Достоевского, а значимость его для русской литературы и культуры, глубина произведений остается ими недопонята. Например, рассказы А.П. Чехова воспринимаются ими легче и вызывают более эмоциональный отклик.

Задача преподавателя – помочь иностранцам осознать масштаб творческого гения Пушкина, его роль в русской культуре, значимость для русского человека. «Но никакое мировое почитание не может выявить того, чем Пушкин является для нас, русских. В нем самооткровение русского народа и русского гения. Он есть в нас мы сами, себе открывающиеся. В нем говорит нам русская душа, русская природа, русская история, русское творчество, сама наша русская стихия. Он есть наша любовь и наша радость. Пушкин и есть для нас в каком то смысле родина, с ее неисследимой глубиной и неразгаданной тайной, и не только поэзия Пушкина, но и сам поэт. Пушкин – чудесное явление России, ее как бы апофеоз» [2, с. 18].

Преподаватель РКИ, занимающийся с иностранцами, обучающимися по программам не лингвистического профиля, вряд ли сможет раскрыть все глубины пушкинских произведений, но вызвать к ним уважение и интерес ему вполне по силам. На аудиторных занятиях и во время внеаудиторного чтения иностранцам можно предложить чтение стихов Пушкина различной тематики, хорошо воспринимаются ими «Повести Белкина», отрывки из «Евгения Онегина».

Изучение пушкинских текстов в иноязычной аудитории сталкивается с рядом трудностей вследствие:

- насыщенности произведений устаревшей и неактуальной для иностранцев лексикой,
- использования устаревших и ставших редко употребительными грамматических конструкций,
- конфликта культур, непонимания иностранцами социокультурного фона произведений.

Преподавателю приходится последовательно справляться с этими трудностями. Часть из них снимается путем адаптации произведений к уровню языковой подготовки обучаемых, исключению из них избыточных лексико-грамматических трудностей. Слова, словосочетания и грамматические конструкции, внедрение которых в лексический запас обучаемых оправдано, вводятся при помощи семантизации, предваряющей работу с художественным текстом, и закрепляются выполнением предтекстовых заданий. Для понимания социокультурного фона произведений необходимо использовать комментарий, «имеющий целью обеспечить наиболее полное понимание текста, восполнить недостаток фоновых знаний у читателя, разрешить конфликт культур и перевести его в диалог» [5, с. 149]. Социокультурный комментарий должен включать в себя объяснение:

- устаревших слов,
- слов, изменивших свое значение в русском языке в процессе развития языка, страны и общества,
- деталей быта, поведения, отношений, значимых для раскрытия смысла изучаемого произведения,
- символики, проявляющей замысел автора,
- скрытых намеков, сравнений, метафор, цитат, отсылающих читателя к другим произведениям русской или иностранной литературы.

При изучении творчества Пушкина преподавателю важно подчеркивать переключку его произведений с мировой литературой. Это и вызовет дополнительный интерес обучающихся, и поможет осознать его творчество как часть мировой культуры.

Пушкин – национальный русский поэт, но в своем творчестве он использовал темы и идеи разных культур. «В Пушкине интересна его внутренняя свобода... Он свободен в отношении к другим национальностям и народам. Вот эта свобода Пушкина, свобода его творчества, выражается в изобилии жанров, в которых он творил, в обилии эпох, которых он коснулся, в обилии народов, литературу которых он использовал» [3, с. 2].

Осознавая значимость Пушкина для русской культуры, необходимо при обучении иностранцев уделить внимание не только творчеству, но и его личности, потому что «о том, кому дано сотворить великое, надлежит знать то, что еще важнее, нежели его творение. Это есть его жизнь, не только как фактическая биография, или литературная история творчества, но как подвиг его души, ее высшая правда и ценность» [2, с. 19].

Говоря в иноязычной аудитории о биографии русского поэта, необходимо сделать акцент на его родословной, так как изучение биографии Пушкина, потомка африканца, ставшего «солнцем русской поэзии», позволит иностранцам осознать наднациональный характер русской культуры, веротерпимость и интернационализм русского народа. Это поможет им преодолеть негатив от, возможно, встреченных ими случаев бытового расизма, потому что «понятие: русский человек не подразумевает этническую чистоту национальности, русский – это человек, у которого родной язык русский и, соответственно, родная культура тоже русская, поскольку язык и культура – основные средства формирования личности. И Пушкин, с его африканскими корнями, доказывает это как нельзя лучше» [5, с. 148].

Для формирования у обучающихся понимания философской глубины поэзии Пушкина и его значимости для мировой культуры можно использовать работу над стихотворением «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». «Написанное в 1836 году, но увидевшее свет только через четыре года после смерти поэта, – в 1841 году – это стихотворение давно уже считается одним из наиболее значительных в его творческом наследии. Пророческий смысл

104 | его предречений, его программное значение признавали критики всех лагерей и направлений, подходившие к оценке творчества Пушкина с различных и даже противоположных позиций» [1, с. 229]. «Никогда никто не отрицал, что это стихотворение является надежным ключом к сокровенным глубинам мировоззрения Пушкина, к пониманию того, что он думал о себе самом, о взаимоотношениях своих с современниками, о памяти, которую он оставит о себе потомкам» [1, с. 230].

Примерный план работы над стихотворением:

1. Предваряющая беседа о биографии А.С. Пушкина, основных темах его творчества, роли и месте поэзии А.С. Пушкина в русской и мировой литературе.

2. Историческая справка о времени написания стихотворения, о поэтической традиции, по которой русские поэты (М. Ломоносов, Г. Державин) формулировали суть своего творчества с опорой на стихотворение Горация.

3. Семантизация слов и словосочетаний: *воздвиг, вознесся, заветный, лира, славяне, финн, тунгус, калмык, муза; тленья, восславить.*

4. Выполнение предтекстовых заданий.

Задание 1. Разберите по составу слова, укажите, от каких слов они образованы: *нерукотворный, подлунный, переживет, пробуждать, равнодушно.*

Задание 2. Подберите синонимы к словам: *непокорный, прах, великий, призывать, милость, страшиться, глупец.*

Задание 3. Укажите полные формы кратких прилагательных: *славен, любезен, послушен.*

Задание 4. Сравните современные и устаревшие формы слов:

– глава – голова, пиит – поэт, дикой – дикий, божие – божье, хвала – похвала, приемли – прими, оспоривай – оспаривай;

– доколь – пока, всяк – каждый, сущий – живущий, слух – информация, язык – народ, ныне – сейчас.

5. Выразительное чтение стихотворения преподавателем.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,

К нему не зарастет народная тропа,

Вознесся выше он главою непокорной

Александрійского столпа.

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире

Мой прах переживет и тленья убежит –

И славен буду я, доколь в подлунном мире

Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,

И назовет меня всяк сущий в ней язык,

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой

Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.
Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

6. Построчное чтение стихотворения, сопровождаемое социокультурным комментарием, поясняющим выражения: *народная тропа, Александрийский столп, душа мой прах переживет, тленья убежит, гордый внук славян, дикой тунгус, друг степей калмык, жестокий век, милость к падшим призывал, веленье божие, не требовать венца.*

7. Чтение стихотворения обучаемыми.

8. Выполнение послетекстовых заданий.

Задание 5. Ответьте на вопросы:

– О каком памятнике говорит поэт? Почему он называет его «нерукотворным»? Почему голова памятника названа «непокорной»? Приведите примеры из биографии поэта. Почему поэт считает, что его слава выше, чем «Александрийский столп»?

– Почему поэт считает, что получит бессмертие?

– Что поставят в заслугу поэту узнавшие его народы?

– Какой совет дает поэт своей музе? Почему?

Задание 6. Найдите в стихотворении глаголы, определите их время. Объясните, для чего используется смена временных планов стихотворения.

Задание 7. Найдите в стихотворении слова, которые выражают следующие идеи:

– искусство важнее политики,

– творчество Пушкина имеет мировое значение,

– поэт не должен ожидать награды, поэзия – это бескорыстный труд.

Задание 8. Согласитесь с высказываниями или опровергните их. Подтвердите свое мнение цитатами из текста.

– Пушкин уверен, что его творчество нужно народу.

– Пушкин считает себя самым лучшим поэтом и прямо об этом говорит.

– Пушкин всегда был свободен и в жизни, и в творчестве.

– Поэт понимает, что после его смерти его поэзия станет никому не нужна.

– Главной заслугой своего творчества Пушкин считает то, что он воспитывал своих читателей.

– Поэту пришлось жить в сложное время, но он призывал всех к миру, доброте и прощению.

– Поэт должен писать так, чтобы его произведения нравились читателям.

106 | – Пушкин убеждает «свою музу» не бояться оценок, равнодушно относиться к похвалам и критике и не спорить с глупцами, не понимающими его творчества.

Задание 9. Продолжите предложения:

- А.С. Пушкин написал это стихотворение, чтобы...
- Он обращается к потомкам, потому что...
- Он уверен, что его стихи не забудут, ведь...
- Поэт спокойно относится к похвалам и критике своих произведений, потому что...

Задание 10. Подумайте, что вам понравилось в этом стихотворении, какие чувства оно вызвало, о чем заставило задуматься? Сформулируйте и запишите свои мысли.

Задание 11. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

Литература

1. Алексеев М. Я. «Памятник» Пушкина по исследованиям последнего двадцатипятилетия // Ученые записки горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Историко-филологическая. Вып. 57. Горький, 1962. С. 229–301.
2. Булгаков С. Жребий Пушкина // Новый Град. 1937. № 12. С. 18–47.
3. Лихачев Д.С. Слово о Пушкине // Театральная жизнь. 1987. № 2. С. 2–3.
4. Лихачев Д.С., Самвелян Н.Г. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем. М.: Советская Россия, 1988. 142 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Может ли Пушкина оценить нерусский мир? // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет культуры и искусств», 2014. С. 144–152.

A. V. Tregubchak

METHODICAL ASPECTS OF STUDYING THE WORKS PUSHKIN OF THE LESSONS OF THE RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The article talks about the importance of studying the creative work of A.S. Pushkin in a foreign audience, the difficulties that can be encountered in the learning process are analyzed, gives an approximate plan for the analysis of the poem of the lessons of the russian as a foreign language.

Keywords: A.S. Pushkin; Russian as a foreign language; teaching methods.

МЕТОДИКА РАЗРАБОТКИ ИНТЕРАКТИВНОГО СЦЕНАРИЯ УРОКА ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ А. С. ПУШКИНА: МОДУЛЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

Аннотация. В статье приведены результаты освоения учителями русского языка и литературы дополнительной профессиональной программы на примере курса «Литературное чтение» (тема: «Произведения А.С. Пушкина»). Описана концепция платформы «МЭШ», проанализирована схема работы с электронными образовательными материалами.

Ключевые слова: «Московская электронная школа»; произведения А.С. Пушкина; дополнительная профессиональная программа; интерактивный сценарий урока; атомарный контент; мультимедийный формат.

Непременным условием реализации инновационной образовательной политики является применение в профессиональной деятельности педагогов онлайн- и офлайн-технологий как инструмента разработки сценариев уроков и интерактивных заданий, проведения тематического контроля знаний обучающихся в аудиторном и дистанционном режимах. Сегодня каждый учитель средней школы должен ежедневно работать на общегородском интернет-ресурсе, а учителя, преподающие дисциплины гуманитарного цикла, литературу и русский язык в частности, являются наиболее активными пользователями платформы и создателями электронных образовательных материалов (ЭОМ).

В этой связи возникла необходимость в методическом и технологическом консультировании и руководстве, повышении ИКТ-компетентности педагогов, и в 2017–2018 учебном году в системе дополнительного профессионального образования (ДПО) педагогических работников произошли изменения, затронувшие, в первую очередь, потенциальных слушателей – учителей московских школ, а также авторов программ повышения квалификации и руководителей образовательных организаций системы ДПО. В целом наметилась тенденция разработки и реализации практико-ориентированных дополнительных профессиональных программ (ДПП), предполагающих по завершении курса

108 | повышения квалификации наличие авторских образовательных продуктов слушателей, применимых в повседневной педагогической деятельности.

Проект правительства Москвы «Московская электронная школа» (МЭШ), направленный на «максимально эффективное использование возможностей школы для улучшения качества образования учеников путем формирования связи между организационными и содержательными аспектами образовательного процесса» [5, с. 1], действует с 1 сентября 2016 года в пилотных школах столицы, а с 2017 года работа на портале обязательна для учителей и учащихся всех московских школ. В соответствии с государственным заказом, организация и осуществление образовательной деятельности в системе ДПО поручены Городскому методическому центру Департамента образования г. Москвы (ГБОУ ГМЦ ДОгМ), также осуществляющему консультационные совещания для педагогов и руководителей программ повышения квалификации по вопросам работы на платформе «МЭШ».

По поручению Департамента образовательными организациями Москвы, а также федеральными и городскими вузами, разработаны и реализуются ДПП для учителей столичных школ, освоение которых за достаточно короткий срок позволит слушателям овладеть основными методами и приемами работы на платформе «МЭШ», а также освоить дидактические механизмы и технологии создания интерактивных сценариев уроков в мультимедийном формате, интерактивных заданий, образовательных баз данных и электронных учебных пособий.

В этой связи уместно упомянуть реализуемую в 2018–2019 учебном году Институтом дополнительного образования (ИДО) ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ) ДПП ПК «Мультимедийные сценарии и интерактивные задания: структурирование, электронная поддержка и размещение на платформе «МЭШ»» [2], [3]. Кратко охарактеризуем указанную ДПП ПК. Инфраструктура платформы «МЭШ» сочетает традиционное образование и новые технологии: электронный дневник и журнал, онлайн-библиотека учебников, интерактивные сценарии уроков, виртуальные лаборатории и другие» [4, с. 2]. Именно разработка интерактивных сценариев уроков в мультимедийном формате и пополнение онлайн-библиотеки дидактическими материалами является предметом данной программы, направленной на формирование и совершенствование у слушателей компетенций, необходимых для создания концепции, практической разработки и интеграции в МЭШ мультимедийных сценариев (МС) уроков на базе дидактико-технологических карт.

Среди задач обучения назовем основные: «ознакомить с инфраструктурой платформы «МЭШ», определить типологию и необходимый объем МС уроков в соответствии с преподаваемым предметом; сформировать компетенцию разработки МС уроков как обязательного элемента платформы «МЭШ» на

базе дидактико-технологических карт; обучить способам и методам эффективного поиска и корректного отбора дидактического и научного материала в сети Интернет с целью его интеграции в МС уроков; сформировать компетенцию составления интерактивных (тестовых и креативных) контрольных заданий (ИЗ) с функцией автоматического контроля, адаптации и оптимизации готовых решений платформы «МЭШ»; развить компетенцию организации внеаудиторной работы с обучающимися онлайн и офлайн при проведении текущего и промежуточного (модульного) тематического контроля (дистанционный режим); сформировать компетенцию интеграции в аудиторный и внеаудиторный учебный процесс практики выполнения обучающимися разработанных комплексов ИЗ, размещенных на платформе «МЭШ», в онлайн- и офлайн-режимах» [2, с. 3–4].

В весеннем семестре 2017–2018 учебного года данная ДПП ПК освоена 36-ю педагогами московских школ. На аудиторных занятиях по данной ДПП ПК учителя русского языка и литературы разработали мультимедийные сценарии уроков по произведениям А.С. Пушкина по курсу «Литературное чтение», являющемуся одним из основных компонентов методического комплекта «Начальная школа XXI века» (ФГОС второго поколения) [6]. В соответствии с концепцией программы в круг чтения учащихся начальной школы входят стихотворные и прозаические произведения отечественных и зарубежных писателей, среди которых на изучение творчества А.С. Пушкина отведено 18 часов из 136, что, учитывая 16 тем, является немалой частью курса.

Формат использования МС уроков на учебном материале для чтения и обсуждения в классе способствует креативному восприятию литературного произведения: «<> изучение произведений одного и того же жанра и произведений одного и того же автора, особенностей произведения (композиция текста, язык произведения, изображение героев); сравнение персонажей разных произведений, анализ их поступков, характеристика персонажей; определение времени и места событий, выделение описания пейзажа и портрета героя; выявление авторской позиции и формирование своего отношения к произведению и героям» [6, с. 7].

Мультимедийные сценарии (МС) уроков по произведениям А.С. Пушкина обеспечены интерактивными заданиями (ИЗ), выполнение которых развивает такие виды речевой и читательской деятельности, как «<> понимать цель чтения: удовлетворение читательского интереса и приобретение опыта чтения, поиск фактов и суждений, аргументации, иной информации; <> воспроизводить в воображении словесные художественные образы и картины жизни, изображенные автором; этически оценивать поступки персонажей, формировать свое отношение к героям произведения; находить в тексте требуемую информацию (конкретные сведения, факты, описания); задавать вопросы по содержанию произведения и отвечать на них, подтверждая ответ примерами

110 | из текста; объяснять значение слова с опорой на контекст, с использованием словарей и другой справочной литературы <>» [6, с. 9].

Комплект электронных образовательных материалов (ЭОМ) по предмету «Литературное чтение» создан слушателями к следующим сказкам и стихотворениям, изучаемым по теме «Произведения А.С. Пушкина»: «У лукоморья дуб зеленый» (пролог к поэме «Руслан и Людмила»), «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о золотом петушке», «Вот север, тучи нагоня...» (отрывок из романа в стихах «Евгений Онегин»), «Зимний вечер», «Няне».

Платформа «МЭШ», на которой размещаются разработанные учителями ЭОМ, является электронным ресурсом нового поколения, это «проект для учителей, детей и их родителей, направленный на создание высокотехнологичной образовательной среды в школах Москвы. Главная его цель – максимально эффективное использование современной IT-инфраструктуры для улучшения качества школьного образования. Основная особенность МЭШ – интерактивный доступный с помощью интернет-ресурсов контент: современное программное обеспечение для учителей, учеников и их родителей, < обширная библиотека электронных материалов, которая содержит не только учебники и пособия по всем предметам, но и готовые сценарии уроков, тестовые задания по предметам, а также отдельные элементы для создания сценариев уроков» [6, с. 3].

В результате освоения ДПП слушателями разработан ресурс по литературному чтению – тематический раздел «Произведения А.С. Пушкина». Далее представим комплект МС и ИЗ. Структура мультимедийного УМК по теме «Произведения А.С. Пушкина»: каждый урок, проводимый с использованием ЭОМ, подразумевает 3 этапа: 1. Введение в тему (устный опрос с предъявлением видео- и аудиофрагментов, входное тестирование знаний произведений А.С. Пушкина); 2. Изучение нового материала (демонстрация иллюстративных и текстовых материалов, визуализация и аудирование текста, чтение и комментирование фрагментов); 3. Интерактивный контроль (блиц-тестирование, поиск/отбор мультимедиаобъектов, иллюстрирующих изучаемое произведение А.С. Пушкина, выбор темы проекта. Домашнее задание подразумевает работу с информационными посредниками и электронной библиотекой МЭШ, подбор учащимися материалов, иллюстрирующих сказку или стихотворение поэта: картины и графику русских художников, аудиозаписи, мультфильмы и др.

УМК содержит 10 МС уроков, каждый из которых включает следующие рубрики: 1. На просторах творчества поэта; 2. Биография Александра Сергеевича Пушкина; 3. Входное тестирование; 4. Список произведений (в соответствии с навигацией – текст изучаемого произведения 3.1–3.8);

5. Интерактивные задания (в соответствии с изучаемым произведением – ИЗ 1–6); 6. Список литературы (дополнительный материал); 7. Словарик (толкование лексических единиц, персонажей и образов); 8. Интернет-ресурсы (ссылки на медиаобъекты и справочные материалы).

Также слушателями создан атомарный контент библиотеки по требованиям платформы «МЭШ» – «образовательный материал, который можно использовать при создании уроков и учебных пособий», и «<> элементами которого являются изображение, аудио, видео, текст, тестовое задание, тест» [4, с. 5]. Следует отметить, что электронные образовательные материалы, т. н. «атомики», по мнению автора ДПП ПК, являются наиболее ценным материалом, поскольку составляют мультимедиаколлекцию для работы и учащихся, и коллег в будущем.

В заключение следует отметить, что представленный комплект ЭОМ по произведениям А.С. Пушкина, созданный учителями московских школ в результате освоения ДПП, интегрирован на платформу «МЭШ», использование материалов которой способствует эффективному освоению учащимися предмета «Литературное чтение». Мультимедийные сценарии уроков и интерактивные задания являются новым образовательным форматом и разработаны на качественно новом уровне с учетом современных требований, предъявляемых к педагогу в период перехода к цифровой дидактике.

Литература

1. Методическое пространство. ГБОУ Городской методический центр. Официальный сайт / [Электронный ресурс]. – URL: <http://mosmetod.ru/tag/granty.html> (дата обращения: 15.09.2018).

2. Гусева А.Х. «Мультимедийные сценарии и интерактивные задания: структурирование, электронная поддержка и размещение на платформе «МЭШ»». Региональный реестр ДПП: ШИФР 02533-17/18-В / ДПО педагогических работников г. Москвы. Официальный сайт / [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dpomos.ru/curs/1034070/> (дата обращения: 08.09.2018).

3. Институт дополнительного образования ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (ИДО РГГУ). Официальный сайт / [Электронный ресурс]. – URL: <http://ipk.rggu.ru/section.html?id=12527> (дата обращения: 18.09.2018).

4. Методические и технические требования к электронным образовательным материалам, размещаемым в Библиотеке МЭШ. Официальный сайт Мэра Москвы / [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mos.ru/city/projects/mesh-razrabotchikam/> (дата обращения: 07.09.2018).

5. Проект «Московская электронная школа». Официальный сайт / [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mos.ru/city/projects/mesh/teachers/> (дата обращения: 16.09.2018).

112 | б. Сборник программ к комплекту учебников «Начальная школа XXI века»
(руководитель проекта – член-корреспондент РАО проф. Н.Ф. Виноградова).
3-е изд., дораб. и доп. М.: Вентана-Граф, 2012.

Alla H. Guseva

**TECHNIQUE OF DEVELOPING AN INTERACTIVE SCENARIO
OF A LESSON ON A.S. PUSHKIN WORKS: MODULE OF
ADDITIONAL PROFESSIONAL PROGRAM**

Abstract. The article presents the results of the mastering by teachers of the Russian language and literature an additional professional program on the example of the course «Literary reading» (theme: «Works by A.S. Pushkin»). The concept of the «MESH» platform is described, the scheme of work with electronic educational materials is analyzed.

Keywords: «Moscow e-school»; works by A.S. Pushkin; additional professional program; interactive lesson script; atomic content; multimedia format.

ПРИМЕНЕНИЕ ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ МАТЕРИАЛОВ К СКАЗКАМ А. С. ПУШКИНА В ПРЕПОДАВАНИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ЧТЕНИЯ

Аннотация. В публикации описана методика обучения переводу сказок А.С. Пушкина через активизацию ассоциативных связей и образного мышления студентов при работе с цифровыми ресурсами, приведены примеры библиографических электронных ресурсов и мультимедийных материалов, иллюстрирующих творчество поэта.

Ключевые слова: переводческая деятельность; сказки А.С. Пушкина; электронные ресурсы; переводческое чтение; электронные библиотеки; библиографический раритет; мультимедиаисточники; цифровая коллекция.

Современное развитие мультимедиа и возможность изучения гипертекстовых материалов посредством глобальной сети сделало доступным мировую литературу, а также библиографические раритеты, произведения живописи, скульптуры, киноискусства, мультипликации, посвященные Александру Сергеевичу Пушкину и отражающие его многогранное творчество. В преддверии юбилейного 2019 года – 220-летия со дня рождения великого русского поэта – мультимедийные материалы различного формата были опубликованы в большом количестве как в открытом доступе, так и на официальных ресурсах электронных библиотек, научно-исследовательских подразделений и учебных заведений, требующих регистрационного доступа.

В данном контексте интересен опыт Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина в области разработки онлайн-курсов [3, с. 15], электронных образовательных ресурсов по обучению РЯ [2, с. 30], интерактивных уроков чтения [6, с. 21], а также киберквестов для ПК и мобильных устройств [7, с. 4].

Почему же при обучении профессиональной переводческой деятельности мы решили обратиться именно к сказкам А.С. Пушкина, достаточно сложным для перевода, написанным попарно рифмованным четырехстопным хореем и сохранившим фольклорный стиль, народные образы и социокультурные реалии? По мнению авторитетного историка литературы и библиографа П.Н. Беркова, в сказках «материал для перевода из Пушкина более разно-

114 | образный и ценный» [4, с. 221]. Литературовед также отмечает, что на западноевропейские языки «охотнее переводили вещи, отличавшиеся «русской экзотикой» <...>», а благодаря интересу к России за рубежом «...углубляется понимание и количественно растут переводы бытописательных вещей поэта» [4, с. 222].

Безусловно, как литературный, так и свободный и дословный перевод поэзии требуют от переводчика особого мастерства, а также дополнительных знаний, кругозора и эрудиции, в формировании и совершенствовании которых важным подспорьем являются современные иллюстративные мультимедийные материалы (ИММ). Проанализируем указанные мультимедиаисточники к сказкам А.С. Пушкина и приведем пример их использования на аудиторных занятиях по дисциплине «Электронные ресурсы переводчика» (ЭРП), читаемой студентам Института филологии и истории РГГУ (профиль «Перевод и переводоведение»).

Уточним, что методическая концепция дисциплины основана на изучении и обработке материалов электронных ресурсов на французском языке. Предметная область: компаративный анализ и типологизация текстов, разработка интерактивного тематического глоссария, обработка иноязычного гипертекста, работа с многоязычной базой данных, а также прикладная (переводческая, редакторская) деятельность в области языковой и социокультурной коммуникации. В процессе обучения литературному переводу студенты анализируют взаимосвязь и взаимозависимость филологии, лингвокультурологии, информатики и практики перевода на современном этапе развития информационных и коммуникационных технологий. В соответствии с практико-ориентированной концепцией освоения программы дисциплины «ЭРП» студенты выполняют задания в последовательном либо параллельном режимах в различном ПО по блок-схемам, передаваемым в электронном виде, создают эссе-презентации, словарные базы данных, комментированные глоссарии, базы данных по лингвострановедению.

Для развития образного мышления, а также совершенствования умения составлять переводческий комментарий студентам необходимо при выполнении заданий обращаться к материалам, явившимся результатом отражения творчества поэта: «делается чрезвычайно модным издание произведений Пушкина с иллюстрациями В. Масютина, Нат. Гончаровой, Лебедева, Шукоева и др. В таких изданиях центр тяжести лежит не столько в переводах произведений поэта, сколько в графике, в «русском искусстве», увлечение которым на Западе характерно для первых годов прошлого столетия» [4, с. 222] (т.е. XIX века).

В качестве примера приведем доступное сегодня в электронном виде парижское коллекционное издание 1921 года Pouchkine A. «Conte de tsar Saltan et de son fils le glorieux» [8] («Сказка о Царе Салтане»), задуманное как

библиофильское: орнаменты и иллюстрации раскрашены от руки в мастерской Марти (Marty) по рисункам Натальи Сергеевны Гончаровой, внучатой племянницы Натальи Николаевны.

Студенты изучают данный источник в процессе выполнения мотивационного задания, предваряющего практическую работу, на таких библиографических мультимедийных ресурсах, как антикварная интернет-галерея Raru's Gallery (<http://www.raruss.ru/russe-moderne/2804-goncharova-tsar-saltan.html>) и цифровая коллекция NYPL (The New York Public Library, <https://digitalcollections.nyupl.org/items/964bf8b0-448c-0135-9582-11a79c8e8f2f/?uuiid=996e5b70-448c-0135-4464-0b3431495f77>).

Для обучения переводу в технологии адаптации особую ценность представляет подстрочный прозаический перевод на французский язык, выполненный Клодом Ане (Claude Anet) для данного издания. При формировании ассоциативного ряда переводчика иллюстрации играют важную роль, но из-за «несущественности рисунка самого по себе, применительность, относительность его по отношению к книге» [9, с. 148] не могут восприниматься в полной мере без переводческого чтения текста. Среди основных функций переводческого чтения в процессе обучения профессиональному переводу следует называть такие, как «овладение иностранным языком через сопоставление с родным, <...> содействие усвоению и закреплению языковых явлений изучаемого языка и преодолению интерференции на материале связного текста или его фрагмента» [1, с. 194].

На материале оригинальных текстов А.С. Пушкина студенты выполняют следующие задания: 1. устный последовательный и синхронный подготовленный перевод фрагментов сказок на французский язык (источники в аудио- и видеоформатах); 2. составление переводческого комментария на французском языке, содержащего пояснение социокультурных реалий в сказках А.С. Пушкина; 3. компаративный анализ текстов ранних и поздних переводов произведений («Руслан и Людмила», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», «Сказка о золотом петушке»); 4. создание коллекций мультимедиаиллюстраций к сказкам А.С. Пушкина; 5. разработка иллюстрированного глоссария, снабженного гиперссылками на цифровые источники, отражающие творчество поэта.

Безусловно, перечисленные виды переводческой деятельности в основе своей подразумевают объемную и трудоемкую работу, связанную с изучением литературных и лексикографических источников, иноязычного лексикограмматического материала, а также просмотром и отбором ИММ. В этой связи студентам в качестве базы для выполнения интерактивных заданий предлагается список источников и цифровых образовательных ресурсов (ЦОР), который они должны обязательно дополнить, а также и аргументировать свой выбор.

Следует уточнить, что «цифровые образовательные ресурсы – это представленные в цифровой форме фотографии, видеофрагменты, статические и динамические модели, объекты виртуальной реальности и интерактивного моделирования, картографические материалы, звукозаписи, символьные объекты и деловая графика, текстовые документы и иные учебные материалы, необходимые для организации учебного процесса» [5, с. 2]. Необходимо конкретизировать требования к ЦОР, выделив среди обязательных критериев такие, как: «...2. ориентироваться на современные формы обучения, обеспечивать высокую интерактивность и мультимедийность обучения; <...> 7. основываться на достоверных материалах; <...> 13. иметь удобный интерфейс» [5, с. 3].

В контексте данной публикации цифровые образовательные материалы, предназначенные для обучения профессиональной переводческой деятельности на базе литературных произведений, включают 3 основных компонента: информация, коммуникация и исследование, проводимое студентами по методу проекта. В свою очередь, электронные ресурсы подразделяют на три основные группы: информационные, переводческие и коммуникационные. В соответствии с классификацией В.Н. Шевчука, электронные системы, необходимые для освоения и профессионального использования филологу и переводчику, подразделяются на следующие группы: «информационные – системы, которые обеспечивают автоматический поиск лингвистической и экстралингвистической информации в Интернете, а также управление информационными потоками (энциклопедии, электронные библиотечные каталоги, банки терминов, серверы поиска и т. д.); переводческие – системы машинного перевода типа PROMT, Translation Memory, StyleWriter, Transcheck и т. д.; коммуникационные – системы, которые обеспечивают общение переводчика с заказчиком через электронную почту и с коллегами через переводческие порталы и сайты» [10, с. 18].

Остановимся на первой группе, так как ИММ относятся именно к ней. Пример электронных библиотек (ЭБ), содержащих художественную литературу на языке страны изучаемого языка, цифровые коллекции иллюстраций и профессиональные тексты по дисциплинам гуманитарного цикла, показывает, что активное использование студентами данных ресурсов способствует эффективности овладения переводческими навыками. Среди наиболее совершенных с точки зрения содержания следует назвать такие, как разработанный и пополняемый Национальной Библиотекой Франции (Bibliothèque Nationale de France) иллюстрированный электронный ресурс «Gallica» (<http://gallica.bnf.fr/services/engine/>), наиболее популярный в профессиональной среде. Помимо художественной литературы ресурс содержит коллекцию ИММ: фотоизображения и историческую графику, предоставляет также доступ к профессиональной литературе по истории, политике, праву

и экономике, социологии, философии на французском языке. Важен факт наличия на данном ресурсе энциклопедических баз данных и разнообразных словарей университетов и академических учреждений «Encyclopédies & Dictionnaires» (<http://eduscol.education.fr/cdi/res/rip-et-projets-soutenus/encyclopedies-dictionnaires>), полезных и лингвистам, и филологам, и переводчикам. Французский ресурс, предоставляющий программное обеспечение для обработки материалов гипертекстового формата, «Ebooks Libres et gratuits» (<https://www.ebooksgratuits.com>) является бесплатным и включает доступные для скачивания тексты литературных произведений. Библиотека классической мировой литературы на французском языке отражена наиболее полно в каталоге ЭБ «ABU: la Bibliothèque Universelle» (<http://abu.cnam.fr/VIB/>) и представляет особый интерес для студентов, создающих проект по филологии или переводоведению.

В заключение следует отметить, что предъюбилейный год со дня рождения А.С. Пушкина явился важной вехой в развитии методики преподавания с использованием ИКТ. В наши дни Всемирная паутина содержит не только оригинальные тексты, но и исторические литературоведческие материалы, оцифрованные источники, библиографические раритеты, иллюстрации к произведениям великого русского поэта в графических, аудио- и видеоформатах, документальные, художественные и мультипликационные фильмы, к которым следует обращаться для оптимизации процесса обучения переводчиков и филологов.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Араева Л. А., Крым И.А., Образцова М.Н. Создание открытых электронных ресурсов по русскому языку для коренных малочисленных народов Сибири // Русский язык за рубежом. № 1. 2018. С. 30–34.
3. Афанасьева Э. М. Массовые открытые онлайн-курсы в системе открытого образования: история и практика реализации // Русский язык за рубежом. № 1. 2018. С. 15–19.
4. Берков П.Н. Пушкин в переводах на западноевропейские языки // Вестник Академии наук СССР. 1937. № 2–3. Изд-во Академии наук СССР. М–Л., С. 220–229.
5. Коробкова К.В., Калиновский Е.А. Возможности использования цифровых образовательных ресурсов в учебном процессе // Сб. статей IV Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум». – М.: Российская Академия Естествознания (РАЕ), 2012 // [Электронный ресурс]. – URL:<https://www.rae.ru/forum2012/10/2277> (дата обращения: 21.09.2018)

- 118 | 6. Кулибина Н.В. Интерактивный онлайн-урок чтения как поликодовый текст // Русский язык за рубежом. № 1. 2018. С. 21–25.
7. Осадчий М.А., Маев И.А., Жильцов В.А. 3D-квест по русскому языку: разработка, апробация, возможности применения // Русский язык за рубежом. № 1. 2018. С. 4–9.
8. Пушкин А.С. Сказка о Царе Салтане, о сыне его, славном и могучем богатыре, князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной Царевне Лебеди. Париж, 1921. 48 с. (Pouchkine A. Conte de tsar Saltan et de son fils le glorieux. Paris: La Sirene, 1921).
9. Цветаева М.И. Наталья Гончарова: Жизнь и творчество / Пред. Н.А. Громовой. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. 168 с.
10. Шевчук В.Н. Информационные технологии в переводе. Электронные ресурсы переводчика 2. М.: Зебра Е, 2013. 384 с.

Alla H. Guseva

**APPLICATION OF ILLUSTRATIVE MULTIMEDIA MATERIALS
TO THE FAIRY TALES BY A.S. PUSHKIN IN TEACHING OF
TRANSLATION READING**

Abstract. The publication describes the method of teaching the translation of fairy tales by A.S. Pushkin through the activation of associative connections and imaginative thinking of students when working with digital resources; also the examples of bibliographic electronic resources and multimedia materials illustrating the poet's work are given.

Keywords: translation activity; Pushkin's fairy tales; electronic resources; translation reading; electronic libraries; bibliographic rarity; multimedia sources; digital collection.

Ю. В. Rogovneva

JuVRogovneva@pushkin.institute

кандидат филол. наук,

доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

Москва, Россия

В. Е. Степаненко

nika-step@mail.ru

студент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

Москва, Россия

РЕПРОДУКТИВНАЯ МОДЕЛЬ ВИДЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье описаны особенности восприятия и текстового моделирования окружающей человека действительности в цифровую эпоху, среди которых, прежде всего, следует отметить роль фотографии, которая заменяет оформленное текстом репродуктивное описание

Ключевые слова: нефикциональный текст; дисплейный текст; репродуктивный регистр; информативный регистр; интернет-коммуникация.

В настоящее время, которое определяется как цифровая эпоха, различного рода гаджеты становятся незаменимой принадлежностью человека. Жизнь каждого члена общества уже не мыслится без телефонов, планшетов и компьютеров. Если ребенку до определенного возраста многофункциональный гаджет служит, прежде всего, для игр и развлечений, то взрослому человеку он необходим в первую очередь для работы. К такому стремительному развитию цифровых технологий можно относиться по-разному, однако отрицать их роль в жизни современного работоспособного человека невозможно, как невозможно обходить стороной новый языковой материал, появляющийся в результате использования гаджетов носителями языка. Разумеется, здесь уместен термин «дисплейный текст», введенный в научный обиход В.Г. Костомаровым еще в 2010 году [2], когда этот новый вид текстов только начинал приобретать свою популярность. Сейчас же дисплейный текст является не просто альтернативой классического бумажного текста, но зачастую и единственно возможной формой представления информации. Очевидно, что применять к таким дисплейным текстам схемы и образцы, созданные для так называемых традиционных текстов, невозможно, как невозможно и стремиться обнаружить в дисплейных текстах закономерности функционирования языковых средств в таком виде, в котором они существ-

120 | вуют в текстах традиционных. Задача лингвистов – отвлечься от ставших привычными характеристик уже изученного материала и, не оглядываясь на них, исследовать новый, «дисплейный» языковой материал.

В нашей статье мы попытаемся применить на практике это теоретическое заявление и обратимся к анализу того, как представлена репродуктивная модель видения действительности в текстах, которые размещены в Интернете. Эта тема уже была затронута в [1] и [3], где на примере анализа текстов путеводителей и описаний мебели в интернет-магазинах доказывалось, что изображение при описании играет большую роль и практически берет на себя функцию репродуктивного представления предмета действительности. В пределах этой статьи мы обобщим отмеченные нами закономерности в соотношении текстовой и нетекстовой составляющих цифрового нефикционального текста. К нефикциональным мы относим тексты, в которых представлена реальная действительность (в фикциональных текстах действительность вымышлена автором).

Так, цифровой нефикциональный текст в целом можно условно поделить на две части. Во-первых, это непосредственно текстовая часть, в которой мы наблюдаем привычные нам сочетания и комбинации языковых средств, различные в зависимости от коммуникативных целей говорящего и от условий коммуникативной ситуации (например, будут различаться описания телефона в каталоге магазина и в беседе двух друзей). Во-вторых, это нетекстовая часть, в которую входит одно или несколько изображений объекта действительности, о котором идет речь. При этом изображение берет на себя функцию представления репродуктивных (сенсорно воспринимаемых, в данном случае наблюдаемых) характеристик объекта действительности, соответственно, текстовая часть эти характеристики может не повторять и представлять уже информацию об объекте, которая не воспринимается сенсорно, то есть информативные характеристики объекта. На первый взгляд может показаться, что такое же соотношение составляющих целого текста мы наблюдаем и в традиционных текстах. Например, в бумажных путеводителях непременно должны быть фотографии мест и достопримечательностей, а в бумажных каталогах представлены такие же описания товаров, какие мы видим в интернет-магазинах. Однако проанализированный материал позволил заметить тенденцию, которая характеризует практически всю сферу интернет-коммуникации: уменьшение текстовой части описания и как следствие – необходимость изображения. Разумеется, эта тенденция характерна для тех фрагментов, целью которых является описание, представление объекта действительности, например описания товаров в интернет-магазинах, описания туристических объектов, описания пропавших людей и животных. Кроме того, выявленная тенденция характеризует и сферу интернет-общения в социальных сетях и мессенджерах. Если пользователю необходимо описать

какой-либо объект действительности, он отправляет адресату фотографию этого объекта, которая представит его характеристики объективнее, точнее и быстрее, чем любое текстовое описание. Такая замена текста изображением для представления репродуктивной модели видения действительности стала возможна тогда, когда пользователям стали доступны современные многофункциональные смартфоны, заменяющие любительские фотоаппараты и позволяющие выходить в Интернет. Можно предположить и дальнейшее развитие обозначенной нами тенденции: текстовые репродуктивные описания останутся только в художественных текстах, где они являются важной частью произведения в целом и где полная замена текста на изображение невозможна. Тексты же нехудожественные и нефикциональные, в которых представлена реальная, невымышленная действительность, будут нерепродуктивными, поскольку вся репродуктивность уйдет в фотографию, которая уже стала обязательной составляющей подобных описаний.

Литература

1. Жигалова М.В., Степаненко В.Е., Роговнева Ю.В. Вербальные и визуальные средства создания образа культурных достопримечательностей (на материале путеводителей по Чехии) // Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения» в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур. Отв. ред. И.А. Лешутина. М., 2018. С. 31–35.
2. Костомаров В.Г. Дисплейный текст как форма сетевого общения // Russian Language Journal. Iss. 60. Divergent Thinking: Prospectives on the Language Enterprise in the 21st Century. P. 141–147.
3. Степаненко В.Е., Роговнева Ю.В. Особенности функционирования языковых средств в интернет-каталогах мебели // Сборник статей II Международной научно-практической конференции «Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура». В 2-х томах. Под общей редакцией А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. М., 2018. С. 294 – 299.

*Yu. V. Rogovneva
V. E. Stepanenko*

THE REPRODUCTIVE VISION MODEL OF REALITY IN THE DIGITALIZATION AGE

Abstract. The article presents the perception and textual modeling features of the surrounding reality in the digital age, among which the authors pay attention to the role of photography, which replaces the text of the reproductive description.

Keywords: non-fictional text; display text; reproductive register; informative register; Internet communication.

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ КУРСА «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ»

Аннотация. В статье раскрывается многоаспектность культуры речи как речеведческой дисциплины. Рассматриваются основные компоненты культуры речи (нормативный, коммуникативный, этический, эстетический, деятельностный и аксиологический). Доказывается, что многоаспектный характер культуры речи оказывает непосредственное воздействие на выбор концептуальных подходов к отбору и структурированию содержания вузовского курса «Русский язык и культура речи».

Ключевые слова: культура речи; литературный язык; нормативность речи; нормы литературного языка; коммуникативные качества; речевое поведение; речевая деятельность; коммуникативная подготовка.

На современном этапе существует достаточно много концептуальных подходов к построению курса «Русский язык и культура речи» и к отбору его содержания. Их выбор зависит от воздействия различных обстоятельств. Так, О. Я. Гойхман считает, что на определение того или иного подхода влияют: 1) лингвистические курсы, которые уже были разработаны и читались ранее; 2) направление подготовки и специальность; 3) объем аудиторных часов по учебному плану [4, с. 3]. Указанные обстоятельства, особенно профиль подготовки студентов, действительно важны. Однако проведенный нами анализ литературы по проблеме показал, что большое влияние на определение концептуальных подходов к курсу оказывает также авторское видение культуры речи как содержательной основы курса. Рассмотрим этот аспект более подробно.

Культура речи в ее традиционном понимании – это степень владения литературным языком (его нормами, стилистическими, лексическими и грамматико-семантическими ресурсами) в целях наиболее эффективного общения в различных условиях коммуникации. Однако, как известно, данное понятие не является однозначным, что связано, в первую очередь, с различными подходами к определению предмета ее изучения. Позволим себе остановиться

на некоторых периодах становления и развития культуры речи, являющихся ключевыми с точки зрения изменения ее предмета.

В XVIII – XIX веках вопросы культуры речи достаточно активно обсуждались в российской риторике, которая считается предшественницей современной культуры речи. Нормативность и коммуникативная целесообразность, говоря современным языком, рассматривались в трудах М. В. Ломоносова, М. М. Сперанского, А. С. Никольского, И. С. Рижского и других известных ученых в области красноречия. Существенный вклад в развитие культуры речи внес А. И. Галич, создавший учение о признаках «совершенного» языка. В своей работе «Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений» (1830 г.) он предпринял попытку детально разобрать такие параметры идеальной речи, как правильность, чистота, ясность, точность, сила, выразительность, благозвучие. Во второй половине XIX века – начале XX века можно говорить о профессионально ориентированном изучении культуры речи. Вопросы правильности и коммуникативной целесообразности рассматривались применительно к тем или иным видам красноречия. Особый вклад в прагматическое исследование культуры речи внесли представители судебного красноречия (Н. П. Карабичевский, А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако, и др.). На основе их теоретических работ и текстов выступлений до сих пор можно учить будущих специалистов профессионально значимым речевым качествам (аргументированности, логичности, доказательности, доступности и др.) [16, с. 259].

С 30-х годов XX века риторика была полностью исключена из программ обучения в средних и высших учебных заведениях страны и надолго забыта, а вопросы культуры речи становятся предметом исследования языковедов, до этого времени не уделявших значительного внимания данной области знаний и разделявших точку зрения академика А. А. Шахматова, который считал, что задачи нормализации языка чужды академической науке, что лингвист должен лишь собирать и описывать факты языка, не давая им никаких оценок [17, с. 120]. В советской лингвистике развивается нормативный аспект культуры речи. Сохранение норм литературного языка в этот период стало особенно актуальным, так как в общественную деятельность были вовлечены люди, ими не владевшие. Коммуникативный же аспект лингвистами почти не исследовался, и лишь в 60-е годы XX века его изучение, в связи с потребностями преподавания, получило некоторое развитие в работах С. И. Ожегова, К. С. Горбачевича и других специалистов в области нормализации языка.

Активная разработка учения о двух уровнях культуры речи (нормативном и коммуникативно-целесообразном) началась в 70-е годы XX века. Общеизвестным стал подход Л. И. Скворцова, который выделил две ступени освоения литературного языка: правильность речи (соблюдение норм литературного языка) и речевое мастерство (умение выбирать из сосуществующих вари-

124 | антов наиболее точный в смысловом отношении, стилистически уместный, выразительный, доходчивый и т.п.). Именно этот подход положен в основу школьной трактовки культуры речи (раздел лингвистики, предметом изучения которого является речь правильная и речь хорошая) и отражен в госстандартах и в действующих учебниках [12, с. 116–117].

Несколько иной подход, ставший базой для развития культуры речи в конце XX века, предложил Б. Н. Головин [5]. В 1988 году издается фундаментальный труд ученого «Основы культуры речи», в котором реальные свойства ее содержательной и формальной сторон (правильность, точность и др.) были объединены в систему и получили название коммуникативные качества речи. В основу выделения того или иного качества было положено соотношение речи и неречевых структур (языка, мышления, действительности, сознания).

В последние десятилетия XX века предмет культуры речи, которая к тому времени оформилась как самостоятельная дисциплина, снова претерпевает некоторые изменения. Среди ученых, работающих в этой области речеведения, утверждается мысль о том, что человек, обладающий культурой речи, должен не только владеть нормами литературного языка и уметь выбирать из сосуществующих языковых вариантов наиболее адекватные целям и содержанию общения, но и соблюдать правила речевого поведения, основанные на нормах морали и национально-культурных традициях, другими словами, соблюдать речевую этику. В культуре речи наряду с нормативным и коммуникативным стали выделять этический аспект.

В некоторых изданиях называется еще одна составляющая – эстетическая. Так, в пособии «Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика» читаем: «При освоении культуры родной речи человек имеет четыре крупных ориентира: совокупность норм литературного языка, совокупность этических представлений своего народа, совокупность целей и обстоятельств общения и, наконец, национальное представление о красоте речи (соответственно выделяются языковой, этический, коммуникативный и эстетический факторы и соответственно компоненты культуры речи)» [10, с. 122].

Итак, современная культура речи не ограничивается только вопросами нормативности русского языка. Развитие коммуникативного направления в лингвистике способствовало смещению акцентов: не меньшее внимание уделяется коммуникативной, этической, а иногда и эстетической сторонам культуры речи. Более того, ученые все настойчивее говорят о необходимости рассматривать культуру речи в тесной связи с речевой деятельностью. О взаимосвязи этих понятий психолингвисты заявляли еще в середине 70-х годов XX века. В статье «Теория речевой деятельности и культуры речи» В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев и Б. С. Шварцкопф писали: «Для построения объективной, чуждой вкусовым оценкам теории культуры речи необходимо обращение к психолингвистике или – шире – к теории речевой

деятельности. Центральное понятие «правильность» речи – литературно-языковая норма – не может быть определено, исходя лишь из внутренних системных факторов языка, и требует изучения, в частности, психологических законов, управляющих речевой деятельностью. Наряду с социологическими факторами, эти последние в значительной степени определяют «норму» и – шире – «культурность» литературного выражения» [9, с. 300]. В последние годы деятельностный подход к культуре речи становится востребованным и приводит к расширению предмета ее изучения. «Исходя из того, что и речь, и общение, и культура – это деятельность, предмет культуры – это культура речевой деятельности. Другими словами, культура речи реализуется в процессе речевой деятельности, которая носит осознанный, целенаправленный, творческий характер» [6, с. 69–77].

Неоднозначность подходов к предмету изучения культуры речи привела к тому, что в научной литературе не было и до сих пор нет единого и общепризнанного определения этого понятия. Рассмотрим некоторые толкования.

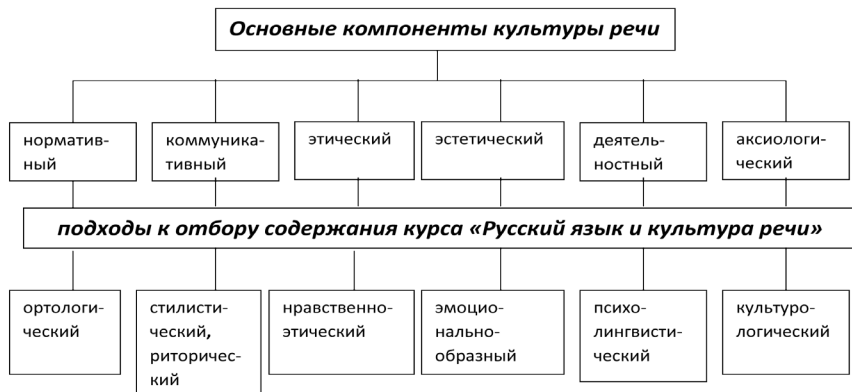
Понимание культуры речи только как речи правильной предлагает Г. А. Нечаев, который считает, что культура речи – это «степень соответствия нормам орфографии, словоупотребления, нормам грамматики, установленным для данного языка, а также способность следовать лучшим образцам литературного языка» [11, с. 78]. Нормативный аспект культуры речи положен и в основу трактовки, предлагаемой в «Словаре-справочнике лингвистических терминов»: «Культура речи – это нормативность речи, ее соответствие требованиям, предъявляемым к языку в данном языковом коллективе в определенный исторический период, соблюдение норм произношения, ударения, словоупотребления, формообразования, построения словосочетаний и предложений. Нормативность речи включает в себя также такие ее качества, как точность, ясность, чистота» [14, с. 115]. Как видим, здесь нормативность понимается более широко: не только «как совокупность реально использующихся в языке лексем, словоформ, языковых конструкций», но и как совокупность тенденции отбора и правильного использования языковых средств. Существуют и определения культурологического характера, например: «Культура речи – область духовной культуры, связанная с применением языка, а именно качество речи, обеспечивающее эффективное достижение цели общения при соблюдении языковых правил, этических норм, ситуативных требований и эстетических установок» [10, с. 121]. В настоящее время ученые считают наиболее полными трактовки, передающие единство трех сторон культуры речи (нормативной, коммуникативной и этической):

1) «Это такой выбор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» [13, с. 97].

126 | 2) «Владение нормами литературного языка, умение осуществлять выбор языковой единицы в зависимости от ситуации общения, умение достигать поставленных задач в коммуникации, соблюдение этики общения» [14, с. 56].

Для нас представляет особый интерес несколько иная характеристика данного понятия, предлагаемая Н. А. Ипполитовой, О. Ю. Князевой и М.Р. Савовой. Они рассматривают культуру речи как «осознанную речевую деятельность по созданию целенаправленной и целесообразной, этически корректной эффективной речи в заданных или смоделированных условиях общения» [7, с. 112]. При видимом сходстве с двумя предыдущими трактовками данная формулировка, в большей степени отражающая всю многоаспектность понятия «культура речи», имеет принципиально важное отличие: в ее основе лежит деятельностный подход к культуре речи. Это делает ее наиболее приемлемой для нашей методической системы, направленной на развитие у студентов видов речевой деятельности [8].

Разумеется, в процессе преподавания курса «Русский язык и культура речи» изучаются все составляющие культуры речи, но практика показывает, что предпочтение, как правило, отдается тому аспекту, который представляется преподавателю наиболее важным. Прделанный нами анализ литературы свидетельствует, что в зависимости от того, какой компонент культуры речи является приоритетным, можно выделить следующие концептуальные подходы к отбору и структурированию содержания курса (см. схему):

Безусловно, наиболее известен ортологический подход, согласно которому необходимо прежде всего углубить знания студентов о нормах литературного языка, развить умение соблюдать нормы в процессе общения. Обосновывая целесообразность ортологического подхода, его сторонники отмечают, что «вопрос о норме является одним из первоначальных и наиболее значимых вопросов культуры речи, поэтому установление правил пользования языком (орфоэпических, лексических, морфологических, синтаксических) состав-

ляет основное содержание дисциплины» [2, с. 22]. Ортологический подход до сих пор остается самым распространенным в практике преподавания курса «Русский язык и культура речи». Эту тенденцию фиксируют многие ученые. Так, Л. М. Акуленко отмечает, что, хотя объектом и целью учебно-воспитательной работы по русскому языку должны являться три критерия культуры речи – нормативный, коммуникативный и этический, лингвокоммуникативная подготовка не только не является комплексной, но и часто вообще не ведется. Обучение языку, как правило, сводится к изучению оформительских норм, тогда как основной формой обучения культуре речи должно стать участие в ритуалах [1]. Другие ученые (Р. Н. Гиниятуллин, Л. А. Константинова, М.Г. Синегуб) не столь категоричны, но и они отмечают, что «обычно внимание преподавателя этой дисциплины обращено на изучение языковых норм, а время на развитие коммуникативной компетентности не отводится вообще, или его бывает достаточно только на лекционных занятиях» [18, с. 130]. Некоторые исследователи считают, что преобладание ортологического подхода не способствует развитию познавательной мотивации: «И в школе, и в вузе... главная установка обучающего: научить литературному языку (правильному произношению, ударению, словоупотреблению, текстопорождению и т. д.). Изучение правильностей требует не столько размышлений над фактами речи, сколько усидчивости, иногда зубрежки: нельзя правильно писать, ... не научившись образовывать формы причастий и деепричастий; нельзя правильно произнести слова *маневры* или *афера*, не запомнив (механически), что во втором слоге первого слова звук [о], а в том же слоге другого слова – [э]. Запоминание подобных фактов вызывает непреодолимую скуку» [19, с. 52].

Несмотря на то, что многие лингводидакты высказывают сомнения в целесообразности преобладания ортологического подхода при обучении студентов-нефилологов, надо признать, что на современном этапе он, на наш взгляд, так и останется ведущим.

Литература

1. Акуленко Н. М. Культура речи как стабилизирующий общественный фактор / Н. М. Акуленко // Общественная мысль : сб. работ лауреатов и дипломантов Всерос. конкурса интеллектуальных проектов «Держава». М., 2007.
2. Атаева Е. В. Дисциплина «Русский язык и культура речи» в системе языковой подготовки студентов-нефилологов // Проблемы преподавания русского языка и культуры речи в школе и вузе : материалы V Ушаковских чтений. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. С. 19–25.
3. Гиниятуллин Р. Н. Преподаватель как носитель элитарной языковой культуры // Русская речь в современном вузе : материалы Четвертой междунар. науч.-практ. интернет-конф. Орел: ОрелГТУ, 2008. С. 138–140.

- 128 | 4. Гойхман О. Я. Русский язык и культура речи : учебник. М. : ИНФРА-М, 2007. 240 с.
5. Головин Б. Н. Основы культуры речи. М. : Высш. шк., 1988. 380 с.
6. Иванова В. Я. Принципы орфографии и их педагогическое значение / В. Я. Иванова, Б.И. Осипова // Русский язык в школе. 1991. № 5. С. 69–77.
7. Ипполитова Н. А. Русский язык и культура речи : учебник / Н. А. Ипполитова, О. Ю. Князева, М. Р. Саввова ; под ред. Н. А. Ипполитовой. М. : Релби : Проспект, 2004. 440 с.
8. Коренева А. В. Профессионально ориентированное обучение курсу «Русский язык и культура речи» как условие повышения качества речевой подготовки специалистов // Самарский научный вестник. 2015. № 1 (10). С. 86–90.
9. Костомаров В. Г. Теория речевой деятельности и культуры речи / В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев, Б. С. Шварцкопф // Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. С. 39–46.
10. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М. : Флинта : Наука, 2003. 432 с.
11. Нечаев Г. А. Краткий лингвистический словарь. Ростов н/Д : Изд-во Ростовского ун-та, 1986. 184 с.
12. Обучение русскому языку в школе : учеб. пособие для студентов пед. вузов / Е. А. Быстрова [и др.]. М. : Дрофа, 2004. 240 с.
13. Педагогическое речеведение : словарь-справочник / под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской ; сост. А. А. Князьков. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Флинта : Наука, 1998. 312 с.
14. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. М. : Просвещение, 1985. 399 с.
15. Русская речевая культура: учеб. словарь-справ. : учеб. пособие для поступающих в вузы / сост.: А. И. Дунев и др.; под общ. ред. В. Д. Черняк. СПб. : САГА : Азбука-классика, 2006. 218 с.
16. Русская риторика: Хрестоматия / Авт.-сост. Л. К. Граудина. М.: Просвещение: «Учеб. лит.», 1996. 559 с.
17. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Сов. энциклопедия, 1979. 432 с.
18. Синегуб М. Г. Изучение риторики в целях повышения качества профессиональной подготовки будущих специалистов-нефилологов // Русская речь в современном вузе : материалы Четвертой междунар. науч.-практ. интернет-конференции. Орел: ОрелГТУ, 2008. С. 130–132.
19. Фархутдинова Ф. Ф. О развитии лингвистического интереса в школе и в вузе // Проблемы преподавания русского языка и культуры речи в школе и вузе: материалы V Ушаковских чтений. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. С. 51–57.

THE MULTIDIMENSIONALITY OF SPEECH CULTURE AND ITS INFLUENCE ON THE CONTENT OF «THE RUSSIAN LANGUAGE AND SPEECH CULTURE» STUDY COURSE

Abstract. The article is devoted to the multidimensionality of speech culture as a speech studies subject. The main components of speech culture (normative, communicative, ethical, aesthetic, pragmatic, axiological) are discussed. It is proved that the multidimensional nature of speech culture has a direct impact on choice of conceptual approaches to selection and structuring university study module «The Russian language and speech culture».

Keywords: speech culture; literary language; normative speech; literary language norms; communicative skills; verbal behavior; language activity; communication training.

СЕНСОРНАЯ ГЕОГРАФИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА: ИЗ ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В КОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЕ С ДЕТЬМИ, ИМЕЮЩИМИ СТАТУС ОВЗ

Аннотация. В статье рассматривается авторская методика использования сенсорной книги, содержание которой строится на географии творческого пути Александра Сергеевича Пушкина, на занятиях внеурочной деятельности с детьми, имеющими статус «ограниченные возможности здоровья».

Ключевые слова: сенсорный; мелкая моторика; мыслительные операции; внимание; память; коррекционные занятия; автоматизация навыка чтения; жизнь и творчество А.С. Пушкина.

Для эффективности коррекционной работы по преодолению трудностей в обучении и речевых нарушений у детей с ограниченными возможностями здоровья важно максимально использовать наглядность и игровые методы и приемы. В качестве наглядного материала может применяться сенсорная книга. Ее использование позволяет применять в коррекционных занятиях игровые приемы и методы. В речевом развитии школьников сенсорная книга применяется на этапе автоматизации поставленных звуков и для развития связной речи.

В преодолении трудностей обучения у учащихся с ограниченными возможностями здоровья использование сенсорной книги позволяет развивать все стороны внимания, память, мыслительные операции: анализ, синтез, абстрагирование, классификации, обобщение, словесно-логическое мышление, что способствует в дальнейшем развитию интереса к чтению.

Остановимся подробнее на понятии «Сенсорная книга». Понятие «сенсорный» в словаре С.И. Ожегова толкуется как относящийся к чувственному восприятию, ощущениям. Можно предположить, что сенсорная книга это книга, которую читают пальцами. В некотором смысле последнее высказывание соответствует действительности.

В.А. Сухомлинский писал, что «исток способности и дарования детей – на кончиках их пальцев. От пальцев, образно говоря, идут тончайшие нити – ручейки, которые питают источник творческой мысли». Чем больше уверенности в движениях детской руки, тем тоньше взаимодействие руки с орудием труда, сложнее движения, необходимые для взаимодействия, ярче творческая стихия детского разума [1, с. 258].

Сенсорные книги называют «трогательными» в самом прямом смысле этого нежного слова, так как они дают ребенку возможность «прочувствовать произведение». Эти книги обладают уникальной способностью дарить ребенку не только яркие эмоциональные переживания, но и прекрасные тактильные ощущения. Вступая в активное взаимодействие с персонажами сенсорной книги, ребенок ощущает этот мир наиболее полно, всеми данными ему природой органами чувств. Сенсорные книги вызывают искренний интерес детей, а значит, нет нужды заставлять ребенка заниматься. Он делает это сам, а различные приятные тактильные ощущения являются достаточно сильным стимулом к занятиям. Сначала ребенок стремится не прочесть или услышать, а потрогать! [2, с. 73].

На примере сенсорной книги, в основу которой легли известные произведения Александра Сергеевича Пушкина, написанные в разное время его жизни в разных географических точках Российской Империи, рассмотрим организацию коррекционного занятия в начальной школе.

Несколько слов о содержании сенсорной книги. В комплекте представлен сенсорный коврик, разделенный на 20 пронумерованных квадратов, и набор текстильных страниц с иллюстрацией мест, где бывал поэт. На изнаночной стороне каждой страницы расположен карман, в который вкладываются плоскостные текстильные куклы – герои сказок, задание для перехода к следующей странице и реальная иллюстрация (фотография) рассматриваемого географического объекта, представленная виде отдельных частей, которые учащийся должен собрать. Страницы книги и сенсорный коврик изготовлены из хлопка, ситца и бязи. Страницы легко отделяемы друг от друга, поэтому каждую из страниц можно использовать как отдельный элемент. В комплект наглядного пособия входят плоскостные куклы из фетра – герои сказок. По своим внешним признакам герои очень быстро узнаются детьми.

В процессе изготовления пособия планировалось его использование в начальной школе. В связи с этим были отобраны произведения поэта, доступные к пониманию учащихся данной возрастной категории с учетом статуса ОВЗ. На занятиях с использованием сенсорной книги учащиеся знакомятся со стихами: «Эхо», «Няне», «Зимнее утро», «Зимний вечер», «Птичка», «Зимняя дорога», «Туча», с отдельными отрывками из поэмы «Руслан и Людмила»: «У лукоморья дуб зеленый», «Евгений Онегин» и сказками «О царе Салтане...», «О мертвой царевне...», «Золотая рыбка».

Учитывая особенности восприятия детей, посещающих коррекционные занятия, биография поэта в процессе использования методики имеет ознакомительный характер. В связи с этим, многие факты биографии поэта, сложные к пониманию в методике, отсутствуют. Таким образом, учащиеся путешествуют вместе со страницами сенсорной книги по главным местам детства, юности, взрослой жизни поэта. Одновременно происходит ознакомление детей с окружающим миром. Из сенсорной книги они узнают интересные факты о столице нашей Родины, о ее южных границах, о нашем родном городе – Санкт-Петербурге и одном из его самых живописных пригородов – Царском Селе.

В процессе изготовления пособия определен список самых значимых для творчества поэта мест, с которым стоит познакомить учащихся.

1. Москва. Немецкая Слобода – место рождения поэта – 1799 г.
2. Царскосельский лицей. 1813–1817 г.
3. Крым.
4. Кавказ.
5. Село Михайловское.
6. Болдино.
7. Москва.
8. Санкт-Петербург.

Для ознакомления рекомендуется выбирать игровую форму занятий. Как показывает практика, учащиеся с интересом включаются в игру, предложенную педагогом, а яркие моменты занятия способствуют активизации процессов памяти.

Задания для игровых занятий разнообразны. Один из вариантов: провести с учащимися ознакомительную беседу и предложить им разложить на сенсорном коврике страницы с иллюстрациями. Вероятно, они уже знакомы с отдельными стихами, строчками из стихов А.С. Пушкина. Второй вариант – зачитывать описание, предлагать подсказку в виде задания, например, прочитать название по первым буквам имен существительных. Последнее задание способствует активизации процессов внимания, автоматизации знаний, полученных на уроке русского языка, что и является основной целью коррекционных занятий.

Путешествие в Царское Село, к примеру, занимает четыре страницы. Они представляют достопримечательности пригорода во все времена года: зимой, весной, летом и осенью. В карман с изнаночной стороны страницы вкладывается стихотворение, посвященное соответствующему времени года, в котором допущены орфографические ошибки; учащийся должен исправить ошибки и прочитать текст стихотворения. Например, к странице, на которой изображена весна, прикреплено стихотворение «Гонимы вешними лучами...». Отмечается, что у поэта любимым временем года была осень, весну он любил

мало, даже писал об этом в своих стихах. Поэт не любил и лето, об этом он также писал «О лето, красное, любил бы я тебя...». Именно поэтому большая часть иллюстраций сенсорной книги выполнена в осенних тонах. Учащийся без труда запоминает, что у А.С. Пушкина много красивых стихотворений об осени, без труда сможет определить, при прочтении учителем, о каком времени года идет речь; таким образом, данный вид деятельности способствует развитию словесно-логического мышления.

Особое внимание на занятиях с сенсорной книгой уделяется селу Михайловскому. Это отдельный период в жизни поэта. В силу выше указанных обстоятельств, не стоит обсуждать причины столь длительного пребывания Александра Сергеевича Пушкина в ссылке на коррекционных занятиях. Предполагается поговорить о природной красоте здешних мест, посмотреть фотографии, сложить картинку из частей (развиваем мыслительные операции), поговорить о сказках, о няне поэта, которая знала огромное количество народных сказок, песен, о стихотворении «Зимний вечер» и «Зимнее утро».

Санкт-Петербург представлен на страницах сенсорной книги домом на Мойке, где жил поэт со своей семьей. Учащиеся складывают из частей картинку с интерьерами дома, выполняют задание «Тексты с хвостами», где, читая начало стихотворной строки слева, они ищут ее продолжение справа. Таким образом автоматизируется навык чтения. Развивается понимание текста, активизируются процессы памяти, мышления, внимания.

Путешествие по страницам Пушкинских произведений при помощи сенсорной книги может длиться от четырех до шести – восьми занятий, в зависимости от наполняемости группы. Предлагаемые задания разнообразны. Соответствуют той возрастной группе учащихся, которая находится на занятии в данный момент. Практика показала, что использование сенсорной книги в большой группе учащихся от десяти человек нецелесообразно. Пособие разработано для индивидуальных занятий с логопедом и дефектологом, или для занятий в подгруппе, в которой находится от двух до четырех человек.

Пособие развивает движения пальцев рук, мелкую моторику: пристегивание, шнуровка, прикрепление «липучек», застегивание «молний». Прямая зависимость между уровнем формирования речи и развитием тонкой моторики рук отчетливо прослеживается в ходе индивидуального развития младших школьников. Речь совершенствуется под влиянием кинетических импульсов от рук, точнее от пальцев. Обычно ребенок, имеющий высокий уровень развития мелкой моторики, умеет логически рассуждать, у него достаточно развиты память, внимание, связная речь. Поэтому развитие, усовершенствование движения пальцев рук способствует более быстрому и полноценному формированию у ребенка речи, тогда как неразвитая ручная моторика, наоборот, «тормозит» такое развитие.

134 | Занятия с использованием сенсорной книги способствуют более разностороннему раскрытию индивидуальных способностей ребенка, которые не всегда удается рассмотреть на уроке, развитию у детей интереса к различным видам деятельности, желанию активно участвовать в продуктивной деятельности [2, с. 75].

Длительная, кропотливая, напряженная работа рук способствует повышению умственной работоспособности учителя-дефектолога, улучшению памяти, развитию воображения, что, в свою очередь, оказывает положительное влияние на формирование и совершенствование профессиональных качеств, приобретаются и трудовые навыки, которые не менее важны в педагогической деятельности. В процессе изготовления книги педагог мысленно прорабатывает занятия, которые будут проводиться с использованием книги, изменяет и совершенствует их.

Литература

1. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. Киев: Радянська школа, 1973.
2. Шпакович Е. Л. Сенсорная книга как средство преодоления речевых нарушений детей с ОНР // Актуальные задачи педагогики: материалы III Международ. науч. конф. (г. Чита, февраль 2013 г.). Чита: Издательство Молодой ученый, 2013. С. 72–75.

A. V. Kostrenkova

SENSORY GEOGRAPHY OF THE WORKS OF ALEXANDER PUSHKIN: FROM THE EXPERIENCE OF USING IN CORRECTIONAL WORK WITH CHILDREN WITH THE STATUS OF OVZ

Abstract. The article deals with the author's method of using the sensory book, the content of which is based on the geography of the creative path of Alexander Pushkin, in extracurricular activities with children with the status of «limited health opportunities».

Keywords: touch; fine motor skills; cognitive functions; attention; memory; remedial classes; automation of skill of reading; the life and works of A.S. Pushkin.

ТВОРЧЕСТВО А. С. ПУШКИНА В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ МИРЕ

Т. К. Савченко

TKSavchenko@pushkin.institute

*доктор филол. наук, профессор Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия*

ПУШКИН В «РУССКОМ» КИТАЕ

Аннотация. Проблема «Пушкин в “русском” Китае» вписывается в традицию празднования Дней русской культуры (Пушкинских дней) в среде русской восточной эмиграции (в Харбине), когда имя Пушкина становится символом утраченной Родины.

Ключевые слова: Пушкин; русская эмиграция первой волны; «русский Китай»; Харбин.

Проблему «Пушкин и русская эмиграция первой волны» нельзя отнести к проблемам, мало исследованным отечественным литературоведением, если речь идет о западной эмиграции. Что касается восточной – проблема изучена недостаточно, хотя ее исследованию и посвящен ряд работ. Среди наиболее интересных отметим исследования Г. Мелихова «Маньчжурия далекая и близкая» [13], «Российская эмиграция в Китае» (1917–1924) [14] и «Белый Харбин: Середина 20-х» [12], Е.Н. Таскиной «Неизвестный Харбин» [22] и «Русский Харбин» [23], М. Икуты «Пушкинские торжества в Харбине в 1937 году» [10] и «Пушкин – духовная опора российской диаспоры в Харбине» [9], О. Бакич «Пушкинские дни в Харбине: 1937 год» [2].

Эмигрантская литература «русского Китая» (точнее – «русского Харбина») начиналась на юге Дальнего Востока, в Приморье. Один из современников, побывавший во Владивостоке незадолго до революции, так характеризовал его: «Ни один город в мире <...> не жил так весело и не безумствовал так, как этот порт, где собирались моряки со всего света. Наши офицеры — золотая молодежь царского времени, столбовые дворяне, получившие блестящее воспитание, — задавали тон и сорили деньгами <...> Кутежи приняли такие размеры, что издан был специальный приказ посылать в дальневосточные порты только женатых мужчин» [6, с. 799].

Еще осенью 1921 г. падение Владивостока ничто не предвещает, о чем можно судить по содержанию интервью одного из высокопоставленных японских дипломатов парижской эмигрантской газете «Последние новости», опубликованном на первой странице выпуска: «Все слухи о падении Влади-

136 востока ни на чем не основаны. Мы знаем, что наши войска находятся еще во Владивостоке, а раз наши войска там, то никаких перемен произойти не могло, т. к. японское командование не допустит этого» [15, с. 1].

После падения Дальневосточной республики центр литературной жизни из Владивостока перемещается в Харбин. Беженская волна (известно, что русские эмигранты первой волны избегали употреблять слово «эмигрант», справедливо считая себя «беженцами») приносит с собой в Китай огромное число русских писателей, журналистов и издателей. Беженцы были уверены: за рубежом они ненадолго. Преобладающее настроение эмигрантов первое волны – не только на Востоке, но и на Западе – хорошо отражено в заметке одного из западных эмигрантов — М.В. Вишняка: «Что большевизм в России недолговечен, — в этом сомневаются лишь единицы...» [4, с. 283].

Вся духовная и культурная жизнь русской эмиграции первой волны проходит под знаком Пушкина. Я. Полонский, член Общества друзей русской книги в Париже, исследует неизданные автографы писем Пушкина [17, с. 173–176]. Русский институт в Праге выпускает специально подготовленный «Пушкинский сборник» объемом более 300 страниц [19]. Исследователей русской культуры в Болгарии волнуют различные проблемы, так или иначе связанные с Пушкиным, в том числе проблема «Пушкин и музыка» [21]. Известный историк профессор Е. Шмурло в Праге выпускает этюды о Пушкине [24], а белградский митрополит Антоний рассуждает о Пушкине как православном христианине и нравственной личности [1].

Русские эмигранты постоянно обращались к своим истокам, родной истории. Темой своей лекции, прочитанной на церемонии открытия Русского народного университета в Лондоне (1/14 июля 1922 г.) Н.Т. Беляев счел необходимым выбрать проблему «Начало Руси». В 1925-м текст лекции был опубликован [3]. Одновременно с празднованием Дня русской культуры в Харбине издается специальный красочный «Исторический альбом правителей земли русской», начиная от 9 века (862 г.) и заканчивая годом Октябрьского переворота [11].

Отметим, что в Харбине этого времени немало печатается пушкинских произведений, при этом не только широко известных, но и тех, что были известны до этого лишь узкому кругу специалистов. В первую очередь это «Гаврилиада», которая с предисловием Валерия Брюсова была опубликована там в 1922 г. [5].

На Дальнем Востоке праздник День русской культуры, тесно связанный с именем Пушкина, отмечался с 1926 г. На отчетливо выраженный патристический характер праздника указывает выписка из протокола заседания педагогического совета 1-го Харбинского реального училища (16 апреля 1926 г.): «Ввиду оторванности подрастающего поколения от Родины и ее жизни и необходимости воспитания в нем национального духа, а также приобщения

к культурным ценностям России – приступить к организации Дней Русской Культуры» [7, с. 20].

В организационном собрании по подготовке в Харбине «Пушкинских дней», в частности, принимали участие гимназия ХСМЛ (Христианский Союз молодых людей), гимназия Дризуля, Дальневосточное объединение эмиграции, Казачий Союз, Общество врачей г. Харбина, Торгово-промышленный союз, представители газет «Заря» и «Русское слово», Приморское, Уфимское, Омское, Тобольское, Иркутское и Камское землячества, а также авто- и авиакружки. Сам праздник устраивался 1 Русским реальным училищем, Педагогическим институтом совместно с 1 музыкальной школой, Русским студенческим обществом и Комитетом помощи русским беженцам.

Отметим, что главная гимназия Харбина носила имя А.С. Пушкина. Обучение в ней велось на двух отделениях (гуманитарно-классическом и реальном), работали три подготовительных класса. При наличии двух учащихся из одной семьи третий ребенок обучается в гимназии бесплатно: это условие соблюдалось в абсолютном большинстве харбинских гимназий.

На праздновании Дня русской культуры в Харбине в июне 1930 г. проф. Н.И. Никифоров, выступая с докладом «Русская историческая наука за рубежом», специально отметил заслугу «местной общественности», благодаря которой удалось создать «в Харбине русские учебные заведения, давшие возможность продолжать и научно-педагогическую и научно-исследовательскую работу» [16, с. 9].

В 1937 г. русская эмиграция в последний раз столь широко – выставками, концертами, юбилейными изданиями, торжественными речами, – в сорока двух государствах пяти частей света, отмечала 100-летие памяти национального поэта. Центром праздника стал Париж, а наиболее впечатляющим его моментом – уникальная выставка «Пушкин и его эпоха».

Пушкинский праздник 1937 г. в Харбине имеет длительную предысторию. Годом ранее, в 1936-м, специально для подготовки к этой дате – 100-летию гибели национального русского поэта – Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурии (БРЭМ) учредило Пушкинский комитет, усилиями которого был издан сборник объемом в 240 страниц: «А.С. Пушкин: Избранные произведения». Весь тираж книги разошелся уже в первые месяцы 1937 г.

О периоде интервенции Японии в Китае принято писать однозначно негативно. Но обратим внимание в этой связи на исследование профессора Осацкого университета иностранных языков Митико Икуты «Пушкин – духовная опора российской диаспоры в Харбине», содержащее ряд любопытных сведений о роли японской военной спецслужбы в организации Пушкинских дней 1937 г.

В эти дни в Харбине был выпущен сборник «Россия и Пушкин», включивший огромное число статей о Пушкине русских ученых, в основном

138 | профессоров. Это статьи архимандрита Константина (в миру К.И. Зайцева), профессоров Г.К. Гинса, Н.И. Никифорова, В.В. Энгенфельда и др., посвященные различным проблемам пушкинистики. Приведем названия некоторых публикаций: «Идеалы Пушкина в современной действительности», «Русское прошлое в произведениях Пушкина», «Явное и сокровенное в произведениях Пушкина», «Религиозная проблематика Пушкина», «Пушкин о толпе», «Пушкин и Гете», «Пушкин в Японии», «Пушкин и русские классики в советской России», «Народный дух в поэзии Пушкина», «Пушкин и русский язык».

Сборник был снабжен девятью иллюстрациями, а приложение к нему содержало текст двух известных речей, произнесенных когда-то о Пушкине и его героях на заседаниях Общества любителей российской словесности: речь о Пушкине Ф.М. Достоевского (произнесена 8/20 июня 1880 г.) и О.В. Ключевского «Евгений Онегин и его предки» (произнесена 1 февраля 1887 г.).

Митрополитом Харбинским и Маньчжурским Мелетием (Зборовским) указом от 21 января 1937 г. было издано распоряжение: «...В столетие со дня смерти великого русского поэта А.С. Пушкина 11 февраля отслужить заупокойную литургию и панихиду, предварив соответствующим словом» [9, с. 153].

Обратим внимание на то, что в харбинских учебных заведениях в Пушкинские дни читались доклады на темы: «Актуальное значение Пушкина для эмиграции», «Как читать Пушкина», «Пушкин и русская нация», «Значение Пушкина в русской истории», «Пушкин как учитель жизни».

Любопытно, что материалы о Пушкинских днях публиковали и такие харбинские издания, как «Католический вестник», и выходившая на русском языке газета сионистского толка «Еврейская жизнь».

В Харбине по инициативе и непосредственном участии архимандрита Константина, профессоров П.Л. Казакова и П.И. Савостьянова был опубликован вышедший в свет 15 апреля 1938 г. великолепный альбом «Пушкинь и его время: Альбомъ евтотипий съ сопроводительнымъ текстомъ» [18], ставший одним из наиболее ценных изданий русской восточной эмиграции. Этот образец высокого полиграфического искусства, содержащий огромное число рисунков (207 рисунков на 85-ти отдельных листах двухсторонней мелованной бумаги), иллюстраций, фрагментов работ о Пушкине и документов, связанных с его именем, был опубликован в типографии харбинского издательства «Заря» тиражом в 1.160 экземпляров. Альбом включал четыре больших раздела: «1. Род Пушкина. 2. Александровская эпоха. 3. Николаевская эпоха. 4. Дуэль и смерть Пушкина» [9, с. 154].

«...Узнать Пушкина – значит с особенной силой понять и полюбить Россию и осознать свою кровную связь с ней», – писал в эти дни харбинский журнал «Рубеж» [20]. Богато иллюстрированный сборник «День русской культуры», посвященный празднованию этого дня 1939 г. в Харбине, издан

Харбинским Комитетом помощи русским беженцам [8], и эти издания, по сути, завершили Пушкинские дни в русском зарубежье 1920–1930-х гг.

Итак, традиция празднования Дней русской культуры приобрела в русском зарубежье значение особое. Имя великого национального поэта стало основой «культурной идеологии» эмиграции, символом утраченной Родины.

Литература

1. Антоний, митрополит. Пушкин как нравственная личность и православный христианин. Белград: Царский Вестник, 1929. 24 с.
2. Бакич Ольга. Пушкинские дни в Харбине: 1937 год // Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1999–2000. Т. XXX. С. 243–250.
3. Беляев Н.Т. Начало Руси: Лекция, прочитанная на открытии Русского народного университета 1/14 июля 1922 г. в Королевском колледже Лондонского университета. Лондон–Прага, 1925. 38 с.
4. Вишняк М.В. На Родине: Дальневосточная эпопея // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. Париж, 1921, № 2.
5. Гавриилада. Неизданное произведение А.С. Пушкина / С предисл. Валерия Брюсова. Харбин, 1922.
6. Головкина Ирина (Римская-Корсакова). Лебединая песнь (Побежденные). СПб.: Храм во имя Святых Царственных Страстотерпцев в Сологубовке, 2008. 936 с.
7. День Русской Культуры: Обзор празднования в 1926 году / Сост. Н.А. Цуриков. Прага: Издание Педагогического Бюро, 1927. 44 с.
8. День русской культуры. [Сб., посвященный празднованию Дня русской культуры в Харбине в 1939 г.]. Харбин: Харбинский Комитет помощи русским беженцам, 1939. 30 с.: ил.
9. Икута Митико. Пушкин – духовная опора российской диаспоры в Харбине // Известия Восточного института, 2004. С. 147–155.
10. Икута Митико. Пушкинские торжества в Харбине в 1937 году // Пушкин и мировая культура: Материалы Шестой Международной конференции. Крым, 27 мая – 1 июня 2002 г. СПб. – Симферополь: ИРЛИ РАН, Фонд развития экономических и гуманитарных связей «Москва–Крым», 2003. С. 160–165.
11. Исторический альбом правителей земли русской, 862–1917. [Харбин], [1927]. 15 л. ил.
12. Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 440 с.
13. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991. 318 с.
14. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924). М.: Институт российской истории РАН, 1997. 246 с.
15. На Дальнем Востоке // Последние новости. Париж. 1921, 14 октября, № 459.

- 140 | 16. Никифоров Н.И. Русская историческая наука за рубежом // День русской культуры. Однодневный выпуск, посвященный празднованию «Дня русской культуры». Харбин, 1930. 15 июня.
17. Полонский Я. Неизданные автографы писем Пушкина в Париже. Paris: О-во друзей русской книги, 1932 // Временник О-ва друзей рус. книги. 1932. Т. 3.
18. «Пушкинъ и его время»: Альбомъ евтоипій съ сопроводительнымъ текстомъ / Сост. К. Зайцев, П. Казаков, П. Савостьянов / Под ред. К. Зайцева. Харбин: Центр. Пушкинский комитет обществ. организаций при Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурской Империи, 1938. 216 с., 80 л. ил.
19. Пушкинский сборник / Русский институт в Праге. Прага, 1929. 303 с.
20. Рубеж. Харбин, 1938, 21 мая.
21. Серапин С. Пушкин и музыка: Опыт выявления литературно-музыкальной проблемы. София: Юго-Восток, [1926]. 144 с.
22. Таскина Е.Н. Неизвестный Харбин. М.: Прометей, 1994. 159 с.
23. Таскина Е.Н. и др. Русский Харбин. – 2-е изд., испр. и доп. М.: МГУ, 2005. 352 с.
24. Шмурло Е. Этюды о Пушкине: В 3 ч. Ч. 1–3. [Прага]: «Политика», [б.д.]. 52 с.

T. K. Savchenko

ALEXANDER PUSHKIN IN ‘RUSSIAN’ CHINA

Abstract. The question of Pushkin’s reception in “Russian” China is related to the tradition of celebrating Russian culture days (the so-called “Pushkin days”) observed by Harbin Russians. During the celebrations, Pushkin’s name was synonymous with the lost Motherland.

Keywords: Alexander Pushkin, first-wave Russian emigration, “Russian” China, Harbin.

ПУШКИН В АМЕРИКЕ: К ВОПРОСУ ОБ АУТЕНТИЧНОСТИ, АДАПТАЦИИ И ПЕРЕВОДЕ ПУШКИНСКИХ ТЕКСТОВ

Аннотация. Рассматриваются возможности последовательного изучения Пушкина американскими студентами. Наряду с разработкой технологических методик обучения чтению аутентичных текстов предлагается использовать адаптированные тексты. Для популяризации Пушкина среди более широкой американской публики предлагается использовать переложение его поэтических текстов на язык английский прозы.

Ключевые слова: русский язык; аутентичный текст; адаптированный текст; стихотворный текст; перевод; технологические средства.

В прошлом году в Нью Йорке и других городах США прошла выставка, посвященная 180-летию со дня смерти поэта. В Metropolitan Opera ставятся оперы П.И. Чайковского по произведениям А.С. Пушкина. На сайте Metropolitan, где можно подписаться на просмотр опер с лучшими исполнителями, Пушкин представлен «Борисом Годуновым», «Евгением Онегиным», «Пиковой дамой». Это свидетельство признания и любви в среде музыкальной элиты. Представители русской диаспоры в Америке стараются привить любовь к Пушкину своим детям и внукам. Однако широкой публике, даже образованной, имя Пушкина не знакомо. Как отмечал В. Набоков, в Америке знают только Достоевского. Со времен Набокова ситуация не изменилась, а если изменилась, то не в лучшую сторону. Это связано с общим упадком чтения и, тем более, чтением поэзии в переводе. Имя Пушкина может быть знакомо финансистам благодаря журналу «Fortune», на обложке которого рекламируются часы Breguet на фоне портрета Пушкина и цитаты из «Евгения Онегина».

Знают ли Пушкина изучающие русский язык? Безусловно, в курсе по литературе 19 века, который в основном ведется на английском языке, Пушкин входит в программу. В Мичиганском государственном университете студенты читают «Пиковую даму» и «Медного всадника». Предлагается спецкурс по «Евгению Онегину». В переводе В. Набокова с его литературными и историческими комментариями это становится увлекательным и познавательным

142 | предметом. На продвинутом этапе ведется обсуждение о подходах к переводу поэтического текста, основанное на дискуссии между Набоковым и Уилсоном [1]. Такие спецкурсы рассчитаны на студентов старших курсов и на студентов-«херитажников».

Однако практически возможно пройти двухгодичный курс русского языка, выполнить требования по иностранному языку, так и не услышав имя Пушкина. В лучшем случае, в теме «Книги, литература» будет справка о биографии поэта с упоминанием, что он – «отец русской литературы» [3, с. 35–35], и приведены одно-два его стихотворения, как правило, «Я вас любил» [3, с. 253]. Не лучше обстоит дело и на продвинутом этапе обучения русскому языку. Во многих учебниках для продвинутого уровня текстов Пушкина нет. Надо признать, что тексты Пушкина сложны для студентов 3–4 курсов. Практисты могут возразить против сложного синтаксиса, архаизмов. Предпочтение отдается современным авторам. Значит ли это, что Пушкину нет места в программе по русскому языку для американских студентов? Совершенно очевидно, что человек, посвятивший, как минимум, два года русскому языку, должен иметь представление о Пушкине.

Многие говорят, что Пушкин так же важен для россиян, как Шекспир для англичан. Думаю, что Пушкин для россиян больше, чем Шекспир для англичан, так как язык Пушкина нам ближе, чем язык Шекспира современному англичанину. Для россиян Пушкин дорог языком, неповторимой музыкой стиха, образностью. Однако не менее важны темы, идеи, оригинальность их трактовок, образы Пушкина. Обидно, что это проходит мимо американского читателя, а тем более мимо тех, кто изучает русский язык.

Каким образом популяризировать Пушкина в Америке? Думается, что работа может проходить по двум направлениям. С одной стороны, для студентов, изучающих русский язык. С другой стороны, для более широкой публики.

Возможно ли включать тексты Пушкина в программу русского языка? Учитывая вышеупомянутые трудности, представляется, что эта проблема может быть решена за счет адаптации текстов. Однако в последнее время слово «адаптация» приобрело статус *non-grata* в американской методике обучения второму языку (*second language learning/acquisition*). Стремление использовать только аутентичные тексты приводит к тому, что на начальном этапе тексты представлены в основном диалогами, объявлениями, рекламой, расписанием поездов. На продвинутом этапе используются публицистические тексты, а художественная литература представлена современными авторами.

Думается, что для старших курсов можно предложить «Повести Белкина», сжав их до нескольких страниц. Вопреки общепринятому мнению, поэтические тексты Пушкина, как показывает опыт, пользуются популярностью среди студентов. Современные технологии позволяют услышать и увидеть несколько вариантов чтения одного и того же стихотворения. На многие

стихи Пушкина написаны романсы, которые можно слушать в современном исполнении. Студентам также нравится задание «try your hand in translation»/ «попробуем перевести сами».

Несмотря на начальное неприятие выучивания наизусть стихотворений, этот вид работы пользуется популярностью. И.А. Бродский, который заставлял своих студентов учить стихи, говорил, что «каждое выученное наизусть стихотворение вы можете считать своим, будто сами его написали» [2]. Недаром на английский *выучить наизусть* переводится *learn by heart/ выучить сердцем*. Один из моих студентов образно сказал о выучивании наизусть поэзии: «Когда еще я могу подержать во рту две минуты русский текст, такой вкусный. И я могу это делать, когда захочу».

Биография поэта, основанные на ней примеры, задания на лексику и грамматику, употребление предлогов, примеры, задания на даты из жизни поэта могут быть использованы на начальном уровне (*женат на, старше на, на Кавказе – в Крыму*). На продвинутом этапе можно давать примеры на более сложные грамматические явления, а также на расширения словарных гнезд (*вызвать на дуэль – звать – называть; был сослать – ссылка – слать – посылать – посылка*). Примеры, взятые из стихов, цитат Пушкина запоминаются лучше, так как имеют интеллектуальную содержательную ценность и остаются в памяти на многие годы.

Тему *глагол* можно вводить цитатой из Пушкина: «Глаголом жги сердца людей», – попутно упомянув значение литературы и роль поэта. Надо сказать, что вплетение в языковые занятия интеллектуального культурологического элемента, а не только бытового культурологического элемента, придает занятиям особую привлекательность. Афоризмы (*с корабля на бал, у разбитого корыта, привычка свыше нам дана...*) могут звучать в речи преподавателя. Рекомендуются поддерживать эти цитаты контекстами из Интернета, а также давать задания на употребление в своем контексте. Такие высказывания, как: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство», – могут быть предметом маленькой дискуссии или эссе. Интересным заданием может быть составление цитатника Пушкина с переводом на английский язык и кратким пояснением.

Конечно, наряду с адаптацией текстов необходимо развивать навыки чтения аутентичных текстов. Наш проект «Russian Reader», используя программу «Captivate», решает эту задачу за счет системной и последовательной работы над словарем. Минимальное использование перевода за счет системы заданий, использующих специфику русской морфологии, а также заданий на развитие прогнозирования и стратегий понимания текста делает эту программу уникальной. Она используется для разных уровней и для самостоятельного продолжения изучения русского на основе чтения. Проект открывается повестью Пушкина «Выстрел».

144 | Что касается популяризации Пушкина для широкой публики, т.е. для того, чтобы донести до американского читателя Пушкина, можно предложить не перевод, а передачу пушкинских текстов на язык английской прозы. Сюжет «Сказки о царе Салтане», «Руслана и Людмилы» не может не захватить воображения. Образы Черномора, говорящего кота, Руслана, сражающегося с Головой, могут стать любимыми для американских детей. В то время как краткость и драматизм «Маленьких трагедий» с психологическим исследованием характера скупца, завистника – актуальны для старшего читателя.

Литература

1. J. Douglas Clayton. The Theory and Practice of Poetic Translation in Pushkin and Nabokov// Canadian Slavic Papers. 1983. Vol. 23. No 1. P. 90–100.
2. Brad Liethauser. Why we should memorize//The New Yorker. 2015. <https://www.newyorker.com/books/page-turner/why-we-should-memorize>
3. Robin, R, Evans-Romaine, K, Shatalina G. Golosa: A Basic Course in Russian. Book 2. Pearson 2014. 483p.

Z. M. Kumakhova

PUSHKIN IN AMERICA: TO THE PROBLEM OF AUTHENTIC, ABRIDGED TEXTS AND TRANSLATION OF PUSHKIN TEXTS

Abstract. The paper deals with the possibilities of more systematic studying Pushkin by American students. Along with the development of on line technologies of teaching reading authentic texts, it is suggested that abridged texts should be used as well. To introduce Pushkin to a wider American audience, renditions of Pushkin poetic texts into English prose are encouraged.

Keywords: Russian language, authentic texts, abridged texts, on line technology.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛАКУНАРНЫЕ ЕДИНИЦЫ В ПРОЗЕ А. С. ПУШКИНА И СПОСОБЫ ИХ ЭЛИМИНАЦИИ В ГРУЗИНСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация. Статья посвящается анализу вопросов межъязыковой лакунарности, имеющей место при переводе прозаических произведений А.С. Пушкина на грузинский язык. Исследуются способы элиминации текстовых лингвокультурологических и социально-исторических лагун, появление которых обусловлено культурой и историей русского этноса.

Ключевые слова: лакунарные единицы; элиминация; межкультурная коммуникация; перевод.

Современное переводоведение выдвинуло новые требования к качественному переводу. Если раньше как основное требование рассматривалось соответствие стилю оригинала, то на современном этапе развития переводческой теории и практики важнейшим условием верности и точности перевода является обеспечение приемлемого способа коммуникации между представителями различных культур и языков. Перевод стал рассматриваться не только как акт лингвистический, но и культурный, акт коммуникации на границе культур. «Становятся очевидными необходимость самого пристального изучения межъязыковых социокультурных соответствий и актуальность этой проблемы для оптимизации межкультурного общения, а также для совершенствования методов преподавания иностранных языков, для теории и практики перевода и лексикографии» [3, с. 50]. Смысл лингвистического элемента не может быть раскрыт полностью и без ущерба, если он не опирается на культурный контекст, в котором употребляется.

Идея отражения языком культурной реальности наиболее ярко и наглядно демонстрируют труднопереводимые или неперевоаемые языковые единицы. Хотя в целом в лексическом составе языка удельный вес безэквивалентной лексики невелик (6–7%, по данным Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова), именно они «показывают глубокие корни отечественной истории и общест-

146 | венной жизни» [2, с. 51]. Одной из причин появления лакунарных единиц, коррелирующих с лакунами сопоставляемого языка, являются различия в культурах и истории народов, носителей разных языков. В таком случае лакунарные единицы характеризуются как лингвокультурологические и социально-исторические лакунарные единицы [1, с. 25]. Анализ культурных элементов особенно важен при переводе произведений классиков, в частности А.С. Пушкина как представителя определенной эпохи и определенного класса.

Сотни выражений, встречающихся в сочинениях А.С. Пушкина и отражающих общественные отношения и бытовые особенности России первой половины XIX века, вызывают трудности в понимании не только у инокультурных, но и у русских читателей. По словам филолога и журналиста Ю.А. Федосюка, эти слова либо непонятны вовсе, либо понимаются превратно. Человеку, знакомому лишь с метрической системой, неясно, богат или беден помещик, владеющий двумястами десятин земли, сильно ли пьян купец, выпивший «полштофа» водки, щедр ли чиновник, дающий на чай «синенькую», «красненькую» или «семитку». Кто из героев выше по положению, когда одного титулуют «ваше благородие», второго – «ваше сиятельство», а третьего – «ваше превосходительство»? Отдельные события того ли иного романа происходят в «Успенев день» или «на Фоминой неделе», но если тут не дается описания природы, читателю непонятно ни время года, ни хронология событий [4, с. 3].

Перед переводчиками прозаических произведений А.С. Пушкина неизбежно встает проблема преодоления культурного и языкового барьера при передаче лингвокультурологических и социально-исторических лакунарных единиц. Наблюдения, сделанные нами на основе анализа грузинских переводов пушкинской прозы, могут быть полезны и для общей теории перевода, и для межкультурной коммуникации.

Проза А.С. Пушкина вызывает интерес у современного грузинского читателя. Об этом свидетельствует количество просмотров (более трех с половиной тысяч к моменту написания настоящей статьи) электронной версии перевода его повестей, размещенного на сайте «Саба – Дом электронной книги». Исходя из актуальности и значимости творчества великого русского писателя для грузинской аудитории, мы поставили своей целью исследовать стратегии практического решения перевода лингвокультурологических и социально-исторических лакунарных единиц с точки зрения успешности межкультурной коммуникации.

Семантическое поле рассматриваемых лакунарных единиц, встречающихся на страницах пушкинской прозы, образуют разнообразие тематические группы, среди которых можно выделить следующие: 1) церковный календарь; 2) термины родства и свойства, обращение; 3) наименования мер и весов; 4) деньги и ценные бумаги; 5) административные и правовые термины; 6) чины и звания; 7) ордена и медали; 8) сословия; 9) одежда; 10) транспорт;

11) быт и досуг. Особую группу составляют имена собственные: наименования исторических событий, топонимы (названия улиц, мостов, площадей и т.п.), антропонимы (наименования исторических лиц и представителей русской культуры) и др.

Для передачи лексических единиц данных тематических групп в грузинских переводах используются такие стратегии, как трансформация (техника перевода, при которой слово из языка оригинала переносится в язык перевода) и компонентный анализ (разложение лексических единиц на смысловые компоненты).

При трансформации используется прием транслитерации, когда русское слово передается буквами грузинского алфавита. Подобная трансформация продиктована необходимостью наряду с предметным значением (семантикой) реалии передать и колорит (коннотацию) – ее национальную и историческую окраску, например: сермяга – სერმიაგა, сарафан – სარაფანი, уха – უხა, щи – შიი, капот – კაპოტი, гусар – ჰუსარი, Басманная – ბასმანიაი, Никитская – ნიკიტსკაი, Никитские ворота – ნიკიტსკიე ვოროტა, Разгуляй – რაზგული, «Сенатские ведомости» – «სენატსკიე ვედომოსტი», Пресненские пруды – პრესნენსკიე პრუდი, десятина – დესეტინა и др. Некоторые реалии фиксируются в толковых словарях грузинского языка с пометами, указывающими на их русское происхождение. Статус заимствованных слов приобрели в грузинском языке такие реалии, как: «грош», «верста», «десятина», «сарафан», «самовар» и др.

Для успешного акта коммуникации читатель должен в той или иной степени владеть русским языком, располагать сведениями об истории и культуре русского народа. При отсутствии таких знаний семантическое наполнение транслитерированной единицы остается непонятным или неправильно трактуется, что закономерно ведет к сбою в коммуникации. Такие транслитерированные лакунарные единицы не зафиксированы в толковых словарях грузинского языка, поскольку не принадлежат к его системе. На наш взгляд, транслитерированные наименования не представляют коммуникативной ценности, если их толкование не поддерживается контекстом или соответствующим комментарием: «ვეჩე» («вече»), «კოლეჟსკი რეგისტრატორი» («коллежский регистратор»), «კაპოტი» («капот»), «კარტუზი» («картуз»), «არმიაკი» («армяк») и др.

О семантическом наполнении транслитерированных лакунарных единиц в ряде случаев можно догадаться по ситуативному контексту. Обратимся к следующему фрагменту из романа «Дубровский»:

«После обеда Кирила Петрович предложил ехать верхом, но князь извинился, указывая на свои бархатные сапоги и шутя над своею подагрой; он предпочел прогулку в линейке, с тем, чтоб не разлучаться с милой своей соседкою. Линейку заложили. Старики и красавица сели втроем и поехали».

Лексема «линейка» передается в переводе транслитерированным наименованием «ლობეოკა». В данном примере ключевые слова контекста («заложили», «сели», «поехали») явно указывают на то, что речь идет о каком-то средстве передвижения, хотя и не передают всей информации о реалии («линейка» – длинный многоместный открытый экипаж, в котором сидят боком к направлению движения).

Таким образом, основным фактором, позволяющим сделать вывод о целесообразности использования приема трансформации, по нашему мнению, является успешность в решении проблем, возникающих в межкультурной коммуникации.

В отличие от трансформации метод компонентного анализа на первый план выдвигает не культурный аспект, а смысл сообщения. При этом происходит утрата прагматического потенциала оригинала и исходный текст максимально адаптируется для чтения на грузинском языке. Сказанное можно продемонстрировать на примере перевода наименований средств передвижения. Пушкинские герои используют для передвижения кареты, коляски, кибитки, дрожки, брички, линейки. Выбор средств передвижения в произведениях А.С. Пушкина не бывает случайным. Вид повозки, количество впряженных лошадей, способ путешествия (на своих или почтовых) – все это глубоко продумано и обосновано и строго регламентировалось в зависимости от чина и сословия владельца. В грузинском языке данная тематическая группа не располагает таким богатством номинаций средств передвижения, и в двуязычных словарях им соответствует одно слово – «ეტლი». Если раньше при передаче этих слов переводчики стремились сохранить национальный колорит, прибегая к транслитерированию некоторых наименований («бричка» – «ბრიჭკა», «кибитка» – «კიბიტო», «линейка» – «ლობეოკა»), то в новейшем переводе прозаических произведений А.С. Пушкина, увидевшем свет в 2011 году (переводчица Тamar Беридзе), все перечисленные выше наименования средств передвижения переводятся одним словом – «ეტლი».

Использование метода компонентного анализа имеет место и при переводе наименований денежных единиц и мер длины, например: «полсотни червонцев» – «ორმოცდაათი ათმანეთიანი», «гривенник» – «ორი მარტი», «полтина» – «ათმარტიანი», «полушка» – «გრემი», «червонцы» – «თუშბიანები», «на вершок» – «ერთ გოჯზე» и др. Элиминирование данных лагун происходит за счет процесса заполнения, т.е. смысл реалии раскрывается средствами грузинского языка и культуры.

Для разъяснения значений единиц с национальным компонентом в грузинских переводах пушкинской прозы успешно используются различные виды комментариев, в которых содержатся энциклопедические, лингвострановедческие или лингвистические сведения о тех или иных наименованиях, событиях или персоналиях. Кстати, следует упомянуть о случаях,

когда отсутствие комментария затрудняет понимание текста или искажает его. В рассказе «Рославлев» читатель узнает, что отец главной героини был «заслуженный человек, то есть ездил цугом и носил ключ и звезду». Ношение золотого ключа на голубой ленте являлось знаком отличия камергера (придворное звание). Если бы переводчики рассказа сопроводили этот факт комментарием, грузинскому читателю стало бы понятно, на каком основании персонаж причислен к «заслуженным» людям. Отсутствие комментария к слову «ключ» вызывает в сознании грузинского читателя лишь буквальный образ, который никак не ассоциируется со знаком отличия.

Комментарий необходим и в тех случаях, когда без знания сведений из истории России невозможно или затруднительно адекватное понимание текста. Вряд ли грузинскому читателю придет в голову, что древнее здание с изображением двуглавого орла в «Истории села Горюхино» – это обычный кабак, если он не знает, что двуглавый орел – государственный герб России – означал монополию государства на торговлю спиртными напитками.

Из-за отсутствия комментария грузинскому читателю приходится ломать голову над тем, что значит «чиновник четырнадцатого класса». Устранение буквализма в восприятии данной реалии возможно благодаря энциклопедическому комментарию (в начале XIX века иерархия чинов стала определяться Табелью о рангах – основным законоположением, регулирующим с 1722 года систему гражданских и военных чинов в государстве).

Таким образом, появление интеръязыковых лингвокультурологических и социально-исторических лакун в грузинском переводе обусловлено такими причинами, как отсутствие в грузинской культуре и истории традиций, явлений и исторических процессов, происходивших в России пушкинской эпохи. Трудности при выборе наиболее приемлемого способа элиминации лакунарных единиц сопряжены, с одной стороны, с отсутствием в грузинском языке соответствия (эквивалента, аналога), обусловленного отсутствием обозначаемых лакунарными единицами объектов в грузинской культуре и истории; с другой стороны – необходимостью сохранить их национальную и историческую окраску. Переводчику приходится решать, насколько важны в данном ситуативном контексте специфические культурные элементы. От правильности выбранных им переводческих стратегий зависит успешность межкультурной коммуникации.

Литература

1. Байрамова Л.К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 25 (240). Филология. Искусствоведение. Вып. 58. С. 22–27.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990, 246 с.

- 150 | 3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 264 с.
4. Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта, 2017. 264 с.

N.G. Sitchinava

**LINGUO-CULTURAL AND SOCIO-HISTORICAL LACUNAR UNIT
IN THE PROSE OF A.S. PUSHKIN AND THE METHODS FOR THEIR
ELIMINATION IN THE GEORGIAN TRANSLATION**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the issues of cross-language lacunarity that takes place in the translation of prose works of A. S. Pushkin into the Georgian language. The ways of elimination text linguocultural and social historical lacunae, the appearance of which is caused by the culture and history of the Russian ethnic group, are investigated.

Keywords: lacunar units; elimination; cross-cultural communication; translation.

Д. В. Туманов

dvt1964@yandex.ru

*кандидат филол. наук, доцент Казанского федерального университета
Казань, Россия*

Л. Г. Егорова

lge1964@yandex.ru

*кандидат социол. наук, доцент Казанского федерального университета
Казань, Россия*

ПУШКИНИАНА 1937 ГОДА: ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Авторы рассматривают процессы интеграции пушкинского наследия в иноязычную культуру полилингвального региона через призму подготовки к празднованию столетней годовщины со дня смерти поэта. Картографируя публикации в татарстанской прессе, они выявляют главные компоненты аккультурации, направленной на формирование межкультурной коммуникации и создание новой общности – единого советского народа.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; перевод на татарский язык; полилингвальный регион.

Подготовка к Пушкинским дням началась задолго до ожидаемых событий: 16 декабря 1935 года советское правительство приняло постановление о подготовке к столетию со дня смерти А. Пушкина, а 14 апреля 1936 года газета «Красная Татария» сообщила о создании Республиканского пушкинского комитета.

Своеобразным прологом к кампании 1936–1937 годов стал выход в 1934 году специально посвященного А. Пушкину тома «Литературного наследства». В редакционной предисловии к нему перед советским народом ставилась задача «овладеть всем, что есть в наследии Пушкина здорового, жизненного и революционного, всем, что может быть использовано в строительстве культуры бесклассового социалистического общества» [12, с. 1].

Отсюда – совокупный одиннадцатимиллионный тираж сочинений А. Пушкина за один только 1936 год [6]. Отсюда – активизация краеведческой пушкинианы. Отсюда – поиски и межнациональных связей поэта.

Журнал «Совет эдэбиаты» публикует перевод на татарский язык очерка Б. Томашевского «Пушкин» [18] и статью К. Наджми «Пушкин и татарская литература» [13], газета «Красная Татария» – статью Г. Гали «Пушкин и та-

152 | тарская литература» [4]. Кроме того, газета «Красная Татария» помещает серию краеведческих материалов: статьи разных авторов объединены общей шапкой «Пушкин в Казани» [16].

Однако уже через полгода после создания Комитета в «Красной Татарии» появляется статья с весьма симптоматичным названием «Не искажайте Пушкина!», автор которой ведет разговор о переводах произведений А. Пушкина: «То, что в 1936 году в плане Татгосиздата отведено солидное место изданию произведений А. Пушкина, – несомненно, крупное событие. Закончено печатание “Капитанской дочки” в переводе писателя А. Шамова. Книга на днях поступит в продажу. Печатаются “Дубровский” в переводе писателя Махмуда Максуда, “Повести Белкина” в переводе Сарвар Адгамовой. Переведен “Борис Годунов”. Переводятся “Полтава”, “Бахчисарайский фонтан”, “Евгений Онегин”, готовится сборник лирических стихов. Специально для детей с многокрасочными рисунками будут изданы сказки» [19].

Обращает на себя внимание сам подбор переводимых произведений. А. Пушкин предстает перед читателем, прежде всего, как поэт, из прозы публикуются лишь произведения приключенческого жанра, такие как «Повести Белкина», «Дубровский» или «Капитанская дочка». Однако автора статьи волнует не это: подробно анализируя качество переводов, он приходит к выводу, что «наблюдаются некоторые тенденции такого, мягко выражаясь, легкого подхода к переводам Пушкина», который граничит с халтурой. Так, по результатам исследования С. Уральяца, исказили смысл стихотворений юбиляра и А. Файзи, переводчик «Памятника», и Н. Арсланов, переводчик послания «В Сибирь», и Х. Туфан, переводчик «Узника», «В Сибирь» и «Коня». Причем, замечает автор статьи, «все эти переводы Хасана Туфана относятся к 1931 году и самим же переводчиком признаны неудовлетворительными». Своеволие публикаторов дополняется своеволием переводчиков: «Не менее квалифицированный поэт Ахмет Ерикеев тоже не пощадил Пушкина, – констатирует далее С. Уралец. – Он ни с того ни с сего к стихотворению “Цветок” приписал четыре строчки из шестнадцатистрочного стихотворения “Не пой, красавица, при мне”» [19].

Позиция газеты «Красная Татария» однозначна: качество переводов на татарский язык – дело первостепенной важности. Но вместе с тем редакция следила и за изданиями поэта на русском языке. Через неделю здесь появляется статья «Как в Курске издают Пушкина» [3], отмечающая, что «Дубровский», вышедший в издательстве «Курская правда», также мало способствует знакомству с подлинным творчеством юбиляра – «в книгу включены только четыре главы из этой повести», а в предисловии, рассказывающем о любви В. Ленина к А. Пушкину, поэту приписывается стихотворение Н. Некрасова. Таким образом, призыв: «Не искажайте Пушкина!», – стал основным мотивом всех выступлений газеты.

В декабре, возвращаясь к деятельности Республиканского пушкинского комитета, газета среди прочих многочисленных упреков в бездеятельности вновь задает вопрос: «Как собирается реагировать Пушкинский комитет на вопрос, выдвинутый “Красной Татарией”, – о качестве переводов пушкинских произведений на татарский язык?» [14].

«Впрочем, мы были бы неправы, обвинив Пушкинский комитет в полном бездействии, – иронизирует в этом материале газета. – В неизвестный день октября комитет разослал по районным отделам народного образования инструкцию, где предлагалось отмечать годовщину в декабре 1937 года. Мы надеемся только на то, что в отдаленных районах Татарии лучше, чем в наркомпросовских дебрях, знают дату смерти великого русского поэта – 10 февраля 1837 года» [14].

Газета внимательно следит за тем, как по школам и вузам, клубам и избачитальням идет подготовка к пушкинским дням, введя на своих страницах специальную рубрику «К пушкинским дням». Среди отмеченного – цикл лекций в центральной библиотеке имени В. Ленина, в татарской библиотеке имени М. Вахитова – выставка произведений поэта и литературный концерт на русском и татарском языках, подготовка к большому вечеру началась в клубе работников Госторговли, а в юридическом институте – пушкинская конференция, на которой представлены доклады «Биография А.С. Пушкина», «Пушкин-лирик», «Пушкин-прозаик», «Пушкин о языке», «Пушкин в татарской литературе», «Пушкин как историк» и другие [10]. В следующих подборках не менее тщательно освещается подготовка в Татарском педагогическом техникуме и в Педагогическом институте [9].

Но самым подробнейшим образом освещалась подготовка Казанского университета [11]. В нем, сообщает газета, для руководства подготовкой к Пушкинским дням создана специальная комиссия, председателем которой стал ректор университета профессор Г. Камай. О деятельности этой комиссии с ноября 1936 года рассказывает и газета «Ленинец», регулярно печатающая «Пушкинский уголок», а в январе и феврале 1937 года даже выпускаются специальные номера университетской газеты, посвященные А. Пушкину.

Накануне события «Красная Татария» публикует обзор районной печати [17], отмечая, что «некоторые газеты рассматривают подготовку к 100-летней годовщине со дня гибели поэта как своеобразную кампанию», другие же, напротив, «совсем забывают о Пушкине». Как пример последнего «Красная Татария» констатирует: «Газета “Голос колхозника” (Мамадыш) в номере от 7 ноября провела интересную переключку мамадышских колхозников с поэтом Некрасовым, противопоставив убогую и нищую Русь зажиточной, цветущей советской стране. Отдельные отрывки из поэмы “Кому на Руси жить хорошо” чередуются с высказываниями колхозников об их жизни. Но и эта газета не догадалась приблизить Пушкина к массам».

Политика газеты сводилась к тому, чтобы отстоять «чистоту» произведений поэта и сделать их доступными самым широким слоям общества. Для этого использовалась и та психологическая особенность, которая побуждает совершать поступок лишь для того, чтобы о нем узнало как можно больше людей. Рассказывая о подготовке к Пушкинским дням в каждом отдаленном клубе, «Красная Татария» исподволь побуждала к подражанию хорошим примерам. Так, она сообщила о пионерах Верхне-Услонской средней школы, в течение месяца готовившихся к пушкинскому сбору. В классах были выставлены рисунки и картины пионеров на тему «О жизни А.С. Пушкина», подготовлены стенды с вырезками из газет и журналов, где публиковались материалы о поэте, были разучены отрывки из «Евгения Онегина» [15]. Рядом – заметка об учащихсЯ казанской средней школы №9, репетирующих постановку «Бориса Годунова» и фрагменты опер «Евгений Онегин» и «Русалка» [2]. А иллюстрацией к материалу В. Кирпотина «Пушкин и современность» стал карандашный рисунок ученика средней школы № 7 Ворошиловграда В. Горячева [7].

Статья В. Кирпотина посвящена гуманизму творчества А. Пушкина. Литературовед подчеркивает: «Гонимый со всех сторон, затравленный правительством и холопским обществом, Пушкин погиб от руки международного проходимца, находившегося на царской службе», но идеалы всеобщего счастья, бывшие мечтой поэта, не погибли, «сегодня эта мечта реализуется в стране Ленина и Сталина» [7].

Тема совпадения столетия со дня гибели А. Пушкина и принятия новой Конституции стала одной из ведущих в эти дни. К пушкинской дате был опубликован на страницах газеты плакат ИЗОГИЗа, автором которого был видный театральный художник и сценограф Б. Кноблок, на котором поэт, читающий стихи, возвышается над толпой, несущей транспарант с портретом И. Сталина и крылатой сталинской фразой: «Жить стало лучше, жить стало веселей» [8].

Местная печать, вторя центральной, отдавала страницы многочисленным доказательствам всенародной любви к поэту. «Великий русский поэт живет среди нас, – подчеркивается в статье “Дуэль и смерть Пушкина”. – Мы чтим и любим его, и сила любви превращается в силу ненависти к гадине русского самодержавия, убившего великого поэта и великого гражданина, в силу ненависти ко всем слугам черной реакции современности, ко всем тем, кто в обнимку с фашистами пытается пакостить свободному советскому народу» [1].

Возбуждение нового чувства – чувства ненависти ко всем врагам близкого А. Пушкину социализма – особенно пригодилось в первые годы Великой Отечественной. Но пробный камень использования метода инверсии чувств

уже брошен, хотя на календаре только 1937 год: сделана попытка преобразования позитивного чувства (любовь) в негативное (ненависть).

Местная печать стремилась показать связь поэта с малой родиной каждого советского человека. Отсюда стремление казанской публицистической пушкинианы рассмотреть черты «живого» А. Пушкина, воссозданные советским пушкиноведением. Под общим заголовком «За что мы любим Пушкина. Молодежь о великом поэте» «Красная Татария» публикует размышления казанских студентов [5]. Газета пытается связать с именем поэта все, с чем соприкасается человек. Сюжеты уже упоминавшихся материалов «Пушкин в Казани» – это Троицкая Нокса, дом К. Фукса, дом Л. Крупеникова, Кремль, это и казанские друзья А. Пушкина, и даже история улицы, носящей имя поэта... То есть все то, с чем каждый день соприкасается житель Казани.

Призванные широко популяризировать в читательских массах А. Пушкина как национального гения, ставшего, вместе с тем, поэтом интернациональным, горячо любимым советским народом и всем прогрессивным миром, газеты не скупилась на материалы нейтральные, одновременно побаиваясь давать материалы с политической оценкой творчества А. Пушкина.

Всероссийский «культ личности пушкинского слова» еще не полностью утвердился в общественном сознании к двадцатой годовщине Октябрьской революции, но имя поэта уже стало вхожим в каждый дом. Обращение к классическому наследию, переводы произведений поэта на родной язык татар и многочисленные краеведческие изыскания давали положительные результаты в духовно-нравственном воспитании личности, приобщали к лучшим образцам классического литературного наследия, формируя межкультурную коммуникацию в полилингвальном регионе.

Литература

1. Беус Н. Дуэль и смерть Пушкина // Красная Татария, 1937, 17 января.
2. «Борис Годунов» в школе № 9 // Красная Татария, 1936, 16 ноября.
3. Владимиров В. Как в Курске издают Пушкина // Красная Татария, 1936, 27 октября.
4. Гали Г. Пушкин и татарская литература // Красная Татария, 1937, 10 февраля.
5. За что мы любим Пушкина. Молодежь о великом поэте // Красная Татария, 1936, 16 декабря.
6. Кипренский А. Новая биография Пушкина // Комсомольская правда, 1940, 20 июля.
7. Кирпотин В. Пушкин и современность // Красная Татария, 1936, 16 ноября.
8. Кноблок Б. «Товарищ, верь...» // Красная Татария, 1937, 6 февраля.
9. К пушкинским дням // Красная Татария, 1936, 27 ноября.
10. К пушкинскому юбилею // Красная Татария, 1936, 16 октября.

- 156 | 11. К столетию со дня смерти А.С. Пушкина // Красная Татария, 1936, 21 декабря.
12. Литературное наследство. – М.: 1934. – т. 16–18. – 1183 с.
13. Наджми К. Пушкин һәм татар эдэбиаты // Совет эдэбиаты, 1937, № 2.
14. Накануне пушкинских дней // Красная Татария, 1936, 17 декабря.
15. Пионеры готовятся к пушкинским дням // Красная Татария, 1936, 16 ноября.
16. Пушкин в Казани // Красная Татария, 1936, 6, 9, 12, 15 и 30 декабря; 1937, 9 января и 10 февраля.
17. Районная печать накануне пушкинских дней // Красная Татария, 1936, 19 декабря.
18. Томашевский Б. Пушкин // Совет эдэбиаты, 1936, № 9–12.
19. Уралец С. Не искажайте Пушкина! // Красная Татария, 1936, 19 октября.

D. V. Tumanov

L. G. Egorova

PUSHKINIAN 1937: FORMATION OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Abstract. The authors consider the processes of integrating Pushkin's heritage into the foreign culture of the polylingual region through the prism of preparations for the celebration of the centenary of the poet's death. Mapping publications in the Tatarstan press, they reveal the main components of acculturation, aimed at creating intercultural communication and creating a new community – a single Soviet people.

Keywords: intercultural communication; translation into the Tatar language; polylinking region.

Я.А. Чиговская-Назарова

кандидат филол. наук, доцент Глазовского государственного педагогического института им. В.Г. Короленко
Глазов, Россия

ПУШКИНИАНА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УДМУРТИИ

Аннотация. Влияние русской литературы на развитие культуры Удмуртии анализируется на материале освоения в регионе пушкинского наследия. Лирика, лироэпика и эпос А.С. Пушкина переведены на удмуртский язык. Приведены сведения о литературно-художественной, театральной пушкиниане и научных исследованиях в области пушкиноведения в Удмуртии.

Ключевые слова: русская литература, культура Удмуртии, А.С. Пушкин, Н.В. Витрук, С.А. Фомичев; перевод; Глазов; Глазовский педагогический институт им. В.Г. Короленко.

*О нет! Не дикие народы
Твой голос слышат через век,
В тумане северной природы
Ты был для нас лучом свободы
Поэт, мыслитель, человек.*

М. Петров «Пушкину», перевод Б. Дьякова

Пушкинский след в сознании и культуре соотечественников был непророчен самим классиком. Среди «всяких сущих языков» в подлунном мире был и остается удмуртский. И в Волго-Вятском локусе, к которому территориально и исторически принадлежит многонациональная Удмуртия, веками не иссякает память о «солнце русской поэзии».

«Всю жизнь читаю Пушкина и люблю, как самое святое, что есть у России!...»; «Считаю, счастьем побывать в пушкинских местах и смотреть на что-то вслед за Пушкиным...» [17, с. 49] – это признания народного поэта Удмуртии О.А. Поскребышева, выпускника Глазовского пединститута, десятилетия проработавшего словесником в сельских школах нашей республики. До нас дошла не только информация инспектора Министерства просвещения УАССР об «удачно проводимых уроках по Пушкину учителя О.А. Поскребышева» [22, с. 183], но и сведения о том, как он сам талантливо исполнял роль Алеко в инсценировке по поэме «Цыганы» [15, с. 145].

158 | Поскребышевский сборник «Я вам пригожусь» открывается поэтическим циклом «Слову слава», в котором «развернута галерея» стихотворных портретов и размышлений, посвященных выдающимся поэтам России и Удмуртии. А открывает эту «галерею» посвящение А.С. Пушкину.

*Молодой,
Как хмель – кудрявый,
Пушкин,
Солнышком чеканивший строку,
Нужен и восторженной девушке,
И совсем седому старику.*

.....
*Даже солнце –
Чуть возшло повыше –
Вновь напоминает мне о нем:
Как поэт, оно о жизни пишет
Золотым отточенным лучом.*

[18, с. 8]

Так собственное творчество поэта переплетается с его уроками словесности, пронизанными любовью к живому мудрому пушкинскому Слову.

Подобная опора на традиции классика была присуща и другому известному удмуртскому поэту XX века – Ф.И. Васильеву, автору знаменитых строк:

*Хватает Волге широты и сини.
А с Камою она еще сильнее!
И для меня бы не было России
Без маленькой Удмуртии моей!*

Пушкинский вектор в судьбе и творчестве Ф. Васильева обстоятельно исследован глазовским поэтом и ученым В.В. Захаровым, ижевскими литературоведами А.С. Измайловой-Зуевой, В.Г. Пантелеевой и В.И. Чулковым, убедительно доказавшими, что флоровское житнетворчество в значительной степени базируется на пушкиниане [11–14; 16; 23].

Взаимопроникновение литературы удмуртов внутри русского культурного мира происходило на всем протяжении ее развития, а пушкинская составляющая в этом процессе одна из ведущих.

Уже с 1820-х годов в народе распевалась «Черная шаль», а местные просветители обращались в своем творчестве к образу и творчеству русского поэта. Так в «Азбуку для вотских детей» (1867) священником Н. Блиновым был включен отрывок из поэмы «Цыганы» («Птичка божия не знает») на удмуртском языке:

*Инмарлэн папаез уг то,
Куректонэз но, ужез но.
Турскыса уг бинь
Кема улон пузкарээ.*

Этнографу и поэту Г.Е. Верещагину принадлежит пальма первенства в переводе для соплеменников в 1880-е годы «Сказки о рыбаке и рыбке» («Зарни чорыг» – «Золотая рыбка»). В первые десятилетия XX века появились удмуртскоязычные тексты «Сказки о попе и работнике его Балде» М. Прокопьева и И. Гаврилова и «Сказки о царе Салтане» А. Эрика. Не все переводы стали фактом литературы, но сыграли существенную роль в повышении личной культуры, художественного мастерства писателей [1].

Фундаментальной была опора на пушкинское наследие такого классика удмуртской литературы, как К. Герд. Если его переводы поэм «Цыганы» и «Полтава» близки к первоисточнику, то по мотивам «Сказки о рыбаке и рыбке» была создана поэма для детей «Гондырьес» («Медведи»), содержащая значительные сюжетные и образные трансформации, связанные с особенностями быта, истории и менталитета удмуртов.

Так, золотая рыбка у К. Герда «превратилась» в красивую, стройную и одинокую липу:

<i>Со беризь огназ будэ,</i>	<i>Липа растет одна,</i>
<i>Куарьесыз лыз-вож шудо.</i>	<i>Листья сине-зелено играют,</i>
<i>Мугорыз мотор, вольыт.</i>	<i>Телом стройна, гладка,</i>
<i>Вайесыз жужыт, паськыт....</i>	<i>Ветви длинные, широкие...</i>

В конце поэмы К. Герда старик и старуха превращаются в медведей. Морские образы отсутствуют в мифосознании удмуртов, относящихся к лесным народам, медведь считается тотемным животным, липа – священным деревом рода Докья, к которому принадлежал и сам К. Герд.

Пушкинская проза также вызвала интерес удмуртских переводчиков, которые, начиная с 1937 года, напечатали на родном языке «Капитанскую дочку» в переводе П. М. Ускова, «Дубровского» (Т. Архипов), «Повести Белкина» (И. Дядюков, В. Вахрушев, И. Гаврилов).

Интересны многократные попытки освоения удмуртскими переводчиками лироэпик: романа в стихах «Евгений Онегин». Сначала это были лишь фрагменты текста: в 1937 году П. Чайников перевел главу о Ленском («Ленскийлэн кырзанэз»), полвека спустя Е. Самсонов перевел письмо Татьяны к Онегину («Усьтискон»), а в 1997 году С. Перевощиков перевел XXXVI строфу 7-й главы («Тани матын...»).

В 2007 году лингвистом, переводчиком, профессором Р.И. Яшиной осуществлен полный художественный перевод «Евгения Онегина», он максимально приближен к тексту оригинала по содержанию и форме (сохранены строфика, размер, поэтический синтаксис) и оценен в республике по своему высокому уровню мастерства, как «факт удмуртской литературы» (А.С. Имайлова-Зуева).

Сегодня на удмуртский язык переведены почти все хрестоматийные произведения А. Пушкина. А вышедший в 2007 году в издательстве «Удмуртия» сборник произведений А.С. Пушкина, сопровождаемый предисловием

160 | профессора Н.В. Витрука, стал хрестоматийным собранием переводов стихотворений и отрывков из поэм классика на удмуртский язык [1].

Есть в удмуртской лирике и «поэтический венок» памяти Пушкина из посвящений таких авторов, как Ф. Васильев, И. Дядюков, А. Лужанин, М. Петров, М. Покчи-Петров, О. Поскребышев, В. Романов, П. Чайников, Т. Шамаков и др.

Обращение к осмыслению уникальности личности и неисчерпаемости творчества А. С. Пушкина продолжается на театральных подмостках УР. «Маленькие трагедии» поставлены в Глазовском театре «Парафраз» (режиссер И. Маслов) и в Государственном русском драматическом театре Удмуртии в Ижевске (реж. П. Шерешевский), спектакль Глазовского камерного литературного театра «А душу твою люблю» воплотил историю любви поэта и Н. Гончаровой, а литературно-музыкальная композиция «Музы А.С. Пушкина» институтского театрального коллектива «Прометей» порадовала учащуюся молодежь города на сцене ГГПИ.

Значительны достижения регионального пушкиноведения, включающего изучение образа автора и лирического героя в работах Б.О. Кормана, краеведческого аспекта в книге о вятских страницах пушкинианы, в книге В. Семибратова «Свивая пушкинскую нить», в пособии «Наше культурное достояние» и вклад в науку прославленного выпускника ГГПИ, профессора С.А. Фомичева [2–9; 19–21].

А в целом приобщение к неиссякаемому источнику духовности и художественного совершенства помогает удмуртской культуре на всех этапах развития подняться на новый уровень самоидентификации, обогатить палитру русско-удмуртских творческих контактов, обрести мастерство и зрелость художникам слова и сцены, позиционировать исследовательские достижения поликультурного региона в современном научном пространстве.

«В настоящее время в России, странах СНГ, как и во всем мире, складывается новая образовательная ситуация, для которой характерны усиление этнизации содержания образования, возрастание роли родного языка в процессе обучения, развитие наряду с национально-русским русско-национального двуязычия» [10, с. 79]. Пушкинское наследие служит надежным залогом творческого диалога между народами.

Литература

1. Витрук Н.В. Солнце русской поэзии // Пушкин А.С. Избранные произведения. Бирьём произведений. Ижевск, 2007. С. 3–26.
2. Ежова Н.С., Закирова Н.Н. Образы природных стихий в романах А.С. Пушкина и Г. Сенкевича// Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах: Сборник материалов 3-й международной научной конференции. Курган, 2016. С. 9–14.
3. Закирова Н.Н. Проблема цели и смысла жизни в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»// Вестник педагогического опыта. Глазов, 2001. № 15. С. 14–15.

4. Закирова Н.Н. Наш Фомичев // Профессор С.А. Фомичев: Страницы жизни и творчества. Глазов, 2003. С. 24–29.
5. Закирова Н.Н. Пушкинская крылатика в гендеральном аспекте // По царству и поэт: Материалы Всерос. науч. конф. «Н.М. Языков и литература пушкинской эпохи». Ульяновск, 2003. С. 219–224.
6. Закирова Н.Н. Наше культурное достояние: учебно-методическое пособие. Глазов, 2007. 368 с.
7. Закирова Н.Н. Исследователь и пропагандист истории и культуры Вятского края и удмуртской земли В.К. Семибратов // Вестник педагогического опыта. Глазов, 2013. № 34. С. 100–102.
8. Закирова Н.Н. На фоне Пушкина... (К 80-летию профессора С.А. Фомичева) // Филологический аспект. 2017. № 7 (27). С. 116–121.
9. Закирова Н.Н. Наша Пушкиниана (К 80-летию профессора С.А. Фомичева) // Культура в фокусе научных парадигм. 2017. № 5. С. 20–23.
10. Закирова Н.Н., Чиговская-Назарова Я.А. Русский вектор в диалоге культур в условиях поликультурной среды // Глобализация и русский мир: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции. Арзамас, 2016. С. 79–84.
11. Захаров В.В. Пушкин в восприятии Флора Васильева (к постановке проблемы) // Флор Васильев и современность. Матер. научно-практической конференции «Проблемы удмуртской филологии и преподавания удмуртского языка и литературы» и Всероссийской конференции «Вторые Флоровские чтения», посвященной 70-летию со дня рождения удмуртского поэта Ф.И. Васильева. Глазов, ГГПИ им. В.Г. Короленко, 2005. С. 14–16.
12. Захаров В.В. Пушкин в творческом сознании Флора Васильева // Свет слова. Время и слово. Голоса современных филологов Удмуртии: Статьи, очерки, заметки. Ижевск: Удмуртия, 2010. С. 260–268.
13. Измайлова А.С. Роль Пушкина в формировании самосознания удмуртской литературы // Тезисы докладов 4-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ижевск, 1999. Ч. 3. С. 143–144.
14. Измайлова А.С. Скрытые пушкинские цитаты в удмуртской литературе // Тезисы докладов 4-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ижевск, 1999. Ч. 3. С. 144–145.
15. Краева Н. «Ну и хороший молодой цыган» // Солнечная душа поэта: Воспоминания об Олеге Поскребышеве / Состав. З. Поскребышева, В. Поскребышева, Е. Поскребышева. Ижевск, 2000. С. 144–145.
16. Пантелеева В.Г. О проблемах поэтического перевода с русского на удмуртский язык (на материале переводов стихотворений А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова) // Вестник Удмуртского университета. 1993. № 6. С. 84–92.
17. Поскребышев О.А. Анкета «Луча». Луч, 1999. № 3–4.
18. Поскребышев О.А. Я вам пригожусь: Книга новых стихотворений. Ижевск: Удмуртия, 1995. 384 с.

- 162 | 19. Пушкин и другие: Сб. статей, посвященный 60-летию со дня рождения С.А. Фомичева / Научн. ред. и сост. В.А. Кошелев. Новгород, 1997. 354 с.
20. Пушкиниана. Вятские страницы: К 200-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина / Ред., сост. Т. Николаева; Консульт. С. Кокурина; Худож. Т. Дедова. Киров, 1999. 256 с.
21. Семибратов В.К. Свивая пушкинскую нить. Киров, 2009. 56 с.
22. Фетцер Х. «Еще, еще расскажите!» // Солнечная душа: Воспоминания об Олеге Поскребышеве / Состав. З. Поскребышева, В. Поскребышева, Е. Поскребышева. Ижевск, 2000. 560 с.
23. Чулков В. «Свободы сеятель пустынный ...»: Текст, эпиграф и контекст // Вест. Удм. ун-та. Спецвып., посвящ. 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. 1999. С. 39–56.

N. N. Zakirova, Ya. A. Chigovskaya-Nazarov

PUSHKINIANA IN POLYCULTURAL SPACE OF UDMURTIA

Abstract. Influence of the Russian literature on cultural development of Udmurtia is analyzed on development material in the region of Pushkin heritage. The lyrics, a liro-epika and the epos by A.S. Pushkin are translated into the Udmurt language. The information about the literary and art, theatrical pushkineena and scientific research in the field of a pukinovedeniye is provided in Udmurtia.

Keywords: Russian literature, culture of Udmurtia, A.S. Pushkin, N.V. Vitruk, S.A. Fomichev; translation; Glazov; Glazov Pedagogical Institute named after V.G. Korolenko.

Л.П. Мухаммад

IPMuhammad@pushkin.institute

доктор пед. наук, профессор Государственного института

русского языка им. А.С. Пушкина

Москва, Россия

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ФИЛОСОФИИ И ПУШКИНСКИЙ СТИХ

Аннотация. В работе исследуется дискурс А.С. Пушкина в свете российской философской антропологии. Актуальность работы вызвана потребностью современного общества в разработке антропологического направления в науке. Новизна работы в рассмотрении пушкинского стиха в свете отечественной философской антропологии.

Ключевые слова: антропологический принцип философии; пушкинский стих; «Памятник»; черновики Пушкина.

Гуманизм современных цивилизаций, в том числе и включенной в развитие цивилизационных процессов образовательной составляющей, зависит, прежде всего, от того, насколько данные процессы направлены на интересы человека, личности. А вопрос формирующейся, развивающейся личности – это, по определению, главный вопрос исторической и современной философской антропологии. В связи со сказанным подчеркиваем, что философская антропология и зарубежных (Г.В.Ф. Гегель, И. Кант, Л. Фейербах) [дается по работе: 7], и отечественных (А.Н. Герцен) [3] философов является для настоящего исследования сознательно выбранной методологической основой.

Кратко представим суть развившейся в XIX – XXI веках философской антропологии, начиная с трудов Л. Фейербаха. Так, Л. Фейербах в своих философских трудах обосновал главный принцип философских наук – антропологический принцип [7], т.е. принцип, реализация которого предусматривает, прежде всего, изучение человека, его сущности, отличительных особенностей и возможностей.

Вопросами разработки философской антропологии занимались и русские мыслители. Развитие идей философской антропологии на территории России объясняется острой потребностью лучшей части россиян в гуманистически ориентированном развитии общества.

На наш взгляд, наиболее интересные идеи высказывал русский философ, публицист и писатель А.И. Герцен. Все философские размышления этого

164 | выдающегося мыслителя одухотворены мыслью о личности: именно личность, по его мнению, является *основной ценностью... вне личности, без ее участия в обществе невозможно никакое движение* [З, с. 177. – Курсив наш].

А.И. Герцена привлекала идея *гармонического единства человека*, который не может быть сочетанием «двух разнородных стихий – духа и плоти, но есть *цельное, живое, единое существо – личность*» [там же. – Выделено нами].

По мнению А.И. Герцена, именно в результате исторического развития человечества формируется нравственная среда, которая обладает «своими началами, своими оценками, своими законами» [З: Т. 20, кн. 1, С. 439–441]. Эта среда и формирует *человеческое «я», которое не может существовать, не чувствуя себя свободным, не реализуя своего стремления «все больше и больше вступить во владение самим собою»* [там же. – Выделено нами].

Безусловно, А.И. Герцен как личность сформировался, в том числе, и на литературных, гуманистически ориентированных, произведениях русских классиков. И этот его антропологический, ориентированный на человека, подход к развитию русской культуры и цивилизации возник не случайно. И думается, в этом, центрированном на человеке, на личности, процессе одно из ведущих мест занимал А.С. Пушкин.

Рассмотрим языковую личность (ЯЛ) А.С. Пушкина, наиболее ярко проявившую себя в его стихе.

Еще со школьной скамьи мы знаем, что величайшим произведением А.С. Пушкина, подытожившим всю его непростую жизнь и яркие, на многие времена опережающие строчки, является стихотворение «Памятник». В данном стихотворении обращают на себя внимание следующие, знакомые нам со школы (обратим внимание, советской школы), ключевые слова:

- 1) памятник... нерукотворный;
- 2) выше... главою непокорной... Александрийского столпа...
- 3) душа в заветной лире... мой прах переживет...
- 4) и долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал, что в мой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал...
- 5) вельню Божию, о муза, будь послушна...

Не будем повторять те комментарии, которые нам привычны со школы, а попытаемся воспроизвести лично наше понимание пути, пройденного А.С. Пушкиным, на примере одного, но весьма важного, его стихотворения.

1. Да, безусловно, следует согласиться со школьной интерпретацией: в пушкинском памятнике (на фоне классицистического державинского стиха) намечается некий путь... Это путь от державинского классицизма – к романтизму Гете. Так, пушкинский лирический герой, подобно романтическому герою Гете, – Личность, возвышающаяся главою непокорной... над царским

(Александрийским) столпом... И это все – путь поэта, путь литературы (русской литературы) от классицизма – к героическому романтизму.

2. А дальше – уже не Державин, не Гете. Дальше – сам поэт, А.С. Пушкин, всем своим существом, всей сущностью, вылитой в горниле русской жизни с ее противостояниями царей и народов, народных сказаний и выстраданных авторских стихов: «душа в заветной лире... мой прах переживет». Это замечательное состояние, а именно, душа в заветной лире, – тем не менее, главное противостояние пушкинского стиха – допушкинскому. Именно здесь весьма ярко высвечено главное эстетическое кредо Пушкина-философа и Пушкина-поэта: «душа в заветной лире... прах переживет»...

3. И опять обращение к прошлому опыту, опыту своих учителей: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал», – не то что перифраз – почти буквальное повторение В.А. Жуковского. Спрашивается, зачем? Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем заглянуть в черновики поэта. И вот находим: «что вслед Радищеву восславил я свободу...». Помещая свои, пушкинские, строчки в исторический контекст, поэт явно вступает в полемику и с романтиком В.А. Жуковским: любовь к человеку не ограничивается «пробуждением» одних только «добрых чувств», деятельная любовь к человеку требует от поэта смелости и мужества вступить в единоборство с самодержавием (как это сделал Радищев, решительно выступая против власти самодержицы). Позже этот, весьма яркий и недвусмысленный, штрих А.С. Пушкина заменяется более обобщающим высказыванием: «что в мой жестокий век восславил я свободу». На сцену выходит уже не история, а современность: «мой жестокий век». «Жестокий век» придает бесстрашию бунтующего поэта абсолютную ценность. Тем не менее, сохранившиеся черновики с ключевым маркером «вслед Радищеву» помогают нам, людям XXI века, понять, что свобода у Пушкина – не самоцель, свобода – «заступничество», гуманное отношение к униженному самодержавием человеку. Борьба за свободу – это выбор, поступок. Безусловно, это не совсем та свобода, как ее, по-своему трактуя А.С. Пушкина, понимали декабристы (не случайно волею Судьбы Пушкин не попал на Дворцовую площадь), революционные демократы или партийцы-ленинцы. Это, конечно, и не та свобода, как мы ее затверживали в советской школе. Это иная, многоликая и могущественная, связанная с природной потребностью в личностном выборе, авторская Свобода, иронией пушкинского стиха заключенная в рамку, с одной стороны – добротворчества («чувства добрые я лирой пробуждал»), с другой – милосердия («милость к падшим призывал»). И не случайно в великой русской литературе золотого ее века в наибольшей мере развился именно этот, антропологический, взгляд на проблему отношений человека и ... человека.

166 | Подытоживая все сказанное, вспомним слова великого гуманиста Ф. М. Достоевского: «Все мы выросли из гоголевской шинели». Лично для меня, человека XXI века, «гоголевская шинель», безусловно, берет свое начало в Пушкине. Таким образом, точку отсчета великой, гуманистически ориентированной русской литературы, мы находим в творчестве А.С. Пушкина. И именно здесь, в творчестве великого национального поэта, следует искать ключ зарождения и развития отечественной философской и культурологической антропологии: антропологии А.И. Герцена, Л.Н. Толстого, К.Д. Ушинского, П.Ф. Каптерева, Л.С. Выготского, В.Г. Костомарова, А.А. Леонтьева, Б.Т. Лихачева и многих других российских писателей, публицистов, ученых [1–6].

Литература

1. Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX в. / Сост. П.А. Лебедев. М.: Педагогика, 1990. 608 с.
2. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. Мышление и речь. Москва: АПН СССР, 1956.
3. Герцен А.И. Собр. соч. 1954. Т.3. С. 77–246, Т. 20. С. 439–441.
4. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Антропологический принцип как перспектива в развитии лингвострановедения//Русский язык как иностранный: лингвистические проблемы. Москва, 1997. С. 8–12.
5. Леонтьев А. А. Деятельностный ум (Деятельность, Знак, Личность). Москва: Смысл, 2001. 392 с.
6. Лихачев Б.Т. Этнопсихотерапевтические аспекты воспитания // Педагогика, 1995. № 1. С. 40–44
7. Мухаммад Л.П., Мухаммад Х.И.А., Хетагурова Н.Н. Антропологический аспект разработки понятия субъектности в советском и постсоветском научном пространстве // Мир русского слова и русское слово в мире. Т. 4. Варна. 2007. С. 222–226.
8. Пушкин А.С. Избранное. Челябинск: Южно-Уральское кн-е из-во. 1975. 384 с.

L. P. Muhammad

ANTHROPOLOGICAL PRINCIPLE OF PHILOSOPHY AND PUSHKIN'S VERSE

Abstract. The article explore discourse of A.S. Pushkin in view of Russian philosophical anthropology. The relevance of work is caused by need of modern society in the development of anthropological trends in science. Novelty of the work in consideration of Pushkin verse in view of Russian philosophical anthropology.

Keywords: anthropological principle of philosophy; Pushkin verse; «Memorial»; Pushkin drafts.

кандидат филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы
Дальневосточного федерального университета
Владивосток, Россия

А. С. ПУШКИН И КУЛЬТУРА ПРИМОРЬЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Аннотация. В работе исследуется динамика влияния имени Пушкина на топонимику Владивостока и рецепция творчества А.С. Пушкина в текстах В.К. Арсеньева.

Ключевые слова: имя Пушкина в топонимах, сказки А.С. Пушкина, тетралогия В.К. Арсеньева.

В 2017 г. модератор группы Vladivostok (Facebook) сообщил автору этой статьи, что тема «День рождения Пушкина» не является важной для группы, тематика которой – «все, что касается нашего города, его жизни, его проблем и радостей» [3]. Между тем, первые жители нашего города (основан в 1860 г.) воспринимали образ поэта по-другому, что отразилось в топонимике: «В 1887 г. во Владивостоке торжественно отмечалось пятидесятилетие со дня смерти А.С. Пушкина. В связи с этой датой было решено переименовать улицу Госпитальную в Пушкинскую, тем более, что в это время госпиталь переместился в другое место...» [8, с. 57].

Жители далекого восточного города были охвачены тем же энтузиазмом, что и все граждане большой Империи в тот момент, когда складывалась традиция государственного почитания поэта: 1880 г. – открытие памятника Пушкину работы А.М. Опекушина в Москве, 1899 г. – большие торжества в честь столетия со дня рождения поэта, 1907 г. – семьдесят лет со дня его гибели. И сейчас Пушкинская – одна из центральных улиц Владивостока, на которой и рядом с которой расположено множество достопримечательностей города. Например, на склоне между Светланской и Пушкинской улицами находился кафедральный Успенский собор (освящен в 1889 г.). В 1899 г. по адресу ул. Пушкинская – 10 был открыт Восточный институт – первое высшее учебное заведение на Дальнем Востоке (архитектор А.А. Гвоздиовский) [7].

К западу от здания Восточного института на Пушкинской находится дом-крепость (с трехэтажной башней) издателя первой газеты города, которая тоже называлась «Владивосток», Николая Варламовича Соллогуба (1846–1893), построенный по его собственному проекту в 1882 году [8, с. 59].

К востоку – памятник северо-немецкой готики Лютеранская церковь Святого Павла, построенная в 1907–1909 гг. (архитектор Г.Р. Юнгхендель)

168 [4], и женская гимназия, в городе ее называли «коричневая гимназия», по цвету формы гимназисток, здание построено по проекту архитектора И.В. Мешкова в 1903 г. [10]. Рядом с гимназией – дом главного контролера по строительству крепости Владивосток (с 1896 г.), председателя Общества изучения Амурского края (1908–1924 гг.) Н.М. Соловьева, который был тестем великого исследователя и писателя В.К. Арсеньева [6]. Возможно, именно в этом доме Арсеньев и встретился со своей будущей женой Маргаритой и здесь просил ее руки.

Центром культурной жизни Владивостока с 1908 г. является Пушкинский театр, расположенный напротив здания Восточного института. Здание строилось Собранием общества приказчиков в 1907–1908 гг. по проекту архитектора Ю.Л. Вагнера, Пушкинский театр открылся в нем 29 ноября 1908 г. [9, с. 14]. Трудно перечислить всех знаменитых исполнителей, которые выступали на его подмостках, назовем лишь В.Ф. Комиссаржевскую, А.Н. Вергинского, В.С. Высоцкого. Свой полувековой юбилей в 1910 году город праздновал именно в этом театре, с приветствием от Общества изучения Амурского края выступил Н.М. Соловьев [9, с. 28].

Газета «Дальний Восток» №240 4 ноября 1910 г. писала: «2 ноября город Владивосток, в лице своих представителей городской думы, представителей всех ведомств и учреждений, обществ и населения торжественно праздновал свой полувековой юбилей. Учебные заведения, канцелярии, магазины, мастерские и т.п. были закрыты» [9, с. 28]. Даже по этому небольшому описанию заметно, каким значимым был для города этот юбилей, поскольку в утверждение России на Дальнем Востоке были вложены огромные силы. В данном контексте можно утверждать, что напряжение этих сил поддерживалось в том числе и памятью о великом поэте.

По соседству с Пушкинской улицей расположена улица Володарского, архитектурный ансамбль которой гармонирует с ансамблем ул. Пушкинской. В год столетия Пушкина, 1899 (тогда улица называлась 4-я Портовая), было принято решение построить здесь Народный дом имени А.С. Пушкина [5].

Отметим, что и Пушкинский театр, и Народный дом – заведения культуры для обычных жителей Владивостока, призванные давать пищу уму и сердцу простых горожан, погружая их в атмосферу красоты, гармонии и размышлений.

Имя Пушкина в топонимах исторического центра Владивостока продолжало звучать и в более позднее время. Так в год 150-летия со дня рождения А.С. Пушкина, в 1949 г., между улицами Пушкинской и Светланской был открыт Пушкинский сквер, в 1954 г. его украсил бюст поэта, выполненный скульптором В.Н. Гриневой, который в 1997 г. был заменен бюстом работы Михаила Аникушина. В 1949 г. первая детская библиотека Владивостока, открывшаяся в 1924 г. в историческом здании на Светланской улице (с 1924

по 1992 год она называлась Ленинской), недалеко от ул. Пушкинской и Пушкинского сквера, получила имя Пушкина.

Интересно, что открытое в 1970 годы месторождение пресной воды в пригороде Владивостока было названо Пушкинская депрессия, к сожалению, нам пока не удалось найти историю наименования этого объекта.

С двадцатых годов XX века Собрание приказчиков и Пушкинский театр, Народный дом многократно переименовывались, переходили из рук в руки. Несколько десятилетий бывший в запустении Народный дом сейчас реставрируется. Собрание приказчиков в течение 20 лет пустовало, с 1998 по 1999 гг. здание реставрировалось и вновь стало Пушкинским театром.

С 1999 г. здесь был открыт Музей А.С. Пушкина на основе частной коллекции А.В. Бутырина.

В 1999 г. рядом с Пушкинским театром была поставлена скульптура поэта, выполненная Эдуардом Барсеговым.

Конечно, как мы уже сказали выше, большое внимание к имени поэта, выразившееся в том числе и в топонимике далекого города, отражает общие государственные тенденции, но и имеет, вероятно, определенную дальневосточную специфику. Ведь между центральной Россией и Дальним Востоком огромные расстояния, которые во второй половине XIX – начале XX века преодолевались путниками долгие месяцы. Так семья Соловьевых от Урала до Хабаровска добиралась в течение 3 месяцев на лошадях. Россиян в Приморье окружали азиатские соседи. Во Владивостоке проживало много китайцев, корейцев, японцев, которые селились компактно, в городе были целые районы, населенные соответствующими этносами: китайская Миллионка, Корейская слобода. И их родина – Китай, Корея, Япония – ближе к Владивостоку, чем Петербург и Москва, центральная Россия, откуда в основном приезжали в город россияне.

Оторванность от родной земли и родной культуры воспринималась остро и порой болезненно. В таких условиях имя первого поэта России являлось особым знаком для тех, кто проводил свои дни на далекой окраине. Имя Пушкина объединяло россиян Владивостока, символизировало принадлежность к общероссийской культуре, пришествие этой культуры на Дальний Восток, а центральное положение многочисленных Пушкинских топонимов на Владивостокской карте символизировало доминирование в городе россиян, вероятно, напоминая им топонимическую ситуацию родных городов.

В конце сороковых годов XX в. в Приморье в целом и во Владивостоке в частности начинает утверждаться имя В.К. Арсеньева как одного из самых значительных культурных героев колонии. С ним связаны военная и экспедиционная деятельность, изучение, охрана, освоение территории и создание «художественного образа» Дальнего Востока, особенно Приморья в книгах знаменитой тетралогии.

Новый субъект центра культурного локуса не меняет позиции Пушкина, напротив, осуществляя рецепцию его творчества в своих книгах, Арсеньев раскрывает новые смысловые оттенки знакомых каждому россиянину с раннего детства текстов поэта, еще явственнее акцентируя его универсальность и незаменимость для культуры Дальнего Востока.

Приведем эпизод из книги Арсеньева «Дерсу Узала»: «На другой день вечером, сидя у костра, я читал стрелкам «Сказку о рыбаке и рыбке». Дерсу в это время что-то тесал топором. Он перестал работать, тихонько положил топор на землю и, не изменяя позы, не поворачивая головы, стал слушать. Когда я кончил сказку, Дерсу поднялся и сказал:

– Верно, такой баба много есть. – Он даже плюнул с досады и продолжал: – Бедный старик! Бросил бы он эту бабу, делал бы оморочку да кочевал бы на другое место...

– Шибко жалко старика. Его был смиренный люди. Сколько раз к морю ходи, рыбу кричи, наверно, совсем стоптал свои унты.

Видно было, что «Сказка о рыбаке и рыбке» произвела на него сильное впечатление» [1, с. 421–422].

В отрывке можно выделить несколько важных смысловых узлов. Путешественник хорошо знает своих стрелков, следовательно, его выбор книги для них – сознательный. Простым деревенским людям (таково большинство стрелков) понятен и язык сказки поэта, и ее образы. Пушкин приходит в тайгу, делая ее более родной. И это подчеркивается реакцией гольда, которому она тоже близка. Создается общее русским и инородцам культурное поле, позволяющее не воспринимать антагонистично культуру «другого». Отметим, что эпизод следует за главой, в которой старовер утверждает, что у Дерсу «не душа, а пар» [1, с. 415].

Сказки традиционно считаются книгами для детского чтения. Мотив детства присущ текстам Арсеньева. «Детьми» условно можно назвать солдат, если сравнивать их с путешественником в интеллектуальном отношении. Но детьми они выступают и по отношению к Дерсу, который часто так и называет их из-за неумения солдат «читать тайгу, как книгу»: «Так ходи, головой качай – все равно как дети. Глаза есть – посмотри нету» [1, с. 472]. В этом отношении и путешественник «ребенок» рядом с Дерсу. Однако колонизаторы именно аборигенов склонны были считать «детьми» в силу разницы культур.

Таким образом, Пушкин выступает в данном фрагменте текста единственным «взрослым», выполняющим соответствующие функции: объединения, просвещения, развлечения.

Другой эпизод, связанный с Пушкинским текстом, также в книге «Дерсу Узала». Арсеньев пишет: «Кто-то привел ветер в такое яростное состояние, что он, как бешеный зверь, бросался на все, что попадалось ему на пути.

Особенно сильно доставалось деревьям. Это была настоящая борьба лесных великанов с обезумевшей воздушной стихией. Ветер налетал порывами, рвал, потом убежал прочь и жалобно выл в стороне. Являлось впечатление, будто мы попали в самую середину гигантского вихря. Ветер описывал большой круг, возвращался на наш бивак и нападал на кедр, стараясь во что бы то ни стало опрокинуть его на землю. Но это не удавалось. Лесной великан хмурился и только солидно покачивался из стороны в сторону. Мне пришло на память стихотворение Пушкина "Метель"» [1, с. 619].

Мотив детства прочитывается и здесь: Арсеньев пишет о стихотворении «Бесы», которое в детских дореволюционных книгах носило название «Метель».

В этом эпизоде также присутствует мотив «бесовщины», «враждебных сил», являющийся сквозным в текстах путешественника: «Казалось, что все злые духи собрались в одно место и с воем и плачем носились по тайге друг за другом. Точно они хотели разрушить порядок, данный Богом природе, и создать снова хаос на земле» [1, с. 619].

Таким образом, можно говорить о том, что, описывая «чужое» языком Пушкина, Арсеньев раскрывает его смыслы для европейского читателя, одновременно утверждая незрелость, «детскость» европейской ментальности в сравнении с этой вечной системой, проявленной, однако, в структуре текста Пушкина.

В книге «В горах Сихотэ-Алиня» Арсеньев упоминает сказку Пушкина, описывая противоположное состояние природы: «На небе взошла луна и бледным сиянием своим осветила безбрежное море. Кругом царила абсолютная тишина. Ни малейшего движения в воздухе, ни единого облачка на небе. Все в природе замерло и погрузилось в дремотное состояние. Листва на деревьях, мох на ветвях старых елей, сухая трава и паутина, унизанная жемчужными каплями вечерней росы, – все было так неподвижно, как в сказке о спящей царевне и семи богатырях» [2, с. 299].

Отсылки к Пушкинскому тексту появляются в момент описания абсолютного хаоса и абсолютной гармонии – двух антагонистических состояний «чужой» природы, художественно «осваиваемой» благодаря слову поэта.

Можно утверждать, что и в дореволюционное и в послереволюционное время Пушкин, его имя и творчество, находился в центре культурного локуса Владивостока, с этим была связана реализация определенных задач колонизации. Также центральное положение Пушкина отражало ментальность колонистов. Владивосток мыслился как часть России, с общими для колонии и метрополии культурными героями, художественными идеями. Арсеньев, осуществляя рецепцию творчества Пушкина в своих текстах, также реализует идею единства культурного поля и стремится укоренить русскую литературную традицию на новой почве.

Литература

1. Арсеньев В.К. Дерсу Узала /В.К. Арсеньев. Собр. соч. в 6 т. Т.1. Владивосток: Рубеж, 2007. С. 397–641.
2. Арсеньев В.К. В горах Сихотэ-Алиня /В.К. Арсеньев. Собр. соч. в 6 т. Т. 2. Владивосток: Рубеж, 2009. С. 207–479.
3. Vladivostok. – URL: <https://www.facebook.com/groups/Vladivostorg> (дата обращения 8.09.2018)
4. Дом недели: Лютерантская церковь Святого Павла. – URL: <http://vladivostok3000.ru/city/2183-dom-nedeli-lyuteranskaya-cerkov-svyatogo-pavla/> (дата обращения 8.09.2018)
5. Дом недели: Народный дом им. А.С. Пушкина. – URL: <http://vladivostok3000.ru/city/2767-dom-nedeli-narodnyj-dom-pushkina/> (дата обращения 8.09.2018)
6. Н.М. Соловьев – картограф, хранитель, председатель. – URL: <http://оиа.рф/news/2016-04-19/n-m-solovuyov> (дата обращения 8.09.2018)
7. Серов В.М. Становление Восточного института (1899–1909 гг.). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/stanovlenie-vostochnogo-instituta-1899-1909-gg> (дата обращения 8.09.2018)
8. Турмов Г.П. Владивосток / Г.П. Турмов, А.А. Хисамутдинов. М.: Вече, 2017. 320 с.
9. Турмов Г.П. Пушкинский театр: Истоия и современность / Г.П. Турмов, Ю.И. Лиханский, Н.Г. Мизь, В.А. Обертас, Б.Г. Косяков, Л.А. Кива, Т.И. Черкашина. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2000. 140 с.
10. Хисамутдинов Амир. Владивосток. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=198062&p=15> (дата обращения 8.09.2018).

Yarotskaya Yuliya

A.S. PUSHKIN AND THE CULTURE OF PRIMORYE IN THE LATE XIX – FIRST Half XX CENTURIES

Abstract. The paper studies the dynamics of the influence of Pushkin's name on the toponymy of Vladivostok and the reception of Pushkin's works in V. K. Arsenyev's texts.

Keywords: Pushkin's name in toponyms; A. S. Pushkin's fairy tales; V.K. Arsenyev's tetralogy.

кандидат мед. наук, доцент кафедры философии и истории медицины
Института социологии, психологии и гуманитарных наук
Первый МГМУ имени И. М. Сеченова
Москва, Россия

ТАЙНА ГЕНИАЛЬНОСТИ: А. ПУШКИН, О. БАЛЬЗАК

Аннотация. Тайна гениальности в страдании, в детском страдании будущего гения. Удивительный выход из этого страдания и собственного невыносимого мучения нашли дети: через понимание и любовь к родным сестрам и далее – к окружающему миру.

Ключевые слова: гениальность, страдание, сестры.

Почему гении так притягательны для нас – остальных людей? Мы живем с ними на той же Земле, видим тот же мир, но в этом мире они открывают, вернее, освещают новые горизонты. Не случайно А.С.Пушкина назвали «солнцем нашей поэзии». Он несет позитив, радость. Эта легкость, веселость, порхающий слог, искристость...

Даже жизнь его кажется такой же увлекательной игрой, праздником. Несомненно, они счастливы! Мы и читаем его произведения, чтобы приобщиться к этому приподнятому состоянию.

Возьмем первые строчки «Евгения Онегина»:

*Мой дядя самых честных правил
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил,
И лучше выдумать не мог...*

Переключка с басней Крылова «Осел был самых честных правил». Весело и задиристо – сравнить дядю с ослом, который издавна был олицетворением глупости и упрямства.

А по сути строчка – на грани фола. Человек заболел, а над ним смеются...

Но с другой стороны, выясняется такой эпизод из биографии А.С. Пушкина. Оказывается, при поездке в лицей Пушкину-мальчику тетка и бабка «сунули 100 рублей на орехи, а дядюшка Василий Львович ... одолжил у племянника эти сто рублей – кажется, никогда и не вернул»¹. Поэтому «честные правила» дядюшки весьма сомнительны, о них можно говорить только с юмором. Это и сделал Александр Сергеевич, походя, «щелкнув по носу дядю» в первых строках своего знаменитого романа.

¹ Эйдельман Н.Я. Большой Жанно. Повесть об Иване Пущине. М., 2004. С. 297.

Да, во взрослом состоянии поэт смеялся над незадачливым дядей и этим случаем, но А.С. Пушкину-подростку было совсем не до смеха в лицее в начале своего пребывания без денег. Этот эпизод символичен. Но об этом ниже.

Прошло уже более 200 лет как родился А.С. Пушкин. Другой гениальный писатель, его современник – Гоголь писал, что Пушкин – пример того, кем будет русский человек через 200 лет.

Но что-то мы – жители Русской земли – мало похожи на Александра Сергеевича. Жизнь явно обыденна. Гений же вырывается из прозы в поэзию. В чем суть прорыва?

Такие великие мыслители и мастера слова, как Пифагор, Платон, Шекспир, Хейзинга (голландский культуролог XX века) сравнивали жизнь человека с игрой. Пифагор называл – «игрища», то есть большая игра.

Жизнь-игра отличается от обыденной жизни большей привлекательностью, сочетанием свободы перевоплощения и строгих правил, дающими гармонию и радость участия в ней. Ведь приходя с работы, мы с удовольствием включаемся в различные игры или хотя бы наблюдаем за ними в качестве зрителей по телевизору.

Жизнь гениев – это прорыв, она похожа на игру.

– Хорошо, но откуда у них этот стиль жизни-игры, переходящий в их произведения? Где исток этой игры, ритма, музыки?

– Из-за углубленности в себя, в результате самосовершенствования!

Платон считал, что образцы всего существующего на Земле находятся вне ее, в Мире Идей. Согласно этой теории, видимо, не только у вещей, явлений есть свой прообраз, но и у людей тоже существует некий идеал. Прообраз гениальности?

Да. И чем ближе человек к нему подойдет – тем он совершеннее. Радость, счастье, слава – показатели временного или длительного совпадения человека и его идеала, и его лучшей судьбы.

Гении смогли себя настроить на восприятие своего прообраза – гениальной сущности. Отсюда солнечность гения. Они прикоснулись к Вечности и Миру Идей. И через мизер – листки бумаги, картины, звуки музыки, камень выразили единую сущность мира – такой, какой она должна быть (по идее). Имеется в виду, конечно, классическое искусство.

Парацельс из Гогенгейма писал: «Человек, настроив свою душу должным образом может познать природу и сущность вещей»². Гении сумели это сделать. (Обратите внимание на слова «должным образом» – все должны это сделать – найти себя настоящего.)

Их удивительную работу над собой можно также сравнить с явлением резонанса в физике. Никола Тесла описывал случай, который произошел у него в детстве. Катаясь на санках зимой, он заметил громаду снега на горе

² Афоризмы великих врачей. М., 2011. С. 139.

и, играясь, бросил в нее снежок. И целая лавина снега упала от слабого удара снежка. Вот он – резонанс!

Так и гении создают не так уж и много, а резонанс велик.

Это все мифы, сравнения и теории, а где же факты?

Факты не простые, а факты, связанные с детством гения.

Если мы возьмем не только А.С. Пушкина, но еще О. Бальзака и Леонардо да Винчи и увидим, что детство гениев было несчастным. Пушкина и Бальзака не любили их матери, да и отец не проявлял особых чувств. То есть будущие гении были на периферии внимания даже в своей семье.

О Леонардо известно, что он незаконнорожденный. Но главное – его разлучили с матерью в три года. И он всю жизнь пытался воссоздать ее образ в своих шедеврах.

Красноречивую характеристику отношения матери А. С. Пушкина – Надежды Осиповны – к сыну дает Л.Н. Павлищев: «...Надежда Осиповна умела дуться по дням, месяцам и даже годам. Так, рассердясь за что-то на Александра Сергеевича, которому в детстве доставалось от нее гораздо больше, чем другим детям, она играла с ним в молчанку круглый год, проживая под одной кровлею; оттого дети предпочитали взбалмошные выходки и остротки Сергея Львовича, игре в молчанку Надежды Осиповны, боялись ее несравненно более, чем отца». Совсем не случайно А.С. Пушкина не оставили в семье, а отдали в лицей.

Оноре Бальзак. Известно, что родители мало занимались сыном. В Вандомский колледж он был помещен против воли. Встречи с родителями там были запрещены круглый год, за исключением рождественских каникул. Первые годы учебы он провел в карцере. В четвертом классе Оноре смирился, но исписал парту пародиями на учителей. В 14 лет он тяжело заболел, и родители забрали его домой из колледжа по просьбе начальства колледжа. 5 лет Бальзак тяжело болел, считалось, что надежды на выздоровление нет, но после переезда в Париж в 1816 году Оноре поправился.

Какой же выход из своего несчастья в детстве нашли будущие гении?

У А.С. Пушкина и Оноре Бальзака были сестры, и этих сестер они искренно любили. Через любовь к сестрам они стали преодолевать «пустыню безлюбия».

Так Бальзак в детстве брал на себя наказание сестры, если даже она была виновата. Вообще его сестру Лору все обожали.

То же восторженное отношение было и к прелестной сестре А.С. Пушкина – Ольге.

По свидетельству Пущина, друга А.С. Пушкина, в «Евгении Онегине» автор зашифровал себя в образе главной героини – Татьяны Лариной. Он дал такое описание ее – своего положения в семье: «...она в семье своей родной казалась девочкой чужой...». Кстати говоря, у темноволосой Татьяны была сестра по имени Ольга – беленькая, очаровательная и легкомысленная. То

176 | есть имени сестры Татьяны (героини «Евгения Онегина») Пушкин даже не изменил, оставил имя своей собственной сестры.

Итак, в детстве А.С. Пушкин и О. Бальзак перенесли свои нерастроченные чувства с родителей на подрастающих подруг – сестер, которых все обожали. Как же они хотели быть на их месте! И в своем воображении, играя, постепенно научились представлять себя на месте любимиц. То есть, будущие гении получили многолетнюю школу понимания существ другого пола. В детстве, когда дети недавно вышли из небытия, разница между детьми разного пола невелика. Но с возрастом – увеличивается.

Таким образом, из-за несчастности в детстве их душа начала расширяться и углубляться. Они стали понимать не только мужчин, но и женщин, а также постепенно и другие существа и даже явления. В детстве мир еще волшебен и идеален, все возможно. Нет жесткой скованности в определенном теле.

У А.С. Пушкина в лице было прозвище – Протей. Это древнегреческий Бог, основное его свойство – перевоплощение. Такая особенность развития не могла не сказаться на развитии воображения. Мысли и чувства, облеченные в образы, становятся у них второй, а может быть, и первой реальностью, в которой они живут и описывают нам. Они при помощи слов или красок останавливают нас и гипнотизируют – и мы уже с ними в божественном мире Идей, и этот фантастически реальный мир интереснее, чем наш обыденный. В нем мы с ними вездесущи. Нет стен. Все проницаемо. Быть может, это возможный мир лучшего будущего?

Вот оно – осуществление «золотого правила нравственности» в жизни. Оно гласит:

«Поступай так по отношению к другому, как ты хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе». Этот лозунг провозглашается, но воплощается слишком редко. Для гения такой стиль поведения только естественен. Он настолько понимает другого, что другой или другая – это он сам! А другой – это и мужчина, и женщина, и младенец, и старик, и животное, и растение и даже минерал, а может даже явление, например, буря и пр. Любые особенности: возрастные, половые, национальные, социальные, экономические – не являются преградой. Это то самое всеединство отечественного философа Серебряного века В.С. Соловьева или та самая всеотзывчивость, охватывающая все и вся, о которой писал Ф.М. Достоевский.

Вот откуда – из истока всеотзывчивости – мысль А.С. Пушкина: «Гений и злодейство – есть вещи не совместные». Вспомним также знаменитое высказывание Флобера: «Мадам Бовари – это я». Вот что значат пережитые в детстве страдания и последующая работа над собой – путь рождения гениев. Они преодолели отчуждение и ощутили родственность между всем и всеми существующими на Земле. К. Маркс считал, что преодолеть отчужденность можно через революцию в обществе. Нет, революция, вернее эволюция,

должна произойти внутри человека. Дверь внутрь другого существа открывается ключом по имени – восхищение и любовь по отношению к другому существу, скромность и неуверенность по отношению к себе.

Позитивные чувства испытывали будущие гении по отношению к сестрам. Неуверенность же и даже растерянность диктовалась прохладным отношением родных, что заставляло проводить огромную работу над собой. Ведь не было самого главного фактора, подтверждающего собственную значимость – любви.

Об этом хорошо знал гений философии и словесности – В.В. Розанов, который рано остался сиротой. «Между тем настоящий ум начинается со скромности, то есть некоторого плача о себе и своих силах, о своем бессилии; и пропорционально этому, с внимания к окружающему, с желания учиться из окружающего... настоящая наука никак не может зародиться иначе как в глубоком безмолвии, почти в немом человеке... Наука, как и все лучшее, рождается из добродетели...»³. То есть исток гения – преодоление страдания путем самоуглубления, самосовершенствования.

К.Г. Юнг пишет в работе «Взгляд в прошлое»: «Мое отличие от большинства людей в том, что для меня стены прозрачны... «благословленное несовершенство»... Чем более я был неуверен в себе, тем сильнее росло во мне чувство родства со всем этим». Что же такое это. Лао-Цзы: «и... так много вещей, которые переполняют меня: растения, животные, облака, день, ночь и вечное в человеке». Лао-Цзы считали и стариком, и ребенком одновременно.

Суть происходящего – обретение большей симметрии. Поэтому силы умножаются. Все живое симметрично не случайно. Правая и левая половинки поддерживают друг друга. Если гений помещает себя в центр мира пониманием единства всего существующего, то обретает всеобщую поддержку и энергию. Особенно помогает в этом процессе разница между несчастьем детства и веселой молодостью и зрелостью. Вот откуда этот ликующий стиль! А начало этого преобразования обычного человека в гения – верное понимание представителей противоположного пола.

Еще раз вспомним Платона, его миф первых людей на Земле – андрогинах, совмещающих в себе и мужчин, и женщин в одном теле. Они имели четыре руки, четыре ноги, две головы, по могуществу равнялись богам Олимпа. Именно поэтому боги разделили их на две части: мужчин и женщин. И любовь – это поиск второй потерянной половины. Если человек находит ее, то силы его возрастают.

Получается, что гении являются духовными андрогинами, или гермафродитами, имеющими широкую душу, и мужскую, и женскую одновременно. Поэтому поэты и писатели легко представляют себя женщинами. Как уже было сказано, Пушкин описывал себя в Татьяне Лариной, а также в образе

³ Розанов В.В. И.В.Киреевский и Герцен // Сочинения. М., 1990. С. 394–395.

178 | Акулины в «Барышне-крестьянке». В 1825 году, по свидетельству крепостного Архипа, «он барина учил мужицкой походке, обхождению, и прическу и бороду все примеряли...»⁴.

Великолепны портреты и женщин, и мужчин у О. Бальзака. Недаром название главного его произведения – «Человеческая комедия».

Хорошо, а где же симметрия у Леонардо? Он не интересовался женщинами, не был женат. Различные мнения высказывают о его отношениях с любимым учеником.

Его симметрия – почерковая. Он писал так, что прочесть можно было только при помощи зеркала. Вообще к зеркалам он питал большой интерес. Даже пытался создать агрегат, состоящий из зеркал. Но из-за обвинения в связях с потусторонним миром прекратил эту деятельность. Интересно, что бы мы узнали, если бы ему удалось создать эту зеркальную машину!

Но все же не стоит приукрашивать гениев. Они были люди и имели свои слабости.

И последние оказали влияние на их судьбу, и даже длительность их жизни.

Несмотря на безлюбое детство и свою чувствительность, и А.С. Пушкин, и О. Бальзак, став взрослыми и известными, мало церемонились с женщинами. Количество женщин, с которыми они «общались на коротке», велико.

«Невоздержанность – царица всех смертей», – говорил Растиньяк, герой произведения О. Бальзака «Шагреновая кожа». И поэт, и писатель рано умерли. О. Бальзак умер в 50 лет, А.С. Пушкин в 37 лет. Почему так рано?

Как уже было сказано, А.С. Пушкин пользовался успехом у женщин, и немудрено – ведь он их прекрасно понимал! Мы и сейчас можем слышать – как он с ними говорил. Его прекрасные стихи порождены умением пленять. О близости его стихов и разговора с ней, и вообще с женщинами, позже писала его жена – красавица Наталья Николаевна Гончарова и другие его знакомые. И это умение ярко и красиво говорить и писать оказывалось решающим, несмотря на наружность, не отличающуюся красотой.

Начиная с друзей Александра Сергеевича и М.Ю. Лермонтова, мы все сочувствуем великому поэту, погибшему на дуэли из-за кокетства жены с Дантесом – кавалергардом, выходцем из Франции. Но не так все просто. Как уже было сказано, Пушкин был признанным Дон-Жуаном, и слухи о его «подвигах» широко обсуждались в свете. Он не оставил своих привычек и после женитьбы. Тут появляется поклонник у его жены! То есть А.С. Пушкин – завязанный повеса – сам очутился в смешном и двусмысленном положении возможной измены. Повод для обсуждения и веселья окружающих. Считали, что это месть самой судьбы. Поэт этого перенести не мог! Воскрес кошмар его детских воспоминаний – униженность и безлюбовь. А. Блок писал, что поэту не хватило воздуха. Да, присутствие любви и уважение окружающих

⁴ Эйдельман Н.Я. Большой Жанно... С. 302–303.

всем нужно как воздух. Без этого жизнь теряет смысл. Поэт выбрал дуэль, чтобы изменить нетерпимое положение объекта насмешек. (Графиня Вревская вспоминает, что А.С. Пушкин ей так и сказал.)

О. Бальзак. Человек страстный, не отличающийся умеренностью ни в чем, а особенно в отношении женщин. Андре Моруа так обобщил его жизнь: «Он умирал, сгорев в огне своих желаний ... умирал жертвою своего творчества. Несчастное детство и юность породили у него сверхчеловеческое честолюбие. Он хотел всего: любви, богатства, гениальности, славы.

Несмотря на расстояние, казалось бы, непреодолимое, между отправной точкой и целью, он всего достиг... он стал средоточием». И последняя фраза из толстого фолианта «Прометей, или Жизнь Бальзака»: «Мозг его вскормил целый мир. И этот мир поглотил его жизнь – он умер еще молодым. Но кто не хотел бы быть Бальзаком?»⁵

Нет, и О. Бальзак, и А.С. Пушкин не являются жертвами своего творчества. Оно дало им все. Они – жертва чрезмерности. Но став гениальными, они подают не самые лучшие примеры для подражания. Наше время и так не обременено нравственными устоями. А тут еще такие удивительные люди с неувидительным поведением...

Сейчас не модна дидактика, но сама жизнь дидактична, но мы этого благополучно не замечаем, поливая гениев елеем заслуженным и незаслуженным. Может, стоит понять, что ранняя смерть Пушкина и Бальзака закономерна.

Сами гении хорошо понимали свои достоинства и недостатки. Они одновременно скрывают и выдают свои тайны в творчестве. Замечательный герой уже упомянутого произведения О. Бальзака «Шагреновая кожа» Рафаэль предается всем возможным и невозможным удовольствиям благодаря полученному талисману – шагреновой коже. При этом сам талисман уменьшается, и в конечном итоге герой умирает молодым, несмотря на попытки свести желания к минимуму. Было уже поздно.

Гении под микроскопом рассматривают свои духовные метания, и поиски, и открытия. Скорее всего, на создание этого вышеупомянутого произведения оказала влияние и жизнь отца Бальзака. Он был долгожителем для своего времени – дожил до 83 лет. Его любовь к жизни сочеталась с умеренностью. Видимо, «Шагреновая кожа» создавалась на понимании автором противоречия образа жизни своего и отца. Итог этой разницы – 33 года – между длительностью жизни отца и сына: (83 – 50 = 33). Вот цена неумеренности!

Но мало кто знает о жизни отца писателя, а гений О. Бальзака через свои произведения и особенно биографию оказывает на живущих влияние.

Леонардо прожил 67 лет, максимум по сравнению с другими рассматриваемыми гениями. Он был красив, но о его личной жизни мало известно.

Итак, исток гениев находится в контрасте печального, «безлюбного» детства и радостного, игрового взлета гениальности, который переместил их из

⁵ Моруа А. Прометей, или Жизнь Бальзака. М., 1983. С. 631.

180 | периферии, из заброшенности в центр любви и внимания своего времени, который прорвался сквозь века. Подобная история несчастного детства характерна не только для А.С. Пушкина, О. Бальзака и Леонардо да Винчи, но и для Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, М.Ю. Лермонтова, философа Серебряного века – В.В. Розанова.

Как уже было сказано, у Леонардо да Винчи, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, М.Ю. Лермонтова, В.В. Розанова матери рано умерли, а к А.С. Пушкину и О. Бальзаку матери не питали настоящей любви. Видимо, это совсем не случайно.

Взаимоотношения с женщинами гениев, духовная симметрия двух начал в них – мужского и женского – это то, что приоткрывает завесу над истоком их всеотзывчивости.

Поэтому стоит привести несколько откровенных цитат В.В. Розанова, иллюстрирующих вышеизложенное:

– «Нина Руднева (родств.) девочка лет 17, сказала в ответ на мужское, мужественное во мне:

– В вас мужского только... брюки...

Она оборвала речь...

То есть кроме одежды – неужели все женское? Но я никогда не нравился женщинам (кроме друга) – и это дает объяснение антипатии ко мне женщин, которую я с гимназических лет столько мучился»⁶.

Вот еще одна цитата русского писателя XX века М.М. Пришвина. Он пишет в своем дневнике 28 октября 1929 года: «Может я вроде душевного гермафродита. И та любовь, поверхностно-чувственная, есть вообще мужская любовь, а другая моя неудовлетворенная любовь – есть обыкновенное чувство женщины»⁷.

***

Человеку всего мало: времени, пространства и любви. Гений завоевывает и то, и другое, и третье не путем жестокости и захвата, а тонким путем – всепонимания. И в духовном плане он становится бессмертным. Ему резонирует вечность и все мироздание. Мы – обычные люди – воскрешаем его каждодневно, читая стихи или любуясь картинами. Быть может это будущее человека – гениальность? Гений божественен.

Сила гения в доброте, отсюда самоуглубленность гения, происходящая из-за несчастий его жизненного пути и понимания тяжести страданий.

Посредником между несчастностью и гениальностью является неуверенность в себе. Тяжелое чувство. Именно оно заставляет работать над собой постоянно и находить неуловимую суть.

⁶ Розанов В.В. О себе и жизни своей // Уединенное. М., 1990. С. 55.

⁷ Варламов А. Гений пола. Борьба за любовь в дневниках М. Пришвина // Вопросы литературы. № 11–12. 2001. С. 97.

***

Закончить эту работу хотелось бы знаменитым высказыванием Леонардо: «Из своего несчастья делают счастье люди, которых любит Бог». В России несчастий было всегда много. Но особо отличился XX век. Почему бы нам их не превратить в противоположность – счастье? Тем более, что даже после распада СССР Россия осталась самым большим государством мира. А это показатель терпимости к разным мировоззрениям, всеотзывчивости и этической состоятельности народов России при непростой ситуации сегодняшнего дня.

Литература

1. Эйдельман Н.Я. Большой Жанно. Повесть об Иване Пущине. М., 2004.
2. Афоризмы великих врачей. М., 2011.
3. Розанов В.В. И.В. Киреевский и Герцен // Сочинения. М., 1990.
4. Моруа А. Прометей, или Жизнь Бальзака. М., 1983.
5. Розанов В.В. О себе и жизни своей // Уединенное. М., 1990.
6. Варламов А. Гений пола. Борьба за любовь в дневниках М. Пришвина // Вопросы литературы. № 11–12. 2001.

I.K. Zabolotskaya

THE SECRET OF GENIUS: A. PUSHKIN, O. BALZAK

Abstract. The mystery of genius is in suffering, in the childish suffering of a future genius. Children found an amazing way out of this suffering and their own unbearable torment: through understanding and love for their sisters and further to surrounding world.

Keywords: genius, suffering, sisters.

М.О. Чичина

mch2629@yandex.ru

доцент кафедры русского языка МГИМО (У) МИД России

Москва, Россия

Н.В. Романчук

ст. преподаватель кафедры русского языка МГИМО (У) МИД России

Москва, Россия

МИРОВОЗЗРЕНИЕ РОССИИ, ОТРАЖЕННОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА, И ЧИТАТЕЛИ XX и XXI веков

Аннотация. А.С. Пушкину первому в русской литературе удалось воплотить в слове целостное мировоззрение России. В двадцатом веке читатели в России и за рубежом в силу исторических причин по-разному оценивали творчество поэта-мыслителя. Накануне 220-летия со дня рождения А.С. Пушкина и в силу тех исторических изменений, которые произошли в России в начале двадцать первого века, у нас есть возможность осознать целостное мировоззрение великого русского поэта.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Россия, мировоззрение, творчество, история России, революция, двадцатый век, двадцать первый век, второе Крещение Руси, зарубежная критика, отечественная критика, актуальность творчества Пушкина в двадцать первом веке, читатель и его картина мира.

Н.В. Гоголь писал, что Александр Сергеевич Пушкин – «это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет». Таким образом, он утверждал, что своей жизнью и творчеством Пушкин обозначил направление развития исторической, историософской, литературной мысли на два века вперед. Эти строки из очерка «Несколько слов о Пушкине» появились в 1834 году, еще при жизни поэта, следовательно, двести лет со времени публикации Гоголя приходится на 2034 год, так что, надо надеяться, еще есть время у россиян на постижение пушкинского мировоззрения.

Если анализировать события с позиции историософии, то в ходе самой истории ничего случайного не бывает, все определено свыше. Задумаемся, нынешний предъюбилейный 2018 год и следующий 2019, когда наша страна будет отмечать 220 лет со дня рождения Пушкина, – приходится на очень важное время в современной истории: мы все являемся очевидцами того, как стремительно меняется мир, и Россия как крупная мировая держава не может на это не реагировать. При том, что в последние годы наша страна вновь

отстаивает свое право свободно и независимо определять путь, по которому будет развиваться и экономически, и политически, и духовно.

По этой причине особую актуальность приобретает фигура А.С. Пушкина – литератора, которому первому в отечественной художественной литературе удалось отразить в своих произведениях мировоззрение России, целостную картину мира русского человека, ее неповторимость и самобытность. Философ И. А. Ильин писал об Александре Сергеевиче: «Призвание его состояло в том, чтобы принять душу русского человека во всей ее глубине, во всем ее объеме и оформить, прекрасно оформить ее, а вместе с нею – и Россию» [1, с. 922].

Какой Пушкин видел Россию? «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию», – писал он в работе «История русского народа, сочинение Николая Полевого» (1830). «Великий духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В этой священной стихии исчез и обновился мир», – размышлял Пушкин. Отсюда берут истоки многие лучшие черты русского характера: стремление к Истине и поиск ее, обостренное восприятие того, что совершается по совести, а что нет, доброта, умение прощать, открытость, любовь к ближним, а вместе с тем стойкость в преодолении трудностей, сила духа, борьба со злом. Ю.И. Сохряков как-то заметил, что Александр Сергеевич «учил Россию жить боговдохновенно, то есть свободно (по-своему, по-русски)», в этом смысле понимание смысла творческого наследия великого поэта – «залог самообновления и самопросветления нации» [8, с. 552].

Об отношениях России и Европы Пушкин писал в статье 1834 года «О ничтожестве литературы русской»: «Долго Россия была совершенно отделена от судеб Европы. Ее широкие равнины поглотили бесчисленные толпы монголов и остановили их разрушительное нашествие. Варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились в степи своего Востока. Христианское просвещение было спасено истерзанной и издыхающей Россией, а не Польшей, как еще недавно утверждали европейские журналы; но Европа, в отношении России, всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна». Заключительные слова этой цитаты удивительно актуальны, так как современная Европа повторяет ошибки своих предшественников и забывает о том, какую роль в ее спасении (уже в XX веке) сыграл Советский Союз (а фактически все та же историческая Россия).

При этом, ни в прошлом, ни в настоящем у русских людей не было и нет неприязни к Европе. Следует отметить, что Пушкин как блестяще образованный дипломат, несомненно, понимал необходимость сотрудничества с Европой, но на равных, в этом вопросе он разделял взгляды своего лицейского друга и впоследствии министра иностранных дел А.М. Горчакова.

Признавая заслуги России по защите Европы от монголо-татарского ига, от нашествия объединенного европейского войска во главе с Наполеоном

184 | в 1812 году, Пушкин, тем не менее, не идеализировал Россию, видел все ее недостатки, проблемы, существующие в обществе, которые были затронуты в его творчестве. Так, тема взаимоотношений человека и власти отражена в произведениях «Медный всадник», «Капитанская дочка», обличение крепостничества присутствует в стихотворении «Деревня». Однако критикуя современную ему действительность, утверждал: «Клянусь моею честью, что я ни за что не согласился бы – ни переменить родину, ни иметь другую историю, чем история наших предков, какую нам послал Бог». Это строки из письма поэта к П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 года.

В XX веке на долю нашего народа выпало много исторических потрясений и испытаний (русско-японская война, несколько революций (1905-го года, Февраль и Октябрь 1917 года), трудные горбачевско-ельцинские годы и развал СССР; но было и много замечательных побед: восстановление исторической России, правда, в новой форме государства – СССР, победа в мае 1945 года в Великой Отечественной войне над фашизмом. Вновь страна выстояла. В этом ключе следует признать особенно актуальными слова А.С. Пушкина, которые часто сегодня цитируются, потому что в них говорится о силе духа русского народа, способного преодолевать испытания:

Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали –
Смотрите ж: все стоит она!

Начиная с двухтысячных годов XXI века, Россия постепенно, но неуклонно, как говорил А.М. Горчаков, «сосредоточивается»: защищает свои национальные интересы, в непростых внешнеполитических условиях отстаивает свое место в мире, ведет непростую борьбу за свои традиционные духовно-нравственные ценности:

Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

В современной действительности происходит возвращение Россией статуса крупной международной державы, с интересами которой необходимо считаться, ее желание сохранить свои традиционные духовно-нравственные ценности, поэтому борьба за независимый путь развития России продолжается. А.С. Пушкин как раз и был тем поэтом, писателем, мыслителем, который понимал предназначение России, но и видел то, что отрицательно влияет на развитие русского общества (об этом он писал в романе в стихах «Евгений Онегин»).

Поэт удивительно точно сказал: «Я числюсь по России». Просто и емко. А.С. Пушкин не мыслил себя без России, вне нее. Образно сказал об этом

философ И.А. Ильин: Пушкин умел «видеть сердцем» свою родину, русский народ, да и не только русский: «Он перенимает их обычаи, вслушивается в их говор. Он художественно облекается в них и, со всей своей непосредственностью, переодевается в их одежды. Современники видели его во всевозможных костюмах, и притом не в маскарадах, а нередко на улицах, на больших дорогах, дома и в гостях: в русском крестьянском, нищенско-странническом, в турецком, греческом, цыганском, еврейском, сербском, молдавском, бухарском, черкесском и даже в самоедском «ергаке». Братски, любовно принял он в себя русскую многонациональную стихию во всем ее разнообразии» [2, с. 295]. Пушкин любил Россию, ее народ всем сердцем, защищал и отстаивал ее интересы до последней минуты жизни.

А как насчет ответного чувства? Чем отвечали Александру Сергеевичу? Проанализируем.

С одной стороны, еще при жизни, всенародная любовь: и простые люди, и часть дворян, разделявших взгляды поэта, среди которых были и его друзья – В. Жуковский, А. Дельвиг, И. Пущин, любили его. Ценил Пушкина и царь Николай I: «Умнейший человек России», – таково его мнение о поэте.

И оно вполне объяснимо: Пушкин профессионально разбирался в мировой истории, был сведущ в вопросах международных отношений, политике. Но многие и ненавидели поэта. Имена некоторых из них тоже сегодня известны всем: И. Полетика, муж и жена Нессельроде, Ж. Дантес, барон Геккерен. Гений Пушкина настолько силен, его творчество настолько актуально, как уже было отмечено, что и в XXI веке есть те, которые любят Пушкина, и те, которые, осознавая неоспоримость его дарования, не любят его.

Отношение к поэту после Октября 1917 г. тоже было разным. Первые большевики, придя к власти, запретили на время даже публично упоминать о Пушкине, потому что для них он был представитель дворянской России. В феврале 1921 года поэт-эмигрант Владислав Ходасевич писал: «Исторический разрыв с предыдущей, пушкинской эпохой навсегда отодвинет Пушкина в глубину истории. Та близость к Пушкину, в которой выросли мы, уже не повторится никогда...».

Однако через двадцать лет, в 1937 году, когда постепенно Россия стала восстанавливаться в исторических границах прежней империи, в Советском Союзе был выпущен большой том почти со всеми произведениями А.С. Пушкина. Накануне Великой Отечественной войны, осознавая, что народу необходима духовная подпитка, без которой невозможно противостоять врагу, И.В. Сталин вернул А.С. Пушкина в число уважаемых, читаемых и публикуемых авторов. Известный русский мыслитель XX Вадим Кожинов пишет: «Однако всего пятнадцать лет спустя, в 1936 году, находившийся в эмиграции и высоко ценимый ныне в России мыслитель Георгий Федотов, самым пристальным образом вглядывавшийся в жизнь покинутой родины

186 | и отнюдь не склонный как-либо приукрашивать эту жизнь, констатировал: «Никогда еще влияние Пушкина в России не было столь широким. Народ впервые нашел своего поэта. Через него он открывает *собственную свою историю* (выделено мною. – В.К.)... Будущее связывается с прошлым» [3, с. 5]. И это очень верно подмечено и Георгием Федотовым, и Вадимом Кожинным, что Пушкин – это связующее звено между историческим прошлым, настоящим и будущим России. Вот один пример. Его стихотворение «Клеветникам России» написано в 1831 году, но кажется, что оно написано именно сейчас в ответ на ту компанию русофобии, которая разворачивается против нашей страны на Западе.

У Пушкина мы находим ответы на вопросы: чем обусловлен менталитет западных («Наполеон») и восточных стран («Подражание Корану»), чего России следует остерегаться и к чему ей необходимо стремиться. Так, например, в образе Петра Андреевича Гринева Пушкин отразил лучшие черты молодого человека его эпохи.

А.С. Пушкин справедливо утверждал, что история России «требует другой мысли, другой формулы», чем история Запада. Россия – это самостоятельная цивилизация и самобытная культура.

220-летие А.С. Пушкина будет отмечаться в будущем году. Так развивается русская история, что, видно, именно в двадцать первом веке, когда, как говорил Патриарх Алексей II, произошло второе Крещение Руси: были вновь открыты храмы и народ возвращается к своим нравственным истокам, есть возможность и необходимость во всей полноте воспринять мировоззрение основоположника русской литературы – Александра Сергеевича Пушкина, опираясь на православие. Интересно, что сам поэт прошел путем князя Владимира: от юношеских увлечений, заблуждений к поискам Истины, к пониманию необходимости веры в Бога в жизни человека. Если князь Владимир, крестив Русь, объединил общество, и Россия усвоила нравственные нормы жизни, то Пушкину удалось отразить эти духовно-нравственные нормы бытия русского народа в своих произведениях, воплотить в слове.

Вадим Кожин писал: «...Пушкин реально создавал литературный язык, классический стиль и, наконец, национальное художественное самосознание (которое и не могло бы осуществиться вне этого языка и стиля, так же, впрочем, как и сами язык и стиль могли сложиться лишь как форма этого самосознания). Необходимо учитывать к тому же, что в России литература (в широком смысле) явилась основным средоточием общественного самосознания в целом; лишь при этом становится очевидной грандиозность деяния Пушкина и необъятная содержательность его творческой работы над словом» [4, с. 39].

Что касается объективной интерпретации пушкинских произведений, то следует отметить, что не всегда отечественное литературоведение было

непогрешимым: до и после революции одно и то же сочинение могло толковаться по-разному в зависимости от идеологических предпочтений. «Не случайно советское пушкиноведение, стяжав великие заслуги в изучении, так сказать, «материальной части» своего предмета, не приблизилось за десятилетия к целостному научному представлению о Пушкине, да и задачи такой не ставило...» [5, с. 490]. Например, в большинстве учебников литературы и в литературоведческих работах советского периода акцентировалось внимание на ранних произведениях А.С. Пушкина, подчеркивалось, что он выступал против монархии, был борцом за свободу, против царизма, как говорили в то время. Однако сам Пушкин довольно быстро разобрался в своих политических предпочтениях и осознал, что России нужны не революционные потрясения, которые в то время сотрясали Европу, а эволюционное развитие, требующее от народа и от государства очень многого: прежде всего соблюдения и властью, и народом вечного закона, о котором упоминается в его стихотворении «Вольность», то есть христианских заповедей.

Владыки! вам венец и трон
Дает закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.

Поэт полагал также, что каждому из нас следует выполнять и свои обязанности как духовного существа. Его, как утверждает В. Непомнящий, очень интересовала книга «Об обязанностях человека». «Никакие «права человека» немислимы там, где не исполняются обязанности человека как духовного существа: любые усилия тщетны, любые законы бессильны» [6, с. 20]. А о том, какие дороги Пушкину права, он размышлял в стихотворении «Из Пиндемонти».

Творчество поэта изучалось по-разному за рубежом и в нашей стране. И это вполне объяснимо. В Европе и Америке исследователями были, в основном, представители русской эмиграции. У них были свои идеи. А специалисты и критики в Советском Союзе изучали творчество А.С. Пушкина, исходя из той идеологии, которая была в советской стране.

Так исследование роли православия в жизни и творчества поэта началось в трудах представителей русской эмиграции (С. Франка, И. Ильина, архимандрита Константина (Зайцева), П. Струве), уж потом, после 90-х стали публиковаться работы и в России.

Советские пушкинисты (Ю. Тынянов, В. Виноградов, Б. Томашевский, Д. Благой, Н. Скатов и многие другие) внесли свой огромный вклад в составление подробной биографии поэта, в исследование художественного стиля А.С. Пушкина, в создание целого научного направления – пушкиноведения.

Свое понимание творчества великого поэта предложили другие талантливые поэты: Марина Цветаева, Анна Ахматова. Каждая из них по-своему

188 изучала нюансы смысла поэзии и прозы Пушкина, их как поэтов интересовал важный вопрос выбора наиболее точного слова для передачи мысли.

Позднее, в девяностые годы двадцатого века появился «мой Пушкин» – «либеральный», диссидентский, а потом и «плюралистический» [7, с. 491].

В конце девяностых – начале двухтысячных были опубликованы труды ученых, которые, несомненно, заслуживают особого внимания всех читателей двадцать первого века, желающих понять смысл творчества А.С. Пушкина – это научные концепции замечательных ученых-исследователей Валентина Непомнящего и Вадима Кожинова, которые увидели в творчестве поэта воплощение целостной картины русского национального менталитета.

Удивительно, но школьные учителя к работам этих пушкиноведов обращаются мало. В современных школьных и вузовских учебниках есть попытки анализа текста и, конечно, смысла тех произведений А.С. Пушкина, которые входят в программу обучения, однако объяснения логики развития всего творчества поэта-мыслителя от одного произведения к другому нет. Так, например, повесть «Капитанская дочка» изучается раньше, чем роман в стихах «Евгений Онегин». Но учащиеся не смогут полностью понять замысел образа Петра Гринева и его значение для всего творчества А.С. Пушкина без изучения текста «Евгения Онегина».

Конечно, современным литературоведам известен целостный анализ творчества Пушкина, например, проведенный профессором В.С. Непомнящим, но знания эти необходимы не только специалистам, но и самому широкому кругу читателей. Хотелось бы предложить разработчикам программ по русской литературе уйти от фрагментарности и попробовать составить их так, чтобы по завершении обучения в школе или вузе ученики и студенты могли составить для себя представление о мировоззрении России, отраженном в творчестве нашего великого поэта, и об актуальности творчества А.С. Пушкина в двадцать первом веке.

Литература

1. Ильин И.А. Пушкин. Москва: Институт русской цивилизации, 2011. 1029 с.
2. Ильин И.А. Пушкин. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 1029 с.
3. Кожин В. Великое творчество. Великая победа. М.: Военное издательство, 1999. 382 с.
4. Кожин В. Великое творчество. Великая победа. М.: Военное издательство, 1999. 382 с.
5. Непомнящий В. Пушкин. Том II. Избранные работы 1960–1990-х гг.// Русская картина мира. Предназначение. М.: Московские учебники. 2001. 493 с.
6. Там же.
7. Там же.

8. Сохряков Ю.И. Русская цивилизация: философия и литература. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 719 с.

M. A. Chichina, N. V. Romanchuk

WORLDVIEW OF RUSSIA, REFLECTED IN THE WORKS OF ALEXANDER PUSHKIN, AND READERS OF THE XX AND XXI CENTURIES

Abstract. A.S. Pushkin was the first in Russian literature to bring into a word the whole world outlook of Russia. In the twentieth century, the readers in Russia and abroad, for historical reasons, assessed the work of the thinker-poet differently. On the eve of the 220th anniversary of the birth of A.S. Pushkin and because of the historical changes that occurred in Russia in the early twenty-first century, we have the opportunity to realize the integral worldview of the great Russian poet.

Keywords: A.S. Pushkin, Russia, worldview, creativity, the history of Russia, the revolution, the twentieth century, the twenty-first century, the second Baptism of Rus, foreign criticism, domestic criticism, the relevance of Pushkin's works in the twenty-first century, the reader and his world view.

«ОНЕГИН» И ЛЮБОВЬ

Аннотация. Комментарий строф XXXIV – XLVII восьмой главы романа «Евгений Онегин».

Ключевые слова: финал романа; последняя встреча героев; монолог Татьяны; любовь Татьяны и Онегина.

Пушкина на протяжении без малого двух веков изучали и толковали многочисленные проницательные эрудиты. И тем не менее дальнейшие текстологические открытия и инновационные понимания в пушкинистике реальны [1, с. 8]. Среди многих исследований привлекает тема любви в восьмой главе «Евгения Онегина». Большой интерес по теме любовной истории героев романа Татьяны и Онегина вызывает статья Ю. Никишова «Онегин и Татьяна» [2, с. 16–26] и его книга «Творческая история Евгения Онегина» [3, с. 320]. По мнению автора, «Онегин» – роман о любви. Наше возражение вызывает тезис автора: Татьяна следует в жизни Онегинскому положению – «вольность и покой» как замена счастья. Однако сам Онегин отвергает это положение. Трудно согласиться с высказыванием автора, что Татьяна будет искать интересы жизни вне любви. Никишов говорит, что Татьяна вышла бы замуж за Онегина, осталась она вдовой, т.е автор не сомневается в желании и возможности Татьяны иметь семью с Евгением. Но тем не менее, усматривает в этом насилие над романтным образом героини, заставляя ее идти вспять и быть счастливой. Вопрос: во имя чего стоицизм Татьяны? А ведь автор считает, что любовь для человека благо. Трудно осознать мысль Никишова о сближении внутренних миров героев – Онегина, Татьяны – княгини и Татьяны – барышни: «прежнее не забыто, а новое манит». Автор считает: сохраняющаяся любовь Татьяны к Онегину – чувство заповедное, тайник, куда нет доступа Онегину, возвращение на прежние позиции любви – для нее невозможно. Рассуждения Татьяны о любви Онегина как предложении светской интрижки, чтобы подавить и в себе, и в нем чувство любви – об этом говорит Никишов – мы считаем жестокими и безнравственными.

К. Эмерсон в статье «Татьяна», выдвинула гипотезу: Татьяна сама – эстетика; в ней концентрируются энергия и знание, заключенные в определенном виде поэзии. Это абстрактный и бесплотный образ Татьяны [4, с. 36–42]. Онегин, по мнению автора, воображает свой последний визит к Татьяне. Странность его внезапного визита замечена критиками. Например, Набоков пишет: «Во всем этом – атмосфера, напоминающая сон». Онегин «проникает

в заколдованный замок. И как во сне, он находит Татьяну перечитывающей одно из его трех писем» [5, с. 36]. Эмерсон спрашивает: «каким образом наша сдержанная, мягкая, воспитанная, с прекрасными манерами Татьяна, могла превратиться в такого беспощадного коршуна?» Имеется в виду ее монолог в финале. Таким образом, Эмерсон прочитывает восьмую главу нетрадиционным образом. Онегин же, по мнению автора, реальный герой романа.

В статье «В сторону Онегина» Ю. Чумаков прокомментировал статью Эмерсон «Татьяна»; Чумаков считает трудным изложить ход мыслей Эмерсон и ее доводы [6, с. 52]. По мнению Чумакова, необходимо восстановить человеческий облик Татьяны, ее женскую сущность, что потеряна в трактовке Эмерсон. Чумаков утверждает, что психологическое состояние Татьяны в восьмой главе не мотивировано и не объяснено Пушкиным, но, тем не менее, может быть понято при введении в текст имеющегося определенного литературного материала, упоминающегося в его статье.

Интерес вызывает статья В.Е. Хализева [7]. Надо отметить, что в комментариях романа «Евгений Онегин» Н.Л. Бродского и Ю.М. Лотмана, любовная история Татьяны и Онегина анализа не получила. Таким образом, тема любви в восьмой главе «Онегина» однозначного понимания еще не имеет. В предлагаемой статье представлено наше понимание любви Татьяны и Онегина в данной главе.

Татьяна не обращает внимания на ухаживания Онегина. Евгений «свое безумство проклинает». Свет научил молодого человека этой «науке» страсти, и он считает свою безумную любовную страсть причиной молчания Татьяны. Теперь же Онегин ставил Татьяну на суд света. Не хочет этого и защитит ее честь. Евгений уходит из света; уходит и от Татьяны.

Во время зимних месяцев уединения Евгений много читал, но «мысли были далеко». Его воображение рисует «...сельский дом – и у окна // Сидит она ... и все она!..» И тогда родилась любовь мужчины к земной женщине, не к «богине Невы», а к Татьяне-барышне. Татьяне-княгине в этих мечтаниях нет места [1, с. 164–165].

В каком же состоянии находилась героиня? Возможно, Татьяна впала в глубокую любовную страсть. Когда она встретила Евгения в Петербурге, то ее сердце заныло. Кажется, слышит грозное онегинское «Мое» из святочного сна героини. Она решилась и позвала Евгения к себе. Евгения мысленно (телепатически) звала Татьяна. И только когда он полюбил ее и стал видеть сельский дом, и ее у окна, тогда услышал зов. Он мчался к Тане-барышне. «Идет, на мертвеца похожий». В доме никого нет. «Дверь отворил он. Что ж его // С такою силой поражает? // Княгиня перед ним одна» (8 гл., XL).

Она сидит, письмо его читает и плачет. «В сей быстрый миг» Евгений увидел ее немые страдания (8 гл., XLI): «В тоске безумных сожалений // К ее ногам упал Евгений».

192 | «В тоске» – ранее отверг Татьяну-барышню, затем «изменил» ей с Татьяной-княгиней. И вот героиня здесь ждет его. «Его больной, угасший взор, // Молящий вид, немой укор, // Ей внятно все».

«Молящий вид» – его ужас ошибки – измены; просит прощения. «Немой укор» – решил, что она задумала предложить ему себя. Нынешняя ситуация крайне опасна для Татьяны, и он должен предостеречь и защитить ее.

Татьяна приняла его безмолвную мольбу; простила «измену».

«Она его не подымает... О чем теперь ее мечтания?» (8 гл., XLII)

Возможно, мечтает о совместной с ним супружеской жизни. Она ждала от него активности; он ждал ее активности.

Татьяна заподозрила, что Евгений откажет в ее мечтаниях и заговорила:

Довольно; встаньте. Я должна

Вам объясниться откровенно.

Урок ваш выслушала я?

Сегодня очередь моя...

Татьяна напоминает, что тогда в деревне она неминуемо бы ему понравилась: «И что же? // Что в сердце вашем я нашла? // Какой ответ? Одну суровость» (8 гл., XLIII).

«Не правда ли? Вам была не новость // Смиренной девочки любовь?». Эту встречу она не забыла: «Блестящая взорами, Евгений // стоит подобно грозной тени» (3 гл., XLI). Это тот взгляд, из прошлого. И проповедь: «Учитесь властвовать собою; // Не всякий вас как я, поймет; // К беде неопытность ведет» (4 гл., XVI). Фраза «И я любила вас» в строфе XLIII для Онегина обидна: надо думать, она его уже не любит.

А далее по тексту идут резкие вопросы, звучащие как упреки: «Что ж ныне // Меня преследуете вы? // Зачем у вас я на примете?»

А также обидные несправедливые высказывания: «Не потому ль, что в высшем свете // Теперь являться я должна; // Что я богата и знатна». Упрек Онегину в том, что ему теперь нравится великосветская княгиня, в приверженности к аристократизму. Но Татьяна желает упреками пробудить в герое чувство самолюбия и тем самым помочь отказаться от молчания. Она понимает свою неправоту: не ожидала, что он будет молчать.

В аллее он был молод, силен духом, зол, но привлекателен загадочностью, и даже, нелюбовью к ней. А теперь – полумертвец, безумен в своей страсти и пишет жалкие письма.

Но Татьяна всегда хочет быть рядом с Евгением и даже молча выслушивать его проповедь, лишь бы не было нынешней его страсти, писем и слез. Следует суровый вопрос: «А нынче! – что к моим ногам // Вас привело? какая малость!» Его любовную страсть она презрительно называет «малостью», «обидной страстью» и спрашивает: «Как с вашим сердцем и умом // Быть чувства мелкого рабом?»

Вот что привело Евгения к ногам Татьяны: «... смотреть; влюбленными глазами; // Внимать»; «Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!» Такая страсть не обещает душевной и плотской близости между героями.

Татьяна же, возможно, хочет быть его женой. Не приемлет она его писем и слез, корбит откровение в его письме: «Томиться жаждою любви, // Пылать – и разумом всечасно // Смирять волнение в крови»; считает, что он преступно лишает себя мужественности. При встрече с Евгением в Петербурге ее любовное томление усиливается.

И, наконец, это состояние вылилось у нее ошеломляющим признанием:

Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада
<...>
За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, видела я вас.

По лирическому звучанию, это красивое признание Татьяны в любви к Онегину и предложение уехать с ним в ее деревню. Возможно, у нее была мотивация выйти за генерала: создать салон столичного высшего света.

Она хочет быть женой Онегина! А иначе зачем тогда она говорит о своей «постылой жизни» в Петербурге?

Татьяна стала догадываться, почему Онегин молчит: главное – он не может простить себе «измену» ей с княгиней; молча укоряет ее за то, что она вышла замуж. Татьяну охватило отчаяние – не даст он ей счастья. В строфе XLVII следуют строки безнадежности: «А счастье было так возможно, // Так близко!...»

Строка «А счастье было...» ассоциируется в тексте восьмой главы со строфой XLII – «Она его не подымает...» Именно эта ситуация благоприятствовала возникновению их счастливой супружеской близости. Стоило только улыбнуться, засветилось вокруг и возникло бы чудо, протяните только руки и коснитесь друг друга – ведь это так близко! Оба ждали первого движения. Как тут не заплакать над этой казуистикой отношений двух еще молодых людей? Оба плохо воспитаны. И тем не менее, она устроила свидание. Татьяна сделала шаг на грань жизни и смерти – если бы вдруг вошел муж, она бы сказала, что уходит с Онегиным, который стоит на этой грани с ней рядом. Но Евгений не может преодолеть стыд от того, что воспылил любовной страстью и ухаживал за княгиней, а сейчас полюбил «прежнюю» Татьяну.

Татьяна объясняет, почему же счастье стало невозможно: потому, что «судьба моя уж решена». «Неосторожно, // Быть может, поступила я: <...> Я вышла замуж» (8 гл., XLVII). Заканчивается монолог Татьяны. А далее идут роковые строки. Татьяна, похоже, сердцем поняла, что бесполезно предлагать Онегину себя и смирилась, и отрезала пути к их соединению – произнесла роковую фразу: «Я вас прошу меня оставить». Она знает, что он «проснется» и будет ее «завоевывать». Но уже оттолкнула его...

Татьяна находит основу для необратимости ухода: «Я знаю: в вашем сердце есть // И гордость, и прямая честь!»! Если судьба Татьяны, с ее подачи, уже задолго была решена, то к чему же ей надо было вызывать Онегина к себе? Пригласила к себе Онегина, чтобы предложить ему себя в качестве жены... да, прямо здесь, в ее покоях, и сейчас. Теперь же с ним прощается. Нет! Встреча нужна была для Татьяны: позвала и убедилась в том, что он любит ее, а не княгиню; дала понять, что им надо создать свою семью.

И все-таки Онегин молчал, не преодолел запрета своей совести, считая себя подлым учеником света в забвении Тани. Да и любит ли еще она его? Даже если он, преодолев стыд измены, согласился бы уйти с Татьяной, развода она не получила бы. И выход один: надо было защитить ее (как в случае с ее письмом), сохранить ей прежнюю жизнь и отказаться от надежды на счастье.

Но кроме этого здесь возникает мотив молчания Онегина: он не имеет уже права прийти к Татьяне. Да и не любит она его! Но что происходит затем! Она сказала: «Я вас люблю». Роковое признание с добавлением «к чему лукавить», чтобы подчеркнуть, что все те обидные для Евгения высказывания в монологе не искренны. А ее любовь – правда. «Но я другому отдана». И наконец – волевое решение героини полностью отказаться от счастья: «Я буду век ему верна».

В этом есть мысль о защите Татьяны от Евгения, чтобы он не возвращался. Татьяна и Евгений, чувствуя себя виновными, обращаются друг к другу со словами эпиграфа к восьмой главе: «Прости! И если так судьбою – // Нам суждено – навек прости!».

Литература

1. Верещагин Е.М. Речеповеденческая переинтерпретация четырех строф главы третьей «Евгения Онегина» // Вопросы языкознания, 2015. № 2. С. 7–40.
2. Никишов Ю. М. «Онегин и Татьяна» // Научные доклады высшей школы. Филологический науки. 1972, №3. С. 16–26.
3. Никишов Ю. М. Творческая история «Евгения Онегина». М.: ЛЕ-НАНД, 2016. 320 с.
4. Эмерсон К. «Татьяна» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. №6, 1995. С. 31–47.
5. Alexander Pushkin. Eugene Onegin. A Novel in Verse/Transl. and Comment Vladimir Nabokov. Vol II (commentary to Ch. Two, XXIV). P. 280–281.
6. Чумаков Ю.Н. В сторону Онегина // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1998, №4. С. 36–43.
7. Хализев В.Е. Завершение действия «Евгения Онегина» // А.С. Пушкин Проблемы творчества. Калинин, 1987. С. 44–62.

O. V. Essyrev

«ONEGIN» AND LOVE

Abstract. Comment to the verses XXXIV – XLVII of eight chapter of «Eugene Onegin».

Keywords: the finale of the novel; the last meeting of the heroes; Tatyana's monolog; love of Tatyana and Onegin.

М.Д. Гуськова

guskova.margarita2016@yandex.ru

магистрант 1 курса Государственного института

русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

ИМЯ АВТОРА В ПРЕДИСЛОВИИ К «ПОВЕСТЯМ БЕЛКИНА» А. С. ПУШКИНА

Аннотация. В статье исследуется природа имени автора, а также эстетическая парадигма имен в предисловии к «Повестям Белкина» А.С. Пушкина. В центре внимания такие проблемы, как имявоплощение, именная лакуна, именные аббревиатуры.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Повести Белкина», онтология имени, имя, нулевая семантика, лакуна, мистификация.

Цикл А.С. Пушкина «Повести Белкина» (1830) состоит из предисловия «От издателя» и пяти повестей: «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка». Изучение поэтики и проблематики цикла неоднократно становилось объектом научного исследования. К этой проблеме обращались такие исследователи, как Б.В. Варнеке, В.В. Гиппиус, П.Г. Жирунов, Н.П. Жилина, Г.П. Макогоненко, В.М. Маркович, Д.Н. Медриш, Е.П. Тырновская, В.Е. Хализев и С.В. Шешунова и др. [4–12]. Целью данной работы является анализ поэтики имени в самом начале цикла – в предисловии – с учетом методики исследования онтологии имени, предложенной Э. М. Афанасьевой [2].

В текст предисловия «От издателя» полностью вводятся два имени: имя автора цикла – Ивана Петровича Белкина и имя его родственницы и наследницы – Марьи Алексеевны Трофилиной. Имявоплощение этих субъектов эстетической деятельности идет вразрез с другой номинологической системой – редуцированием, сокрытием имен издателя, рассказчиков и имени автора письма, названного другом Белкина.

Мотив игры с именами субъектов творчества в предисловии к «Повестям Белкина» выглядит следующим образом. В сноске к предисловию помещаются сокрытые за инициалами имена рассказчиков повестей. Таким образом возникает калейдоскоп историй, рассказанных Белкину титулярным советником А.Г.Н. (повесть «Станционный смотритель»), подполковником И.Л.П. (повесть «Выстрел»), приказчиком Б.В. (повесть «Гробовщик»), девицей К.И.Т. (повести «Метель» и «Барышня-крестьянка»). Издает пове-

196 | сти издатель А.П. А биографические сведения об авторе подчеркиваются из письма безымянного друга. Письмо, помещенное в предисловие цикла, открывается этикетным обращением адресанта к издателю, однако, вместо имени появляются звездочки: «Милостивый Государь мой ****!» За приемом сокрытия имени подразумевается конкретный субъект, сознательно неназываемый. При этом отсутствие имени друга выглядит как прием исполнения воли адресанта письма: «Но в случае, если заблагорассудите сделать из сего моего письма какое-либо употребление, всепокорнейшее прошу никак имени моего не упоминать; ибо, хотя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но в сие звание вступить полагаю излишним и в мои лета неприличным» (курсив мой. – М.Г.) [10, с. 31].

Номинологические лакуны и намеки в тексте предисловия встраиваются в следующую парадигму имен: Милостивый Государь мой ****; инициалы «А.П.», завершающие предисловие, авторские примечания, отмеченные как «Прим. А. С. Пушкина»; титулярный советник А.Г.Н.; подполковник И.Л.П.; приказчик Б.В.; девица К.И.Т.

Интересно, что в лицейский период творчества А.С. Пушкин использует прием имявещения в таких произведениях, как «Mon portrait», «Моя эпитафия», «Моя родословная», где «актуализируется родовое имя – Пушкин» [1, с. 10]. Мотив игры с родовым именем проявляется также и в других произведениях. Например, в трагедии «Борис Годунов» дважды встречается фамилия Пушкин, причем один Пушкин находится на стороне Бориса Годунова, а второй – на стороне самозванца [2, с. 154]. Однако в «Повестях Белкина» есть намек на имя Пушкина, но само оно редуцируется или является в примечаниях. На первый план в предисловии к циклу повестей выходит имя Белкина.

Согласно В.Е. Хализеву и С.В. Шешуновой, место и роль Ивана Петровича Белкина в пушкинском цикле понимались и понимаются по-разному. А. Григорьев поставил в центр повестей подставного автора [12, с. 33]. А в литературоведении начала XX века вымышленного сочинителя рассматривали как нечто незначимое для восприятия цикла [12, с. 33].

Однако, несмотря на прием имявещения личности автора-Белкина, редукции подвергается его творческое наследие: в предисловии сообщается о том, что не все произведения Белкина дошли до потомков по причине использования рукописей в хозяйственных нуждах: «Кроме повестей, о которых в письме вашем упоминать изволите, Иван Петрович оставил множество рукописей, которые частью у меня находятся, частью употреблены его ключницею на разные домашние потребности. Таким образом, прошлую зиму все окна ее флигеля заклеены были первою частию романа, которого он не кончил» (курсив мой. – М.Г.) [10, с. 30]. По наблюдениям Э.М. Афанасьевой, исследовавшей мотив практической пользы бумаги, «у Пушкина и Гоголя

авторские рукописи имеют хозяйственную ценность с позиции женского сознания» [3, с. 58]. Незавершенность повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» Н.В. Гоголя объясняется, например, тем, что старуха пасечника использовала тетрадь с текстом произведения для печения пирожков [Там же].

Так каково же положение имени в номинологической парадигме предисловия к повестям? На фоне многочисленных сокращений и намеков имя Белкина эстетически завершено. Однако имена якобы «реальных» рассказчиков и издателя вписаны в номинологические намеки. Как представляется, на этом и строится эстетическая игра «Повестей Белкина», где вымысел становится эстетически осязаемым, а реальность – ускользает от словесной огранки.

Литература

1. Афанасьева Э.М. Мифологема родового имени в лицейской лирике Пушкина // Вестник Томского государственного университета. № 329, 2009. С. 10.
2. Афанасьева Э.М. Онтология имени в творчестве русских писателей начала XIX века: Литературное общество «Арзамас», А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 154.
3. Афанасьева Э.М. Феномен книги в художественном мире М.Ю. Лермонтова: учеб. пособие. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. С. 58.
4. Варнаке Б. В. Построение «Повестей Белкина» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 38/39. С. 162–168.
5. Гиппиус В.В. Повести Белкина // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М., Л.: Наука, 1966. С. 1–45, 341–349.
6. Жилина Н.П. Творчество А. С. Пушкина в контексте христианской аксиологии. Монография. ИТРК. 2017.
7. Жирунов П.Г. Взгляд на «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» в аспекте циклизации. Мир науки, культуры, образования. № 7 (19). 2009. С. 84–86.
8. Маркович В. М. «Повести Белкина» и литературный контекст // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1989. Т. 13. С. 63–87.
9. Медриш Д. Н. «Песня Параша» и повесть о барышне-крестьянке // Московский пушкинист: Ежегод. сб. / Рос. АН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкин. комис. М.: Наследие, 1995. Вып. IV. 1997. С. 38–50.
10. Пушкин А.С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Вступит. Статья Г. Макогоненко. Ил. худож. К. и П. Швеца. Л.: Худож. лит., 1974. 112 с. с ил. (Нар б-ка).
11. Тырновская Е.П. «Повести Белкина» А.С. Пушкина: опыт православно-христианского прочтения в школе. Актуальные вопросы обучения русскому (родному) языку. Сб. материалов Межрегиональной конференции. Рязань, 2015. С. 322–323.

12. Хализев В.Е., Шешунова С.В. Цикл А.С. Пушкина «Повести Белкина»: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш.шк., 1989. С. 33.

Guskova M.D.

**THE NAME OF THE AUTHOR IN THE PREFACE
TO “THE STORIES OF BELKIN” BY A.S. PUSHKIN**

Abstract. The article examines the nature of the author’s name, as well as the aesthetic paradigm of the names in the preface to Belkin’s Tales by A. Pushkin. The main focus is on such problems as name implementation, nominal lacuna, nominal abbreviations.

Keywords: A.S. Pushkin, «Belkin’s Tale», name ontology, name, zero semantics, lacuna, hoax.

ЭПИГРАММА А. С. ПУШКИНА «СКАЗАЛИ РАЗ ЦАРЮ, ЧТО НАКОНЕЦ...» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ БАСЕННОГО НАЧАЛА В РУССКОЙ ЭПИГРАММАТИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются черты пушкинской эпиграммы «Сказали раз царю, что наконец...», позволяющие говорить о проявлении в этом произведении басенного начала. Анализ сопровождается кратким очерком истории влияния басенного жанра на эпиграмматический в творчестве предшественников, современников Пушкина и эпиграмматистов более позднего времени.

Ключевые слова: басня; эпиграмма; А.С. Пушкин.

Традиционализм, следование правилам и жанровым образцам являются доминантой художественного творчества классицистов. Однако можно свидетельствовать, что именно в русской классицистической литературе XVIII в. наблюдается структурная перестройка художественного сознания, которая проявляется в изменении жанрового облика литературы, в процессах взаимопроникновения, смешения жанров, в частности, контаминации басни и сатирической эпиграммы. Формирование индивидуально-авторского типа художественного мышления субъективно осознавалось как освобождение от разного рода правил, от диктата жанровых канонов. В настоящей статье предлагается проследить, как басенное начало представлено в эпиграмме А.С. Пушкина на М.С. Воронцова «Сказали раз царю, что наконец...». Четкость авторской концепции, приоритетность внутреннего единства над внешним вступает в своеобразное противоречие с разнородностью используемых жанров басни и эпиграммы в пушкинском произведении.

Данная работа призвана обосновать басенный характер пушкинской эпиграммы (то есть сближение с басней произведения, не имеющего соответствующего жанрового обозначения), рассмотреть черты этого жанра, проявившиеся в данном произведении, и дать краткий очерк истории влияния басенного жанра на эпиграмматику в творчестве предшественников, современников Пушкина и более поздних авторов.

Эпиграммы в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» определяются как «короткие сатирические стихотворения, обычно с остротой

200 (пуантом) в конце, отчасти перерабатывающие традиционные марциаловские мотивы <...>, отчасти откликающиеся на злободневные, часто политические события» [9, с. 1233]. Басня, согласно Литературной энциклопедии, – «короткая повествовательная форма, сюжетно законченная и подлежащая аллегорическому истолкованию как иллюстрация к известному житейскому или нравственному правилу», и далее речь идет о том, что обычно басня «распадается на 2 части: рассказ об известном событии, конкретном и единичном, но легко поддающемся обобщительному истолкованию, и нравоучение, следующее за рассказом или ему предшествующее» [3]. В Словаре Брокгауза и Ефрона отмечается «дидактически-сатирический» и «описательно-повествовательный» характер басни [4]. Взаимодействие двух рассматриваемых жанров прослеживает Л.Ф. Ершов в статье «О русской эпиграмме», кратко отмечает В. Васильев в статье «Беглый взгляд на русскую эпиграмму». Интересные суждения о сходстве басни и эпиграммы содержатся в работе И.И. Даниленко «Диалог в эпиграмме и басне XVIII – первой половины XIX века». Исследователь замечает, что «из всех поэтических жанров именно эпиграмма и басня являются наиболее диалогизированными» [5, с. 4], и выдвигает гипотезу, «что диалог способствует “разрастанию” эпиграммы и сближению ее с другими жанрами (притчей, басней, былью и т.д.)» [5, с. 11].

Часто в творчестве русских эпиграмматистов эпиграмме сознательно придается форма басни, с указанием жанра в подзаголовке или тексте. В данной работе будут рассматриваться лишь эпиграммы в собственном смысле слова, написанные «на лицо» или на конкретный порок, но поднимающиеся до обобщения, что и сближает их с произведениями басенного жанра.

Первый этап взаимного жанрового влияния басни и эпиграммы отразился в творчестве А. П. Сумарокова. В его произведениях развиваются оба жанра, причем эпиграмма Сумарокова испытывает определенное влияние басни, проявившееся в большей изобразительности и остроте насмешки. Представляется, что в этот период в своей лаконической назидательности ранняя сатирическая эпиграмма могла сближаться с басенной моралью, от которой впоследствии отходит и к которой остается близкой в ряде употребительных кратких форм (в особенности двустишие). В возникающих же и развивающихся повествовательности, изобразительности, комизме она испытывает влияние повествовательной части басни, которая могла быть определяющим фактором в возникновении т. н. «эпиграмматической сказки». Л.Ф. Ершов, не отрицая различий и расхождений между двумя жанрами, пишет о эпиграмме и басне, что «рационалистический и дидактический XVIII век тем более охотно сближал эти жанры, что эпиграмма тоже понималась как воплощение поучения» [12, с. 13], а говоря о последователях А.П. Сумарокова, отмечает «плодотворное воздействие опыта старших баснописцев» [Там же]. Помимо эпиграмм Сумарокова («Разбойник некогда хранить устав свой клялся...»), «Два были человека...»), басенное начало в XVIII в. проявляется

в эпиграммах И. С. Баркова («Жена, родами мучающаяся»), Г. Р. Державина («На птичку», «На барсука»), М.В. Ломоносова («На противников системы Коперника»), В. И. Майкова («Нерону острый ответ дворянина, приехавшего в Рим»), И. П. Пнина («Карикатура») и др.

В начале XIX в., как пишет В. Васильев, «границы между жанрами <...> постепенно стирались» [11, с. 19]. Это касается не в последнюю очередь и границ между басней и эпиграммой. Как эпиграмма во всем многообразии своих типов, форм и стилей, так и басня переживают в эту эпоху время наивысшего расцвета. Л.Ф. Ершов отмечает в это время существенное влияние крыловской басни на эпиграмму: «демократизация во всем – от тематики до языка и стиля, новое качество народности», – вот открытия Крылова, которые «охотнее всего заимствовала реалистическая эпиграмма» [12, с. 25]. Среди современников Пушкина, эпиграммы которых имеют общие черты с басней, можно назвать Е. А. Баратынского («Писачка в Фебов двор явился...»), «В восторженном невежестве своем...», «Что ни болтай, а я великий муж!») и П. А. Вяземского («На поездку П. П. Свинына в Грузино, имение А. А. Аракчеева», «Дервиш и ученик»).

Говоря об эпиграмматики Пушкина, часто отмечают ее конкретную, часто личную направленность. В частности, рассматриваемую в данной статье эпиграмму «Сказали раз царю, что наконец...» согласно типологии, обоснованной в работе И.С. Леонова «Поэтика русской эпиграммы XVIII – начала XIX века», следует отнести к типу эпиграмм «на лицо», «объектами для которых служили реальные исторические личности, в том числе современники автора». В таких произведениях «могли содержаться намеки на конкретные поступки или высказывания адресата эпиграммы» [8, с. 8]. Однако многие пушкинские эпиграммы, в том числе и эпиграммы «на лицо», от обличения отдельных людей возвышаются до обобщения, порой назидательности. Вероятно, на такой подход к сатирической эпиграмме повлияли идеи, воспринятые еще во время лицейского обучения. В статье «Сатира А. С. Пушкина на Воронцова» Е. А. Акулова приводит слова лицейского преподавателя П. Е. Георгиевского о том, что сатира «должна быть общою и разве только в таком случае касаться лица, когда сие представляет какую-нибудь всеобщую глупость» [1, с. 200]. В этом отношении наиболее ярким примером служит пушкинская эпиграмма на М. С. Воронцова «Сказали раз царю, что наконец...», анализ басенных черт которой предлагается в данной статье.

Определенное сходство с басней можно обнаружить в содержании эпиграммы, в подходе к художественной обработке случая, который лег в основу произведения. Сравнивая в этом ключе эпиграмму на Воронцова с басней, стоит обратиться к «Лекциям по теории словесности» А. А. Потебни. В свете его суждений о басне можно более четко и последовательно определить отношение пушкинской эпиграммы к басенному жанру.

А.А. Потебня разделяет басню как явление мысли на частный случай, к которому она применяется, и образ («то, что обыкновенно называется басней» [10]), а также перечисляет свойства последнего. Первое свойство: «он должен состоять из ряда действий» [10]. Это требование выполняется пушкинской эпиграммой, ряд действий здесь следующий: донесение царю о смерти Риэго («Сказали раз царю...» [10, с. 129]), реплика льстеца («Я очень рад, – сказал усердный льстец. – // От одного мерзавца мир избавлен») [Там же]), реакция присутствующих («все смолкнули, все потупили взор» [Там же]). Второе свойство образа заключается в том, что «действие, его составляющее, должно представлять известное единство» [10]. Это также верно в отношении данной эпиграммы: повествовательная часть содержит один последовательный сюжет, служащий обличению одного порока. Третье свойство образа басни – «то, что она, чтобы не останавливаться долго на характеристике лиц, берет такие лица, которые одним своим названием достаточно определяются для слушателя, служат готовым понятием» [10]. Вероятно, именно к этому соображению можно отнести то обстоятельство, что Александр I и М.С. Воронцов в эпиграмме не названы по именам [ср.: 2], остаются абстрактными царем и льстецом. К слову, образы царя и льстеца фигурируют в многих баснях, как в собственном виде, так и заменяемые образами животных (в один ряд с пушкинской эпиграммой в этом отношении можно поставить, например, следующие басни Крылова: «Мор зверей», «Хмель», «Рыбы пляски», «Лев, Серна и Лиса»). У Лафонтена, творчество которого было хорошо знакомо А.С. Пушкину, есть басня «L'Ane et le petit Chien» («Осел и Собака»), сюжет которой во многом сближается с пушкинским, хотя присутствуют и различия. Здесь также идет речь о неудачной попытке подольститься. Осел в басне Лафонтена хочет последовать примеру Собаки, которая заслуживает хозяйскую благосклонность, лишь подавая ему лапку. Параллелью реплике «усердного льстеца» у Пушкина здесь служат следующие строки: «Осел к хозяину подходит неуклюже, // Копытом стоптанным своим // Его ласкает и к тому же // Еще ревет, да как! Мелодией такой // Он скрасить, зная, хотел поступок дерзкий свой» [7, с. 153]. Мораль басни такова: «неуклюжему уроду // Едва ль возможно ловким быть» (пер. В. Мазуркевича) [7, с. 152]. Выражение «неуклюжий урод» в сочетании с ролью данного персонажа в басне особенно интересно в силу того, что среди начальных вариантов к слову «льстец» у Пушкина было слово «неловкий» [1, с. 211]. «Четвертое свойство образа басни – то, что можно назвать конкретностью или единичностью действия» [10]. Это также верно в отношении действия в эпиграмме, так как она изображает конкретное событие, пусть и служащее иллюстрацией общего порока. Имена Риэго и Фердинанда в тексте сохранены, в отличие от имен Александра и Воронцова, что позволяет сохранить единичность действия, возвышая его при этом до обобщения.

При рассмотрении композиции эпиграммы обращает на себя внимание возможность выделить в ней две части: первые двенадцать строк составляют повествовательную часть, последние две («Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить // И в подлости осанку благородства» [10, с. 130]) – итоговую, содержащую вывод. Очень интересен вопрос о том, что же представляет собой последняя часть: мораль или пуант? «Поэтический словарь» А.П. Квятковского дает несколько определений пуанта: «1) остроумное заключение эпиграммы, басни или анекдота; 2) неожиданное разрешение сюжета <...>; 3) в более расширенном толковании <...> всякая резкая концовка в строфе или стихотворении, содержащая остроумное выражение, афористическую мысль или неожиданный вывод» [6, с. 228]. Ко второй части данной эпиграммы не подходят два более узких понятия, а более широкое тесно соприкасается с понятием морали в басне. Следовательно, можно заключить, что последние две строки в эпиграмме, несущие в себе назидание, тесно сближаются именно с моралью. Подтверждение этой мысли можно найти в статье Е. А. Акуловой: «Очень долго поэт работал над концовкой <...>, добиваясь афористичности стиха, глубины обобщения и усиления его эмоциональности» [1, с. 212].

Потехня так определяет цель воспроизведения (а следовательно, косвенно, и создания басни): «определенная точка зрения на действительный частный случай А <...> посредством сравнения его с другим, тоже частным случаем, рассказанным в басне Б» [10]. Образ басни, согласно его утверждению, обретает свою вечность и силу обобщения в способности «стать общей схемой спутанных явлений жизни и служить их объяснением» [10]. Выделенная выше вторая, сближающаяся с басенной моралью часть пушкинской эпиграммы помогает ее действию обрести это свойство, так как содержит в себе обращение ко всем льстецам, а не только к конкретному адресату эпиграммы. Как утверждает Акулова, «Пушкин изменил единственное число слова “льстец” на множественное “льстецы”», так как «употребленное в единственном числе, оно давало возможность понимать изображаемое только как единичное явление» [1, с. 212].

Таким образом, эпиграмма «Сказали раз царю, что наконец...» сочетает в себе черты собственно эпиграммы и басни, причем тяготеет к последней в большей степени, чем большинство произведений русской эпиграмматики. Это проявляется и в ее композиции, и в подходе к обработке прототипов персонажей и сюжета. В самой своей сущности это произведение содержит характерные черты двух жанров, объединяя басенную и эпиграмматическую традиции.

В заключение нужно сказать несколько слов о преломлении басенной традиции в эпиграмматике после смерти Пушкина. Басенное начало в эпиграмме сохраняется, хотя и не приобретает ничего нового, не претерпевает активного

204 | развития. Прекращение его развития с 1840-х гг. можно объяснить тем, что во второй половине XIX в. приостанавливается развитие басенного жанра, а к моменту возрождения басни в начале XX в. влияние ее на эпиграмму уже не столь актуально. Как писал Л.Ф. Ершов, начиная еще с первой четверти XIX в. прежних достижений, связанных с басенным влиянием, «оказалось недостаточно, ибо потребовалось преобразование эпиграмматического языка, насыщение самого стиля насмешливой экспрессией» [12, с. 40]. Черты басни можно усмотреть в этот период в некоторых эпиграммах Д.Д. Минаева («Природа и люди»), Саши Черного («Читатель»), Ю.Н. Верховского («Ночью сидел я мирно с пером в руке и работал...») и др.

Литература

1. Акулова Е.А. Сатира А.С. Пушкина на Воронцова // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. 1963. Т. 245: Из истории русской литературы. С. 197–216.
2. Афанасьева Э.М. Номинологические модели в художественных практиках: к проблеме онтологии имени // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 565. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20992656_18919198.pdf
3. Басня // Литературная энциклопедия: В 11 т. [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le1/le1-3591.htm> (дата обращения 17.08.2018).
4. Басня // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003924255#?page=155> (дата обращения 17.08.2018).
5. Даниленко И.И. Диалог в эпиграмме и басне XVIII – первой половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 1995. 28 с.
6. Квятковский А. П. Пуант // Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Сов. Энцикл., 1966. С. 228.
7. Лафонтен Ж. Басни / Перевод с французского. М.: Алгоритм, 2000. 544 с.
8. Леонов И.С. Поэтика русской эпиграммы XVIII – начала XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 16 с.
9. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 с.
10. Потевня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. [Электронный ресурс]. – URL: <http://philolog.petsu.ru/filolog/lit/potevnia.pdf> (дата обращения 17.08.2018).
11. Русская эпиграмма / Сост., вступ. статья и примеч. В. Васильева. М.: Худож. Лит., 1990. 366 с.

12. Русская эпиграмма второй половины XVII–XX вв. / Вступ. статья Л.Ф. Ершова. Сост., подг. текстов и прим. В.Е. Васильева, М.И. Гиллельсона, Н.Г. Захаренко. М.: Советский писатель, 1975. 968 с.

N.A. Zaycev

PUSHKIN'S EPIGRAM «THE TZAR WAS ONCE TOLD...» AS A BRIGHT MANIFESTATION OF FABLE PRINCIPLE IN RUSSIAN EPIGRAMMATIC

Abstract. The article analyzes the features of Pushkin's epigram «The Tzar was once told...» which allow to suggest manifestation of fable principle in this epigram and its closeness to fable. The analysis is accompanied by a brief summary of fable's influence on epigrammatic of Pushkin's predecessors, contemporaries and later epigrammatists.

Keywords: fable; epigram; A.S. Pushkin.

ПУШКИН В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА

Аннотация. Статья посвящена проблеме трансформации пушкинского образа в современной музыке. Особое внимание уделено традиции деканонизации образа Пушкина в русской литературе и ее влиянию на современное переосмысление образа. Выявляется общая тенденция подобного переосмысления.

Ключевые слова: Пушкин; трансформация; деканонизация; образ.

Трансформация образа Пушкина – явление, которое имеет глубокие корни в русской литературе. Вспомним пьесу Н.В. Гоголя «Ревизор». Хлестаков говорит Сквозник-Дмухановскому о том, что он находится с Пушкиным на дружеской ноге. Это первое приближение образа поэта к читателю, его упрощение. Здесь нельзя также не вспомнить легендарные анекдоты Даниила Хармса о Пушкине. Они были написаны вскоре после широкой юбилейной кампании 1937 г., приуроченной к столетней годовщине смерти поэта, то есть послужили своеобразным «ответом» на официальную точку зрения на роль Пушкина в русской литературе.

Процесс переосмысления пушкинского образа особенно заметен в эпоху первой волны русского постмодернизма. В противовес каноническому, традиционному советскому представлению о Пушкине выступают смелые попытки деканонизации образа поэта. Так, по словам А. Синявского, за почтенными титулами лицо Александра Сергеевича превратилось «в сплошное популярное лицо с бакенбардами» [6, т. 1, с. 341]. Возник парадокс: чем сильнее официальная, традиционная точка зрения поддерживала миф о Пушкине, тем больше его образ застывал и превращался в некое подобие «медного всадника».

В современной культуре переосмысление образа Пушкина продолжается. Можно вспомнить выставку «Пушкин. XXI век», которая в 2017 г. проводилась в ГИМИИ имени А.С. Пушкина. Огромное количество картин современных художников, инсталляций, документальных и анимационных фильмов служили только одной цели – проследить трансформацию образа поэта сегодня.

Активный процесс трансформации взгляда на пушкинский образ затронул и современную музыку. В 2011 г. выходит песня NoizeMC «Пушкинский

рэп», в которой лирическим героем является сам Александр Пушкин. Образ Поэта намеренно снижен, его портрет дан в разговорном стиле:

Меня зовут Александр Сергеевич Пушкин,
Моя кожа не похожа на начинку ватрушки.
Смуглое лицо, черных кудрей завитушки,
Спасибо прадедушке за все эти фишки [7].

Пушкин выступает в этой музыкальной композиции как противник ксенофобии и расизма. Он вспоминает о своих корнях:

Мол мой прадед араб Ганнибал,
Был Петром за батл рома в Амстердаме куплен у менял [7].

Здесь же упоминается лицейское прозвище поэта в контексте его происхождения:

Не слишком большого умишка обладатели,
Обзывать обезьяной считали обязательным [7].
В финале песни поэт резюмирует:
Русский язык учить, не читая моих книг –
Это дорога напрямик в тупик [7].

Припев содержит мотив обличения сторонников расизма:

Так откуда берутся грамотеи такие,
Что думают, будто расизм и Россия –
Это слова однокоренные,
Найдите, Пушкин против таких, как вы, йоу [7].

Обратим внимание на последнюю строку, в которой приводится оценочное суждение по этому поводу, и с помощью междометия «йоу» как бы сближается с русской хип-хоп культурой.

В данной песне образ Пушкина максимально осовременен. Поэт разговаривает на одном языке с поколением, которое формируется на русском рэпе. Призывает их к толерантности по отношению к другим народам и осознанию того факта, что русское национальное самосознание всегда было открыто для инокультурного опыта.

Совсем иное понимание образа Пушкина демонстрирует творчество группы «Серебряная свадьба», кабаре-бэнда из Белоруссии. В 2012 г. этот коллектив выпускает песню «Черная речка». Уже из названия становится ясно, что композиция песни строится на важнейшем эпизоде жизни А.С. Пушкина – дуэли. Лирическая героиня на протяжении всей песни пытается отговорить Пушкина от поездки на Черную речку, зная, что это решение станет роковым в судьбе поэта.

Как и в «Пушкинском рэпе», здесь образ поэта максимально приближен к слушателю, но это сближение воплощено иначе. Если в первом случае Пушкин разговаривает с молодежью на языке хип-хоп-культуры, то в «Черной речке» лирическая героиня, обращаясь к нему, зовет его просто Сашей:

Саша, Саша, погоди!
 Саша, Саша, не ходи
 На речку, на Черную речку,
 Там конечная [4].

Подобное обращение, на наш взгляд, не столько снижает образ, сколько делает его более простым и понятным для восприятия. Хрестоматийная монументальность фигуры Пушкина уходит, и остается живой человек со своей трагедией. Лирическая героиня, напрасно пытаясь изменить исход трагедии, напоминает поэту о красоте жизни и его семье:

Саша, Саша, посмотри,
 Как красиво снегири
 Танцуют на веточках.
 Подумай о деточках! [4]

Сама дуэль представлена как эпизод жестокий и бессмысленный:

Черная речка, черный пистолет,
 На снегу два человечка,
 Хлоп, – и одного уже нет... [4]

Упоминание двух действующих лиц именно как «человечков» не снижает образы, а делает саму дуэль как бы увиденной глазами ребенка.

Как уже сказано выше, монументальность образа поэта здесь явно снижена, однако в песне присутствуют строки, показывающие значение Пушкина для русского национального самосознания:

Саша, Саша, Саша, Саша!
 Ты же солнце наше,
 А Дантес – да что с Дантесом,
 Иди он лесом! [4]

Именно этот контраст двух образов – Пушкина как родного и близкого в противовес «чужому» Дантесу, не заслуживающему ни внимания, ни сочувствия, – позволяет слушателям сопереживать событиям, разворачивающимся в песне. Личная трагедия лирической героини, связанная со смертью близкого ей человека, оборачивается трагедией общенациональной.

В довольно, на наш взгляд, пессимистичной песне «Пушкин» группы «Ледоход» поэт представлен разочарованным в современной жизни:

Пушкин больше не придет к нам.
 Он плачет и сжигает стихи.
 Он покидает наши дома
 И оставляет волю стихий [2].

Современное общество утратило гармонию, присущую поэзии Пушкина, и вместе с сожжением бессмертных строк утрачиваются и прежние нравственные ориентиры:

Нам не найти брод.
 Земля уходит из-под ног.
 Люди валяются за борт

В грязный сток
Черноворот [2].

Разрыв с пушкинской поэтической традицией наглядно проявляется и на фонетическом уровне. Разделение слов на слоги передает ощущение хаоса бытия:

Не-бо
Рвет гром
По-том по-топ
По-том по-гром [2].

Говоря об образе Пушкина в современной музыке, нельзя не обратиться к песне группы «Кассиопея» – «Лифт-Пушкин». Повествование ведется от лица необычного героя – лифта, который однажды посетил дух Пушкина. До этого знаменательного события лифт был «простым обычным лифтом» [1]. У него не было никаких иных забот, кроме «тщательно смазанной лебедки» [1]. Образ Пушкина здесь иронически возвышен:

Однажды застрял я на самой высокой отметке,
Там небо, там звезды, там Пушкин в белых перьях.
Ангел, ангел, Пушкин в гусиных перьях [1].

Да, мы видим фигуру поэта-«ангела», но снижение образа достигается введением в художественный текст такой детали, как «гусиные перья». Подобная парадоксальная деталь создает контраст и, следовательно, сознательно нелепый образ. Но что же происходит с лифтом после? Его антропоморфный образ отныне наделен не только «возвышенной и чистой» любовью к литературе, но и способностью «вплетать» пассажиров в самую ткань словесного творчества:

Теперь возвышенно и чисто
Отдался весь литературе:
Мальчик зайдет – превращаю в стихи!
Мужа в памфлет, в новеллу жену,
Военный заходит – выходит поэмой о мужестве! [1]

На наш взгляд, подобная «странная» песня о «мистической» связи русского поэта с обычным лифтом является продолжением анекдотической традиции переосмысления пушкинского образа. Этот опыт отсылает исследователей к традиции обэриутов, в частности, Даниила Хармса, о чем мы говорили выше.

Итак, рассматривая трансформацию пушкинского образа в современной музыке, можно выделить одну ведущую тенденцию: максимальную степень приближения фигуры Пушкина к уровню слушателя. Пушкин может быть представлен сегодня различными образами. Это может быть Пушкин-рэпер, осуждающий расизм, или родной для каждого Саша Пушкин; это может быть поэт, горько разочарованный в современном обществе и переживающий разрыв с ним, или анекдотичный дух Пушкина – все эти образы выполняют одну

210 | художественную задачу, и, несомненно, обращение к ним – это продолжение традиции русского постмодернизма.

Литература

1. Кассиопея Лифт-Пушкин. [Электронный ресурс] 2010. – URL: <https://music.yandex.ru/album/221240/track/34744163> (дата обращения 20.09.2018)
2. Ледоход Пушкин // Электронный ресурс 2018, URL: <https://music.yandex.ru/album/3959433/track/32486781> (дата обращения 18.09.2018)
3. Машенко А. Деканонизация образа А. С. Пушкина в литературе первой волны русского постмодернизма // Вопросы русской литературы. 2012. № 23.
4. Серебряная свадьба P.S. Черная речка. [Электронный ресурс] 2012. – URL: <https://music.yandex.ru/album/603886/track/5482684> (дата обращения 22.09.2018)
5. Спиваковский П. Постмодернистский миф о Пушкине. [Электронный ресурс] 2010. – URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/5/sp11.html (дата обращения 22.09.2018)
6. Терц. А. (Синявский, А. Д.) Собрание сочинений : в 2 т. М.: Старт, 1992. Т.1. 670 с.
7. NoizeMC Пушкинский рэп. [Электронный ресурс] 2012. – URL: <https://music.yandex.ru/album/5195131/track/40053544> (дата обращения 20.09.2018)

N. D. Shamova

PUSHKIN IN MODERN MUSIC: THE TRANSFORMATION OF IMAGE

Abstract. The article is devoted to the process of transformation of Pushkin's image in modern music. Special focus is paid to the tradition of decanonization of Pushkin's image in Russian literature and the influence of this tradition on the contemporary rethinking of the image. The general tendency of rethinking of Pushkin's image is revealed.

Keywords: Pushkin; transformation; decanonization; image.

«НЕЗАМЕННЫЕ ТРИ ПЕСНИ»: А. С. ПУШКИН И РУССКАЯ МОЛОДЕЦКАЯ ЛИРИКА

Аннотация. В статье рассматривается народно-поэтическая трактовка стихотворения А.С. Пушкина «Соловей» из цикла «Песни западных славян» и ее краткий анализ в контексте молодецкой лирики.

Ключевые слова: А.С. Пушкин; фольклор; молодецкая лирика.

А.С. Пушкин известен современному поколению исследователей не только в качестве поэта и прозаика, но и как собиратель и популяризатор традиционной народной поэзии и прозы. Его демократизм, стремление к многогранному отражению разнообразных сторон народной жизни, политическая прогрессивность, связанная органически с феноменальным художественным дарованием, позволили поэту заговорить о свободном взаимодействии современной ему литературы и простом деревенском слове.

С 20-х гг. XIX в. он начинает сбор песенного и прозаического материала, а уже во время южной ссылки в заметке «О французской словесности» (1822 г.) говорит о необходимости национальной самобытности в прозе и поэзии.

Им были приняты успешные попытки использования традиционных сказок при написании сказок авторских. Именно Пушкин представил цикл «Песни западных славян», где многие произведения имеют фольклорный источник.

Такой интерес к народному слову был обусловлен и желанием найти собственный путь русской поэзии, и большой любовью к музыкальным и словесным традициям русского народа. Так, например, А.С. Пушкин вплетает зачины двух народных песен в стихотворение «Зимний вечер»:

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

В первом случае мы видим обращение к песне «За морем синица не пышно жила», а во втором – «По улице мостовой». Эти песни могли быть слышаны поэтом от няни или слуг, а могли быть прочитаны им в сборнике русских песен И. Львова-Прача, опубликованном в 1806 г. Так или иначе, упоминаемые в стихотворении песни легко узнаваемы.

212 | А.С. Пушкин, освоив приемы народной поэзии, успешно реализовывал их в своих произведениях и не редко экспериментировал с этим жанром.

П.В. Киреевский так рассказывал академику Ф.И. Буслаеву о доставшейся ему тетради с традиционными песнями, собранными А.С. Пушкиным:

«Вот эту папку дал мне сам Пушкин и при этом сказал: «Когда-нибудь от нечего делать разберете-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам». И сколько ни старался я разгадать эту загадку, я никак не могу сделать. Когда это мое собрание будет напечатано, песни Пушкина пойдут за народные».

Поэзия с опорой на народную поэзию стала существовать не только в сборниках ученых, но и в самом народе. Кроме передачи от народа к поэту существовала и обратная передача. Таким образом, многие тексты А.С. Пушкина стали истинно народными и в последствии неоднократно записывались фольклорными экспедициями в разных уголках нашей страны и за ее пределами.

В этой публикации мы познакомимся с песней за основу которой, возможно, взято стихотворение А.С. Пушкина «Соловей» из цикла «Песни западных славян». Этот вариант адаптации текста поэта под традиционную песню был записан автором публикации в Брянской области. Народный вариант демонстрирует проникновение творчества поэта в традиционную поэзию и его созвучность с свойственными ей образами.

Десятая песня из цикла «Песни западных славян» относится к так называемой молодецкой лирике. Само понятие «молодецкая лирика» может быть объяснено как мужская традиционная песенная лирика о любви, военной службе и душевных переживаниях. В данном случае мы видим образец молодецкой любовной лирики. Здесь мы видим триединство «забот», характерное для традиционной поэзии, а также просьбу молодца, связанную с его захоронением, свойственную любовным и военно-бытовым песням.

Мы не будем приводить исходный текст данного стихотворения, а покажем его трансформацию, которая была зафиксирована автором публикации в селе Катичи Новозыбковского района Брянской области:

Соловейка молодой,
Заполетный мой лесной,
Заполетный мой лесной,
Расхороший голос твой.
Ты запой-ка, соловей,
Ранюсенько по заре,
Ранюсенько по заре
Трое песенок ко мне.
Трое песенок ко мне,
Моей буйной голове.
А в меня ли, в молодца
Три несчастные туги.

Как и першая туга,
Что женатый я хожу.
Как и другия туга,
Что печалюшку терплю.
Как и третия туга,
Что в жалости жизни нет.
А вы, братчики мои,
А вы, родные мои.
Вы мне сделайте труну,
Позаройте в могилу.
В моих ноженьках цветы
Алы цветики взошли,
Алы цветики взошли,
Дунай-речка протекла.

В этом тексте мы можем видеть как сходные элементы, так и те, что отличают его от поэзии А.С. Пушкина.

К элементам, сходным со стихотворением «Соловей», можно отнести сюжетную линию и состояние лирического героя. Здесь же мы видим триединство соловьиных песен и молодецкой заботы (здесь печали «туги»), что также прослеживается в оригинале. Триединство также наблюдаем и в формировании поэтического текста.

В первой части, как и в стихотворении, мы видим обращение к соловью, где лирический герой указывает на характерные для этой птицы «незаменные» (по А.С. Пушкину) песни. Если в стихотворении триединство этих песен особого значения не имеет, то здесь каждая песня рассказывает слушателю об определенной «заботе» молодца: «Трое песенок ко мне,/ Моей буйной голове».

Первой заботой, как и в стихотворении, является женитьба, но если у поэта «Рано молодца женили», то у героя песни основой для грусти является не ранняя женитьба, а само состояние женатого человека. В качестве второй заботы в оригинальном стихотворении приводится формулировка: «Ворон конь мой притомился», – тогда как в народной песне мы видим формулировку: «Что печалюшу терплю». Народные исполнители при вопросе о различиях в значении слов «туга» и «печалюшка» указывают, что тужить можно о чем угодно, а печалиться только о любви или душе, следовательно мы прослеживаем здесь связь скорей с третьей заботой молодца из стихотворения, где «Красну-девицу со мною/ Разлучили злые люди».

Третья «туга» фактически дублирует первую и поясняет ее. Лирический герой недоволен женитьбой, потому что «в жалости жизни нет». В местном диалекте к глаголу «жалеть» применяется несколько иное значение. Здесь это слово значит любовь в самом высоком ее проявлении, а «жалеть кого-то» – значит любить его без памяти.

214 | Третья часть песни выполняет форму обращения. «Братчики» в ней – это сослуживцы либо друзья лирического героя, томимого чувствами. Поэт в стихотворении не обращается к товарищам прямо, а лишь просит:

Вы копайте мне могилу
Во поле, поле широком,
В головах мне посадите
Алы цветики-цветочки.

Молодец в народной песне просит товарищей сколотить ему «труну» (гроб) и посадить в ногах алые цветы. Упоминание необходимости гроба чаще характерно для молодецкой или даже казачьей лирики, что дополнительно приближает рассматриваемый фольклорный текст к этому жанру.

Отдельного внимания заслуживает река Дунай. Она, как правило, символизирует переход, как и любая река в традиционной системе образов. Здесь этот символ может быть рассмотрен в двух ипостасях. Для западно-русской фольклорной традиции характерно упоминание Дуная как реки, ведущей в царство мертвых. В общем же, эта река нередко используется в песнях, как наиболее узнаваемая.

Образом реки заканчивается текст народной песни, но если читать исходное стихотворение А.С. Пушкина, можно заметить и четвертую часть:

Пройдут мимо красны девки,
Так сплетут себе веночки.
Пойдут мимо стары люди,
Так воды себе зачерпнут.

Здесь можно наблюдать и сравнение двух поколений через их потребности, и характерный для молодецкой лирики прием описания природы, где оно часто завершает повествование. Так, например, в расшифровках молодецких песен с. Кривцово читаем:

Постелька моя – вся Дунай-река,
Подушка моя – желтенький песок,
Ковдрочка (одеяло) моя – частенький дождек.

Этот отрывок текста является показательным еще и потому, что Дунай здесь вновь принимает форму связующего звена между мирами, а описание природы завершает повествование.

Завершающая часть стихотворения не отражена в рассматриваемой народной песне, однако, мы предполагаем, что она могла быть забыта исполнителями.

При воспроизведении фольклорного текста и стихотворения А.С. Пушкина сразу заметно несоответствие их размеров. Это довольно легко объяснить особенностями трансформации произведения под влиянием местной вокальной и поэтической традиции. При таком изменении исполнители редактировали текст так, чтобы он удобно ложился на принятый напев. В народном

переложении стихотворения А.С. Пушкина «казак» из хутора Усть-Бузулук Волгоградской области читаем:

Тихо ехал над рекою
Удалой донской бравый казак.

У поэта читаем:

Ехал тихо над рекою
Удалой казак.

По результатам проведенного анализа можно сказать, что А. С. Пушкин не только активно изучал народную поэзию, но и стал, сам того не подозревая, автором песен, которые народ считает традиционными.

Литература

1. Буслаев Ф. И. Мои воспоминания // Вестник Европы. 1891. Октябрь. С. 637.
2. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 тт. Т 2. М.: ГИХЛ, 1959.
3. Енговатова М.А. Русские лирические песни в системе жанров музыкального фольклора // От конгресса к конгрессу. Материалы Второго конгресса фольклористов. Сб. докл. Т 1. М.: ГРЦРФ, 2010. С. 383–389.
4. Мехнецов А.М. Народная традиционная культура: Статьи и материалы. К 150-летию Санкт-Петербургской консерватории / сост. Е.А. Валевская, К.А. Мехнецова; Вст. ст. Г.В. Лобковой. СПб. : Нестор-История, 2014. с. 224.
5. Новикова А.М. Русская поэзия XVIII – первой половины XIX в. и народная песня: Учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1982.

A.S. Yashin

THREE UNFORGETTABLE SONGS: A.S. PUSHKIN AND RUSSIAN MALE FOLKLORE

Abstract. This article is about the folk version of the poem «Nightingale» by Alexander Pushkin. The article includes the analysis of folk song.

Keywords: A.S. Pushkin, poetry, folklore.

В.С. Тимощенкова
tim.valerija@rambler.ru
студент Московского педагогического
государственного университета,
Москва, Россия

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА (НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТЕВЫХ РЕСУРСОВ ИНТЕРНЕТА)

Аннотация. Статья рассматривает интернет-возможности для раскрытия образа и творчества Пушкина. В ней представлена компьютерная игра, которая предлагает свои варианты развития сюжета романа в стихах «Евгений Онегин». В статью вошло также описание новой театральной постановки «Онегина» в театре Маяковского. Новое прочтение романа в стихах позволяет по-современному визуализировать художественный текст, приспособив под современные реалии.

Ключевые слова: А.С. Пушкин; Интернет; компьютерная игра; спектакль «Онегин»; Histars; PushkinDigital; Arzamas.

Наступившая цифровая эпоха, которая стала частью жизни не только взрослых, но детей и подростков, вызывает немало вопросов и споров. Одни считают, что новые цифровые технологии отнимают время и еще больше делают нас зависимыми от компьютера и гаджетов, другие полагают, что, напротив, данные технологии помогают нам узнавать и осваивать то, что ранее было труднодоступно.

В данной статье мы рассмотрим предлагаемые цифровой эпохой возможности популяризации классической литературы и то, как сетевые ресурсы помогают по-иному рассмотреть образ великого русского писателя А.С. Пушкина. Задавая вопрос, для чего это нужно, мы должны осознавать, что нынешнее поколение школьников уже можно назвать «цифровым», а значит, необходим и новый язык общения с ними. Изменения касаются не только школьников, но и студентов, и людей более старшего поколения.

Интернет и социальные сети позволяют «внести» образ русского поэта А.С. Пушкина в современную жизнь. В 2017 году в социальной сети «ВКонтакте» появился набор стикеров, созданный по произведениям писателя, в день его рождения 6 июня. Героями стикеров стали персонажи сказок и поэм, романов «Евгений Онегин» и «Дубровский», а также сам Пушкин. Кроме стикеров мы встречаем различные мемы с образом Пушкина.

А в 2018 году, также в честь рождения А.С. Пушкина, создатели мобильного приложения Hístars представили 17 цифровых двойников писателя, с которым можно сделать селфи [3]. 3D-копии писателя можно было увидеть на улицах, парках и скверах, наводя на определенные точки камеру мобильного телефона. Таким образом на экране появлялся Пушкин, с которым, подбирая нужный ракурс, можно было сделать фото. Расположение цифрового двойника подскажет стрелка компаса в меню приложения Hístars.

Помимо стикеров и мемов нам удалось найти и другие примеры освоения пушкинского творчества пространством сети Интернет. Анализируемый материал не дает однозначного ответа на вопросы «хорошо или плохо?». Часть из него направлена на более глубокое знакомство с творчеством А.С. Пушкина, например, интернет-ресурсы обучающего и справочного характера. А такие цифровые возможности, как игра, связанная с личностью писателя и его произведением, каждый читатель оценит сам для себя.

Начнем с двух интересных и полезных интернет-ресурсов: PushkinDigital (<https://pushkin-digital.ru/>) и Arzamas (<https://arzamas.academy/>). Каждый из этих сайтов заинтересует как школьников и студентов, так и людей, чья профессия связана с филологией и культурой, а также простых обывателей, которые хотят расширить свой кругозор.

PushkinDigital – проект цифрового академического издания сочинений А.С. Пушкина. Проект включает в себя пушкинский текст, снабженный обширным историко-литературным комментарием, а также мультимедийную энциклопедию произведений, которая содержит тысячи внешних ссылок, сотни книг и статей, а также десятки листов пушкинских произведений, оцифрованных и снабженных специальной расшифровкой, позволяющей проследить ход работы поэта. На сайте мы видим следующие произведения А.С. Пушкина: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Пир во время чумы». Также мы найдем аудиовидеоматериалы, в которых представлены оперные арии и театральные постановки; иллюстрации художников к произведениям поэта и даже «Словарь языка Пушкина» в четырех томах. Проект направлен на то, чтобы представить филологические знания и академическую науку понятными и доступными широкому кругу читателей.

Arzamas – просветительский проект. Данный контент включает в себя бесплатные видеолекции и материалы по литературе, истории, искусству, антропологии, философии и др. Статьи написаны доступным языком для широкой аудитории, включают интересные и необычные факты, нередко с долей интеллектуального юмора. Попадая на главную страницу сайта, мы замечаем знакомое лицо, выглядывающее в правом нижнем углу экрана. Зрение нас не подводит – это А.С. Пушкин. При нажатии на иконку появляется окошко с двумя строчками из стихотворений поэта, которые содержат в себе вместо слов непонятные значки. Конечно же, это заинтересовывает, и мы

218 | пытаемся разобраться, а что происходит, кликая на соответствующие слова, а сам А.С. Пушкин уже смотрит на нас в черных очках, знакомых каждому продвинутому пользователю социальных сетей. Далее мы оказываемся на следующей странице, на которой рассказывается об интересном мобильном приложении «EmojiPushkin» [1]. Приложение является игрой, в которой представлены 49 стихотворений поэта и 878 эмодзи. Если раньше эмодзи, они же смайлы или эмотиконы, использовались только в социальных сетях, заменяя порой целые предложения, то теперь им нашлось более полезное применение. Цель игрока – подставлять эмодзи вместо слов, которые пропущены, в самых знаменитых пушкинских произведениях. Приложение, несмотря на то, что это игра, действительно поможет вам проверить себя, а, возможно, и запомнить пару стихотворений А.С. Пушкина. Необычное использование эмодзи поможет привлечь к чтению современную аудиторию, после чего они откроют уже не приложение, а оригинальный сборник поэзии великого русского поэта. Также хочется отметить и статьи, которые посвящены творчеству А.С. Пушкина на Arzamas. Например, «Как написать "Евгения Онегина": инструкция» / «10 советов Александру Пушкину» [2]. Название статьи звучит очень смело, а от этого и интригующе. Статья состоит из десяти советов, в каждом из которых акцентируются определенные детали произведения А.С. Пушкина: «Но вообще помните: сюжет не главное; <...> «Роман требует болтовни», а вам ведь есть, что сказать. Так что позаботьтесь об образе Автора. Во-первых, сделайте сами действующим лицом повествования – например, подружитесь с главным героем или возьмите на ответственное хранение письмо героини. Во-вторых, и в-главных, не ограничивайте себя в отступлениях от повествования: комментируйте сюжет, делитесь своими авторскими планами и не стесняйтесь говорить о себе самом. Биографические подробности в отступлениях только подогреют интерес читателей, и они будут следить не только за судьбой героев, но и за вашей собственной. Особенно это актуально, если вы несколько лет вынужденно не появлялись в столицах и все думают о вас как об изгнаннике и человеке исключительной биографии» [2]. Также важно отметить, что в статье даются ссылки, переходя по которым, мы видим историю создания произведения: критика В.Г. Белинского, «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского, отрывки из ранних редакций с предисловием проф. И.А. Пильщикова, письма А.С. Пушкина А.А. Бестужеву.

Таким образом, электронный журнал Arzamas соединяет в себе развлекательный элемент с научным, отчего изучение творчества А.С. Пушкина и деятелей из других сфер культуры становится увлекательным. Современное общество постоянно в движении, и порой нет времени найти необходимое пособие с нужным материалом. Тогда на помощь приходят подобные интернет-ресурсы, которые можно открыть здесь и сейчас с информацией «по делу».

На сегодняшний день интерес к творчеству А.С. Пушкина проявляется не только в форме познавательных интернет-проектов, но и в игровой сфере – компьютерной игре. 1 сентября в 2009 году поступила в продажу игра для персонального компьютера «А.С. Пушкин. "Евгений Онегин"». Игра выполнена в японском жанре visual novel, аниме. Подробное описание игры размещается на официальном сайте <http://www.dreamloregames.com/onegin/characters.html>.

По словам создателей, они хотели показать новый подход к рассмотрению произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Необычен не только внешний вид персонажей, но и их состав. Кроме привычных нам героев появились крайне неожиданные: Полина (мачеха, а не мать, Татьяна и Ольги), Чацкий, Базаров, Петушков, Беатрис, Журналист. Отмечено, что фамилии новых лиц лишь совпадают с героями из других литературных произведений, но не являются ими.

Евгений Онегин представлен с красными волосами, а облик денди дополняет пирсинг в брови, Ленский с длинными волосами, но «кудри черные до плеч» стали светлыми. Татьяна и Ольга обладают одинаковой внешностью, длинными волосами и красными глазами.

Сюжет в игре также имеет ряд различий с оригиналом. Евгений Онегин узнает от Петушкова, что Дмитрий Ларин – историк и краевед. После того, как их края постигла эпидемия, он серьезно начал изучать медицину вместе с врачом Евгением Базаровым, а также у него есть две дочери на выданье от первого брака. Далее, Петушков предупреждает Онегина о том, что лучше не посещать деревню, которая расположена в долине, так как в ней властвуют злые силы. Конечно же, Онегин туда отправляется. По дороге в деревню он оказывается на кладбище, где встречает первого зомби. Завязка сюжета в игре основана на гибели Дмитрия Ларина, которого Онегин обнаружил у него дома мертвым. Начинается расследование, которое ведет Чацкий – специальный агент тайной полиции. В дальнейшем он признается, что является еще и охотником на нечисть. Под подозрение в гибели Ларина попадает врач Евгений Базаров. Тем временем Ольга оказывается заложницей Базарова. В игре игроку предлагаются несколько путей развития сюжета, который он выбирает. Но все эти варианты наполнены убийствами и нечистой силой. От оригинального пушкинского сюжета ничего не осталось, кроме некоторых сцен, например, дуэли Онегина и Ленского.

Реакция на игру отражает различные мнения. Создатели игры не считают, что могли оскорбить ценителей литературы. Они приводят в пример готический фильм ужасов Тима Бертона «Сонная лощина», который был снят по новелле Вашингтона Ирвинга «Легенда о Сонной Лощине».

На наш взгляд, данную игру не стоит воспринимать серьезно. Однако могут возникнуть проблемы с подростковой аудиторией, которая еще не

220 | прочитала произведение А.С. Пушкина, а сразу познакомилась с сюжетом игры, отчего в их сознании строится неверное представление о романе. Если обратиться к отзывам, то мы увидим, что большую часть составляют высказывания нейтрального характера, а кто-то даже ожидает вторую часть. Аудитория воспринимает игру как развлекательный момент, который не нужно сравнивать с романом А.С. Пушкина «Евгений Онегин» с филологической точки зрения.

Следующая современная интерпретация творчества А.С. Пушкина, представленная в данной статье, носит не только развлекательный характер, но и культурный, познавательный – спектакль «Онегин» в театре им. Маяковского. Это спектакль-концерт, режиссером которого является Наталья Семенова, а композитором Алексей Айги. Музыка написал Алексей Айги, который выходит на сцену вместе со своим Ансамблем «4:33». По словам создателей, они «постарались максимально бережно отнестись к пушкинскому слову, сохранить сюжет, историю, дополнив ее знаменитыми комментариями к роману – острыми, парадоксальными, современными» [6]. Музыка (электронная гитара, скрипка, ударная установка) является не фоном для действий на сцене, а двигателем и энергией спектакля.

В роли Онегина выступает Даниил Страхов, Татьяны – Ирина Пегова, Ленского – Сергей Шнырев, а прекрасный тембр голоса рассказчика принадлежит Сергею Чонишвили.

Зрители становятся очевидцами нового прочтения произведения Пушкина. Стираются прежние школьные шаблоны, форма подачи понятная и близкая для зрителей: быстрая и шумная. Декораций на сцене нет, но действие сопровождается пушкинскими рисунками и набросками, проецирующимися на экран. Также присутствуют видеовставки, напоминающие черно-белое немое кино. Они хорошо отображают инореальность «Онегина», а именно – сон Татьяны и дуэль с Ленским. Текст в новом прочтении можно назвать постмодернистским: кроме традиционных строк мы услышим критику Набокова и даже рэп.

Создателями постановки был снят небольшой видеофильм, показывающий, что ожидает публику [6]. Необычна интерпретация предполагаемого фразеологизма «разбитое сердце» или «игра с сердцем» в видеофильме. Действующие лица сидят за столом, их мимика не выказывает никаких эмоций, а в руках столовые приборы. В центре стола – Онегин. Перед каждым стоит тарелка, переходящая по кругу, в которой лежит настоящее человеческое сердце.

На наш взгляд, зрителям это необходимо, чтобы снова прочувствовать текст, который навсегда вошел в нашу историю, увидеть роман свежим взглядом. Также это подтверждает, что произведение А.С. Пушкина актуально во все времена, оно живое, если мы и на сегодняшний день можем «подстроить» его под современных читателей и зрителей.

«Пушкин – наше все» – каждый знает эти строки из высказывания Аполлона Григорьева. Анализируемый материал в статье показывает, насколько велики возможности современного сетевого мира, чтобы личность А.С. Пушкина не забылась и была понятна новым поколениям. Творчество великого русского писателя не видоизменяется кем-то, но меняется его подача. Новые технологии не нарушают гармонию человеческой жизни, если грамотно и полезно их использовать.

Литература

1. EmojiPushkin // Arzamas [Электронный ресурс]. – URL: <https://arzamas.academy/special/pushkinemoji> (дата обращения 15.08.2018).
2. Алина Бодрова. Как написать «Евгения Онегина»: инструкция. 10 советов Александру Пушкину // Arzamas [Электронный ресурс]. – URL: <https://arzamas.academy/materials/1132> (дата обращения 15.08.2018).
3. Histars // Google Play [Электронный ресурс]. – URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=ru.mos.UMphoto&hl=ru> (дата обращения 15.08.2018).
4. PushkinDigital [Электронный ресурс]. – URL: <https://pushkin-digital.ru/about> (дата обращения 15.08.2018).
5. А.С. Пушкин. Евгений Онегин. Игра для персонального компьютера [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dreamloregames.com/onegin/characters.html> (дата обращения 15.08.2018).
6. Онегин. Спектакль // Театр им. Маяковского [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mayakovsky.ru/performance/onegin/> (дата обращения 15.08.2018).

V.S. Timoshchenkova

NEW OPPORTUNITIES OF STUDYING PUSHKIN'S CREATIVITY (BY MEANS OF THE INTERNET RESOURCES)

Abstract. The article reviews the Internet resources to reveal new opportunities in studying Pushkin's character and his works. It also considers the computer game which proposes its own ways of the developing of the plot of the poetical novel «Evgeny Onegin». The article also includes the description of a new theatrical staging of the poetical novel «Onegin» produced by Mayakovsky theater. The play offers a new interpretation of the fiction to adapt it to modern reality.

Keywords: A. S. Pushkin; Internet; computer game; theatrical staging «Onegin»; Histars; PushkinDigital; Arzamas.

Научное издание

ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Сборник научных работ по итогам
Международной научно-практической конференции
«XXVIII Пушкинские чтения»
(Москва, 17–19 октября 2018 г.)*

Статьи публикуются в авторской редакции

Технический редактор *Н. М. Разумова*
Компьютерная верстка *Е. А. Васюкова*

Гарнитура Таймс. Формат А5.

Редакционно-издательский отдел
Департамента научной деятельности
Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.
Тел.: + 7 495 330 88 01. Факс: + 7 495 330 85 65.
Эл. адрес: inbox@pushkin.institute
Сайт: www.pushkin.institute